

Журнал основан в 2008 г.
Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77–70644 от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 42059

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:

430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Дата выхода 23.04.2021.
Формат 70 x 108 1/16. Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 150 экз.).
Цена свободная. Заказ № 460

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2021

The journal was founded in 2008.
Published quarterly

Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media Certificate ПИ № ФС77–70644 August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign countries

Subscribe index: 42059,
Catalog “The Press of Russia”.

Founder and Publisher:

Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”
68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

Editorial board:

68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia
Phone: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Released on April 23, 2021.
Format 70 x 108 1/16. Press sheets 12.0.
Circulation 1000 copies (1st – 150 copies).
Free price. Order No. 460

Printed in the Publishing House of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2021

Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Материалы Журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

The editorial board of the journal "Finno-Ugric World" is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers "Ethical Principles of Journal Publications".

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such "help".

The "Finno-Ugric World" is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

All the materials of the "Finno-Ugric World" journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

- Макаркин Николай Петрович** – председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrsu.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@gmail.com
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вдовин Сергей Михайлович** – кандидат экономических наук, ректор ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), rector@adm.mrsu.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Глухова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Центра гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gluhnatalia@mail.ru
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornishina@rambler.ru
- Кудрявцева Раисия Алексеевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской и сравнительной филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), kudsebs@rambler.ru
- Луутонен Иорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@rambler.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor_popov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор NH «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Родняков Алексей Викторович** – секретарь совета, заместитель руководителя Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), aleviro@mail.ru
- Сейленталь Тыну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunfg@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии – доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Этвеша Лоранда (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

- Nikolay P. Makarkin** – Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Olga V. Bahlova** – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@gmail.com
- Nikolay I. Boyarkin** – Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Doctor of Philology, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Sergey M. Vdovin** – Cand. Sc. {Economics}, Rector of National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), rector@adm.mrsu.ru
- Daiva Vyčiniėnė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Natalia N. Glukhova** – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Center for Humanitarian Education, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia), gluhatalia@mail.ru
- Igor L. Zherebtsov** – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi, Research Center of Ural Branch of Russian Academy of Science (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomic.su
- Olga P. Ilukha** – Doctor of History, Lead Research Fellow, History Section, Institute of Language, Literature and History, Karelia Scientific Center of Russian Academy of Science (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph. D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratieva** – Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), kornishina@rambler.ru
- Raisia A. Kudryavtseva** – Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), kudsebs@rambler.ru
- Jorma Luutonen** – Ph. D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Yuri A. Mishanin** – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Natalya M. Mosina** – Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Irma I. Mullonen** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Institute of Language, Literature and History, Karelia Research Center of Russian Academy of Science (Petrozavodsk, Russia), mullonen@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Doctor of Arts, Lead Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of Russian Academy of Science (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Doctor of History, Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of the Komi Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph. D. {Philology}, Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com
- Anatoly N. Rakin** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Science (Syktyvkar, Russia), anatolij.rakin@mail.ru
- Aleksei V. Rodniakov** – Secretary of the Board, Deputy Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), aleviro@mail.ru
- Tõnu Seilenthal** – Ph. D. {Philology}, Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaeв** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Doctor of Philology, Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouse@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph. D. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Galina E. Shkalina** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. П. Арискина. История изучения словообразования в мордовских языках	8
И. Г. Иванова, Р. А. Егошина. Просодические характеристики эмоционально окрашенных фраз в типологически неродственных языках: на материале марийского и французского языков	16
Е. Д. Карпунина. Репрезентация концепта «деньги» во фразеологических единицах финского и эрзянского языков	29

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

О. В. Гальцева. Местные сельские праздники в перспективе культурной памяти русского и финно-угорского населения Нижегородской области	38
О. И. Кулагин. Трансформация институциональной среды лесопромышленного предприятия как фактор социально-экономического развития финно-угорского региона в 1990-е гг.	49
Т. В. Пашкова. Образ змеи в карельской народной медицине	59

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. В. Березина. Повседневные культурные практики уральских мари	67
К. М. Романов. Отражение эмоционального опыта в культуре финно-угорских народов	79

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

В. И. Антонова. Памяти профессора В. И. Демина. Он спешил жить и делать добро	90
О. Г. Беломоева, Н. Ю. Лысова. «Оставить след». Послесловие	93
Е. А. Цыпанов. К 85-летию А. И. Туркина	98
С. П. Гудкова. Образ города в творчестве хантыйских писателей	101
В. Н. Максимов. Очередная книга по марийской лексикографии	104

PHILOLOGY

T. P. Ariskina. The history of the studying word building in the Mordovian languages	8
I. G. Ivanova, R. A. Egoshina. Prosodic characteristics of emotionally-colored phrases in typologically unrelated languages: based on the Mari and French languages	16
E. D. Karpunina. Representation of the concept “money” in phraseological units of the Finnish and Erzia languages	29

HISTORICAL STUDIES

O. V. Galtseva. Local rural holidays as a manifestation of cultural memory of Russian and Finno-Ugric populations in Nizhny Novgorod region	38
O. I. Kulagin. Transformation of the institutional environment of a timber enterprise as a factor of social and economic development of the Finno-Ugric region in the 1990-ies	49
T. V. Pashkova. Image of a snake in Karelian folk medicine	59

CULTURAL STUDIES

A. V. Berezina. Everyday cultural practices of the Ural Mari	67
K. M. Romanov. Reflection of emotional experience in the culture of the Finno-Ugric peoples	79

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

V. I. Antonova. In memory of Professor V. I. Dyomin. He hurried up to live, as well as he did to do good	90
O. G. Belomoeva, N. Yu. Lysova. “Leaving a mark”. Afterword	93
E. A. Tsypanov. To the 85th anniversary of A. I. Turkin	98
S. P. Gudkova. The image of the city in the works of Khanty writers	101
V. N. Maksimov. Another book on Mari lexicography	104

История изучения словообразования в мордовских языках

Татьяна Павловна Арискина

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В статье представлен обзор работ, посвященных словообразованию в мордовских языках. Цель исследования – освещение истории изучения словообразования в мордовских языках, а также анализ работ Д. В. Цыганкина, который внес значительный вклад в изучение мордовской дериватологии, формирование принципов ее преподавания и анализа.

Материалы и методы. Материалом исследования является словообразование в мордовских языках. Работа выполнена с использованием описательного, сравнительного и историко-типологического методов.

Результаты исследования и их обсуждение. Словообразование считается молодой научной дисциплиной. Ее становление в России связано с именем М. В. Ломоносова. Главная роль в оформлении словообразования как научной отрасли в XIX в. принадлежит представителям четырех научных школ России: Московской, Харьковской, Казанской и Петербургской. В качестве самостоятельного объекта изучения словообразование рассматривается только с середины 1940-х гг., а как отдельная лингвистическая дисциплина – с конца 1960-х гг. Такой прогресс стал возможным прежде всего благодаря трудам В. В. Виноградова. Особая заслуга в изучении деривационных процессов в мордовских языках принадлежит Д. В. Цыганкину. Ученый описал словообразование как систему, дал определение основных понятий, охарактеризовал способы словообразования, выделил продуктивные модели, проследил изменения в словообразовательной морфологии, разработал принципы изучения словообразования в высшей школе.

Заключение. Накоплен достаточно большой материал по организации словообразовательной системы в мордовских языках. Число работ в области словообразования продолжает расти, однако не все его проблемы решены. Назрела необходимость разработки новой классификации способов словообразования на основе появляющихся данных о языке.

Ключевые слова: словообразование, история изучения, дериватология, словообразовательная система, мордовские языки, эрзянский язык

Для цитирования: Арискина Т. П. История изучения словообразования в мордовских языках // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 1. С. 8–15. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.8-15.

Введение

Предметом настоящего исследования является словообразование в мордовских языках. Цель работы – осветить историю изучения словообразования в мордовских языках; проанализировать работы Д. В. Цыганкина, который внес значительный вклад в изучение мордовской дериватологии, формирование принципов ее преподавания и анализа.

Изучение словообразовательной системы мордовских языков в свете современной лингвистической парадигмы является актуальным, так как без знания истории формирования тех или иных процессов словообразования невозможно предста-

вить их современное состояние. Научная новизна работы заключается в исследовании трудов по словообразованию Д. В. Цыганкина.

Результаты исследования могут быть использованы в обобщающих трудах по словообразованию, в лекционных курсах по современным мордовским (мокшанскому и эрзянскому) языкам.

Обзор литературы

Следует признать, что число работ в области словообразования значительно и продолжает расти, однако не все его проблемы решены. Например, назрела необ-

ходимость разработки новой классификации способов словообразования на основе появляющихся данных о языке. Расширяется круг исследовательской проблематики, включающий в себя новые способы деривации, окказиональное словообразование, полисемантичесность словообразовательных единиц, углубление в диахронию, факты словообразования в языке массовых коммуникаций, влияние на деривационные процессы антропоцентризма, этниции, неофункционализма.

Указанные процессы характерны и для мордовского языкознания. Граматики мордовских языков начала XX в. содержат скудное описание процессов словообразования, более детальные исследования относятся ко второй половине столетия. Основным проблемам словообразования в мордовских языках посвящены труды С. З. Деваева, М. А. Келина, М. В. Мосина, А. П. Феоктистова, Д. В. Цыганкина. Актуальные проблемы деривации в мордовских языках решают Н. С. Алямкин, М. Д. Имайкина, Л. И. Кокнаева, Е. А. Кукушкина, Е. Ю. Логинова, С. И. Моськина, В. Ф. Рогожина, И. Н. Рябов и др. Следует отметить, что особая заслуга в изучении деривационных процессов в мордовских языках принадлежит Д. В. Цыганкину.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужило словообразование в мордовских языках. При рассмотрении истории изучения словообразования использовались описательный, сравнительный и историко-типологический методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Под словообразованием (или дериватологией) понимается раздел языкознания, изучающий производные единицы языка с точки зрения словообразовательной структуры, способов словообразования и функционирования. Производными называются все единицы вторичного образования: сложные и аффиксальные слова, аббревиатуры, конвертированные обра-

зования и т. д. Между соотносительными единицами словообразования существуют исторически изменчивые закономерные связи. Как и все в лингвистике, словообразование изучается с двух точек зрения – синхронии и диахронии. В первом случае рассматривается существующая система типов словообразования, второй аспект обращен к истории словообразовательного феномена.

Словообразование как наука направлено на решение нескольких задач, среди которых: 1) формирование словообразовательной системы и изучение ее связей с другими подсистемами языка; 2) характеристика словообразовательных единиц и их объединений, описание функционирования единиц словообразовательной системы в языке и речи; 3) установление семантических и структурных свойств производных слов, их классификация и описание; 4) определение и характеристика способов и моделей словопроизводства, путей пополнения словообразовательной системы¹.

Становление дериватологии в России приходится на XVI–XVIII вв. Сложилась традиция говорить о доломоновском и ломоносовском периодах [1]. В XVI–XVII вв. проблемы словообразования рассматривались в рамках этимологии, морфологии. Однако морфемика и словообразование воспринимались как единый подраздел морфологического раздела. Исследователи доломоновского периода понимали системное устройство морфемики и словообразования, в частности начертание они делили на простое, сложное, пресложное, слова – на первообразные и производные, производные же систематизировали на основании таких признаков, как семантический, морфологический, эмоционально-экспрессивный. Постепенно морфемика и словообразование были осмыслены в качестве системно упорядоченных явлений. В ломоносовское время возникло много важных словообразовательных понятий [1, 11]. Ученые XVIII в. значительно продвинулись в изучении способов русского словообразования, но

¹ См.: Казак М. Ю. Морфемика и словообразование современного русского языка. Теория. Белгород, 2012.

еще не была разработана необходимая терминология [2, 118].

Как научная отрасль учение о словообразовании оформилось в России во второй половине XIX в. Главная роль в этом процессе принадлежит представителям четырех научных школ: Московской под руководством Ф. Ф. Фортунатова, Харьковской, возглавляемой А. А. Потебней, Казанской и Петербургской, связанных с именем И. А. Бодуэна де Куртенэ. Взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ, Н. В. Крушевского, В. А. Богородицкого, А. И. Анастасиева и др. составили основу российской словообразовательной науки.

Огромный вклад в развитие словообразования внесли труды В. В. Виноградова² [4]. Его исследования легли в основу словообразовательных разделов академической «Грамматики русского языка» [6]. После ее выхода внимание к словообразованию резко возросло, исследователи стали активно описывать разные типы именного и глагольного словообразования. В трудах Н. Д. Арутюновой [3], Б. Н. Головина [5], Е. А. Земской [7], Е. С. Кубряковой [8–11], В. В. Лопатина [12], П. А. Соболевой [13], А. Н. Тихонова³ [14], И. С. Улуханова [15; 16], Н. М. Шанского [26] и других лингвистов были сформулированы такие важные понятия словообразования, как словообразовательный анализ, словообразовательная структура, словообразовательный тип, словообразовательная категория, словообразовательная модель, словообразовательное гнездо, производные (мотивированные) основы, производящие (мотивирующие) основы, деривационный аффикс, словообразовательный формант и т. д., в итоге словообразование стало принимать контуры системы. В частности, принципы словообразовательного анализа, его задачи и методы сформулировал Н. М. Шанский.

Несмотря на все достижения, до настоящего времени не определен статус словообразования и словообразовательной науки.

Все вышесказанное актуально для изучения мордовских языков. Основные проблемы словообразования в мордовских языках осветили С. З. Деваев, М. А. Келин, М. В. Мосин, А. П. Феоктистов, Д. В. Цыганкин и др. Актуальные проблемы деривации в мордовских языках решают Н. С. Алямкин, М. Д. Имайкина, Л. И. Кокнаева, Е. А. Кукушкина, Е. Ю. Логинова, С. И. Моськина, В. Ф. Рогожина, И. Н. Рябов и др. Отметим, что существенный вклад в изучение словообразования этих языков внес Д. В. Цыганкин. Исследователь описал словообразование мордовских языков как систему⁴ [23], дал определение основных понятий, в том числе морфы, морфемы, словообразовательной парадигмы, словообразовательного типа, регулярности, продуктивности и др. [19; 20], значимых и незначимых частей слова [19]. Ученый подробно охарактеризовал способы словообразования в мордовских языках [19; 20; 23], выделил продуктивные модели для каждой части речи⁵ [20; 22], особое внимание обратил на словообразовательную продуктивность именных моделей, на внеязыковые факторы, влияющие на продуктивность, рассмотрел продуктивные модели в синхронном и диахроническом аспектах [21]. Он описал явление опрощения, привел примеры опрощенных суффиксальных образований, выявил причины их возникновения и существующие виды [19; 22].

Проанализировав возможности разных аффиксоидов при образовании терминов, Д. В. Цыганкин пришел к заключению о том, что они обладают широкой деривационностью [17]. В терминах аффиксоиды приобретают следующие характеристики: 1) специализацию в рамках конкретной терминологической системы; 2) абстрактный обобщенный характер в составе сложного термина; 3) словообразовательную продуктивность; 4) регулярность употребления [17, 92].

² См.: Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М., 2001.

³ См.: Тихонов А. Н. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология. М., 2002.

⁴ См.: Цыганкин Д. В. Морфемика и словообразование мордовских языков. Саранск, 2006.

⁵ См.: Цыганкин Д. В. Словообразование в мордовских языках. Саранск, 1981.

Ученый проследил развитие типов семантического и синтаксического словообразования в истории мордовских языков для разных частей речи [24]; дал краткие и емкие характеристики элементов, способов, типов словообразования и пр., классифицировал деривационные суффиксы: к первой группе отнес суффиксы, посредством которых корень слова с присущей ему лексико-грамматической категорией той или иной части речи преобразуется в основу, относящуюся уже к другой части речи; ко второй – суффиксы, выполняющие внутрикатегориальную классифицирующую функцию, т. е. переключение производящей основы из одного деривационно-семантического поля в другое; к третьей – суффиксы, модифицирующие значение слова без преобразования его в другую часть речи [19, 163].

Рассматривая суффиксацию в мордовских языках, Д. В. Цыганкин приходит к выводу, что данным способом «образуются слова всех знаменательных классов, но чаще всего существительные, глаголы, прилагательные, наречия, причем каждая часть речи имеет более или менее определенный круг словообразовательных суффиксов» [20, 214]. По мнению исследователя, это наиболее простой и упорядоченный способ словообразования в мордовских языках, когда любое слово образуется в формальном плане по аналогии с имеющимися производными. Он также приводит различные основания для систематизации суффиксов, отмечает слаборазвитость суффиксов эмоциональной оценки в мордовских языках по сравнению с русским.

Обращаясь к проблемам глаголообразования, ученый выделяет две группы суффиксов: образующие глаголы с мутационным значением от именных основ и с модифицирующим значением от глагольных основ. «Вторые служат средством выражения видовых, залоговых значений и некоторых иных характеристик протекания действия. Иногда с помощью одних и тех же суффиксов производятся глаголы как от именных, так и от глагольных основ. Ряд из них выступает в соединении с другими, что приводит к полисемантич-

ности» [20, 214]. Для классификации суффиксов в этом случае также можно использовать несколько оснований: «По степени продуктивности, словообразовательным возможностям суффиксы глаголообразования делятся на три группы: а) продуктивные; б) малопродуктивные; в) непродуктивные. По семантике они неодинаковы: один и тот же суффикс может создать глаголы с несколькими значениями. При этом глаголы с одним значением могут быть продуктивного типа, с другим – непродуктивного. Не сходны они и по происхождению: большинство простых суффиксов являются финно-угорским наследием и имеют соответствия в других финно-угорских языках; отмечаются также собственно мордовские и заимствованные суффиксы» [20, 215].

Особое внимание Д. В. Цыганкин, как и многие другие финно-угроведы, уделяет сложению, которое «...лежит в основе древнейших процессов формирования грамматического (морфологического) строя агглютинативных языков» [20, 234], характеристике сложных слов [19; 20]. Так, лексико-грамматические образования с компонентом м. *пяль* (*пяле*), э. *пель* (*пеле*) он делит на несколько разновидностей: 1) композиты; 2) аффиксоидные производные; 3) номинанты; 4) послеложные конструкции; 5) количественное числительное + лексема м. *пяль* (*пяле*), э. *пель* (*пеле*); 6) сращения атрибутивного характера; 7) сращения с временно-обстоятельными значениями; 8) композиты, где второй компонент э. *пель*, м. *пяль* осложнен словообразовательным суффиксом *-кс*; 9) номинанты, состоящие из композита с лексемой э. *пеле*, м. *пяле* + существительное [18].

Одним из характерных свойств словообразования в мордовских языках исследователь считает вариантность словообразовательных суффиксов в плане выражения ими одного и того же значения. Грамматическое варьирование может быть словоизменительным и словообразовательным. Последнее связано с междиалектным явлением, когда отношения производности от одной и той же основы возникают благодаря синхронно действующим дерива-

ционным аффиксам, обладающим общей функциональной значимостью⁶.

Д. В. Цыганкин привел примеры системных явлений мордовского словообразования, подчеркнув, что в именном словообразовании «словообразующие суффиксы сочетаются со словообразовательными основами слов выборочно, в зависимости от целого ряда индивидуальных особенностей производящих слов или их основ, от некоторых особенностей самих аффиксов и некоторых других факторов» [23, 123]. Он подразделил производные эрзянского языка на линейные (которые характеризуются относительной прозрачностью производного, т. е. возможностью выделения в производном и во всей парадигме производящей основы) и нелинейные, изучил исконные и иноязычные элементы в системе эрзянского именного словообразования на материале диалектов.

Ученый проанализировал влияние иноязычных (в большей степени русских) элементов на словообразовательную систему эрзянского языка: «Кваликативный характер процесса взаимодействия разноязычных элементов состоит не только в появлении новых словообразовательных элементов. Не менее важный результат его – усиление продуктивности некоторых собственно эрзянских словообразовательных суффиксов» [25, 162]. Констатировав чувствительность словообразовательной системы эрзянских диалектов к иноязычным влияниям, Д. В. Цыганкин пришел к выводу, что в целом вызванные ими изменения не могут поколебать общую устойчивость механизма собственного словопроизводства с его традиционно сложившимися нормами [25, 163]. По поводу словообразовательной продуктивности

именных моделей он указал на негативное влияние русского языка на функционирование деривационной системы мордовских языков: «Огромные потоки русских слов не могли не отразиться на продуктивности словообразовательных моделей. Многие из них перестали обслуживать определенные участки внеязыковой деятельности...» [25, 177].

Не был обойден вниманием и методический аспект. Ученый разработал принципы изучения словообразования в высшей школе: 1) опора на сопоставление с производящими основами, на мотивированность производного; 2) опора на сопоставление анализа и синтеза; 3) опора на диахронический аспект [20].

Заключение

Словообразование в отечественном языкознании проделало путь от подразделения морфологии до самостоятельной науки. Существенный вклад в формирование основных понятий внесли М. В. Ломоносов, Н. В. Крушевский, И. А. Бодуэн де Куртенэ и другие ученые. В XX в. были разработаны принципы и содержание дериватологии, сформировался терминологический аппарат, определены методы анализа словообразовательных явлений. Финно-угорское языкознание в России, в частности мордовское, развивалось в том же направлении, что и русистика. Значительный вклад в изучение мордовской дериватологии, формирование принципов ее преподавания и анализа внес Д. В. Цыганкин. На современном этапе происходит «уменьшение» объекта исследования финно-угроведов: анализируются конкретные способы словообразования, отдельные морфемы, звуковые комплексы и т. д.

⁶ См.: Цыганкин Д. В. Словообразование в мордовских языках. С. 26.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арискина О. Л. Начальный этап становления учений о словообразовании и морфемике // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 34 (215). С. 10–13. (Филология. Искусствоведение; вып. 49). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16363161> (дата обращения: 25.10.2020).
2. Арискина О. Л. Способы словообразования, зафиксированные в русских грамматиках XVIII в. // Известия Российского государственного педагогического универ-

- ситета имени А. И. Герцена. 2011. № 131. С. 116–124. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17261405> (дата обращения: 25.10.2020).
3. Арутюнова Н. Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М.: Наука, 1961. 151 с.
  4. Виноградов В. В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию: сб. М., 1952. С. 99–152.
  5. Головин Б. Н. Замечание к теории словообразования // Ученые записки Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1967. Вып. 76. С. 3–49.
  6. Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология / редкол.: В. В. Виноградов, Е. С. Истрин, С. Г. Бархударов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 720 с.
  7. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 90–141.
  8. Кубрякова Е. С. Об основной единице словообразовательной системы языка // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978. Ч. 1. С. 36–39.
  9. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 222–303.
  10. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений, семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
  11. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование? М.: Наука, 1980. 138 с.
  12. Лопатин В. В. Рождение слова. М.: Наука, 1977. 296 с.
  13. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия. М.: Наука, 1980. 294 с.
  14. Тихонов А. Н. О семантической соотносительности производящих и производных основ // Вопросы языкознания. 1967. № 1. С. 112–120.
  15. Улуханов И. С. Мотивация и производность (о возможности синхронно-диахронического описания языка) // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 5–20. URL: <http://vja.ruslang.ru/archive/1992-2.pdf> (дата обращения: 25.10.2020).
  16. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принцип ее описания. М.: Наука, 1977. 256 с.
  17. Цыганкин Д. В. Аффиксоидные образования в терминосистеме мордовских языков // Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сб. избр. ст. Саранск, 2011. Ч. 2. С. 88–92.
  18. Цыганкин Д. В. Лексико-грамматические образования с компонентом м. *няль* (*няле*), э. *пель* (*пеле*) // Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сб. избр. ст. Саранск, 2014. Ч. 4. С. 52–59.
  19. Цыганкин Д. В. Лингвистические заметки // Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сб. избр. ст. Саранск, 2013. Ч. 3. С. 157–187.
  20. Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. 284 с.
  21. Цыганкин Д. В. О словообразовательной продуктивности именных моделей в мордовских языках // Словообразовательная архитектура в волжско-финских языках: материалы Междунар. науч. симп. Саранск, 1999. С. 7–12.
  22. Цыганкин Д. В. Опрошеные суффиксальные образования в мордовских языках // Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сб. избр. ст. Саранск, 2011. Ч. 2. С. 73–79.
  23. Цыганкин Д. В. Словообразование // Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сб. избр. ст. Саранск, 2000. С. 119–189.
  24. Цыганкин Д. В. Словообразовательная архитектура в мокшанском и эрзянском языках // Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сб. избр. ст. Саранск, 2013. Ч. 3. С. 23–53.
  25. Цыганкин Д. В. Суффиксальное словообразование имен существительных в диалектах эрзянского языка // Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск, 2000. С. 142–178.
  26. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Учпедгиз, 1959. 245 с.

Поступила 11.11.2020; одобрена 11.12.2020; принята 20.12.2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Т. П. Арискина – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорской филологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, ariskina82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0927-2283>

The history of the studying word building in the Mordovian languages

Tatiana P. Ariskina

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. The article provides an overview of research regarding word building in the Mordovian languages. The purpose of the study is to highlight the history of the study of word building in the Mordovian languages, and to analyze the works of D. V. Tsygankin, who made a significant contribution to the study of Mordovian derivatology, to the formation of the principles of its teaching and analysis.

Materials and Methods. The material of the research is based on word building in the Mordovian languages. The work was performed using descriptive, comparative and historical-typological methods.

Results and Discussion. Word building is considered a new research area. In Russia its formation is associated with the name of M. V. Lomonosov. In the design of word building as an academic branch in the 19th century the main role belongs to representatives of four scientific schools in Russia: in Moscow, Kharkov, Kazan and Petersburg. Word building has been considered as an independent object of study only since the mid-1940s, and since the late 1960s as a separate linguistic discipline. This progress became possible primarily thanks to the works by V. V. Vinogradov. A special role in the study of derivational processes in the Mordovian languages belongs to D. V. Tsygankin. The scholar described word formation as a system, defined basic concepts, characterized the methods of word formation, identified productive models, traced changes in word-building morphonology, developed the principles of studying word formation in higher education.

Conclusion. A fairly large amount of material has been accumulated on the organization of the word-building system in the Mordovian languages. The number of works in the field of word building continues to grow, but not all of its problems have been resolved. For example, there is a need to develop a new classification of word building methods based on emerging data about the language.

Keywords: word building, history of study, derivatology, word building system, Mordovian languages, Erzya language

For citation: Ariskina TP. The history of the studying word building in the Mordovian languages. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2021;13:1:8–15. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.8-15.

REFERENCES

1. Ariskina OL. The initial stage of the formation of the teachings on word formation and morphemics. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2010;34(215):10–13. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16363161> (accessed 25.10.2020). (In Russ.)
2. Ariskina OL. Ways of word formation, fixed in Russian grammars of the XVIII century. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gersena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2011;131:116–124. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17261405> (accessed 25.10.2020). (In Russ.)
3. Arutiunova ND. Essays on word formation in the modern Spanish language. Moscow; 1961. (In Russ.)
4. Vinogradov VV. Word formation and its relation to grammar and lexicology. *Vo-prosy teorii i istorii iazyka v svete trudov I. V. Stalina po iazykoznaniiu: sb. = Questions of the theory and history of language in the light of the works of I. V. Stalin on linguistics. Collection*. Moscow; 1952:99–152. (In Russ.)
5. Golovin BN. A note to the theory of word formation. *Uchenye zapiski Gor'kovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Scientific notes of the Gorky State University of N. I. Lobachevsky. Gor'kii*; 1967;76:3–49. (In Russ.)
6. Vinogradov VV, Istrin ES, Barkhudarov SG, eds. Grammar of the Russian language. Vol. 1. Phonetics and Morphology. Moscow; 1960. (In Russ.)
7. Zemskaja EA. Active processes of modern word production. *Russkii iazyk kontsa XX stoletia (1985–1995) = Russian language of the end of the XX century (1985–1995)*. Moscow; 1996:90–141. (In Russ.)

8. Kubriakova ES. On the basic unit of the word-forming system of the language. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniia* = Actual problems of Russian word formation. Tashkent; 1978;1:36–39. (In Russ.)
9. Kubriakova ES. Nomination theory and word formation. *Iazykovaia nominatsiia. Vidy naimenovaniia* = Theory of nomination and word formation. Types of names. Moscow; 1977:222–303. (In Russ.)
10. Kubriakova ES. Types of language meanings, semantics of a derived word. Moscow; 1981. (In Russ.)
11. Kubriakova ES. What is word formation? Moscow; 1980. (In Russ.)
12. Lopatin VV. The Birth of the word. Moscow; 1977. (In Russ.)
13. Soboleva PA. Word-forming polysemy and homonymy. Moscow; 1980. (In Russ.)
14. Tikhonov AN. On the semantic autoselect producing and derivative basics. *Voprosy iazykoznaniiia* = Topics in the study of language. 1967;1:112–120. (In Russ.)
15. Ulukhanov IS. Motivation and productivity (on the possibility of synchronous-diachronic description of the language). *Voprosy iazykoznaniiia* = Topics in the study of language. 1992;2:5–20. URL: <http://vja.ruslang.ru/archive/1992-2.pdf> (accessed 25.10.2020). (In Russ.)
16. Ulukhanov IS. Word-forming semantics in the Russian language and the principle of its description. Moscow; 1977. (In Russ.)
17. Tsygankin DV. Affixoid formations in the terminosystem of Mordovian languages. *Mordovskie iazyki glazami lingvista-finno-ugroveda: sb. izbr. st.* = Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist. Collection of selected articles. Saransk; 2011;2:88–92. (In Russ.)
18. Tsygankin DV. Lexico-grammatical formations with a component m. *pyal* (*pyale*), e. *pel* (*pele*). *Mordovskie iazyki glazami lingvista-finno-ugroveda: sb. izbr. st.* = Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist. Collection of selected articles. Saransk; 2014;4:52–59. (In Russ.)
19. Tsygankin DV. Linguistic notes. *Mordovskie iazyki glazami lingvista-finno-ugroveda: sb. izbr. st.* = Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist. Collection of selected articles. Saransk; 2013;3:157–187. (In Russ.)
20. Tsygankin DV. Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist. Monograph. Saransk; 2015. (In Russ.)
21. Tsygankin DV. On the word-formation productivity of nominal models in the Mordovian language. *Slovoobrazovatel'naiia arkhitektonika v volzhsko-finnskikh iazykakh: materialy Mezhdunar. nauch. simp.* = Word-formation architectonics in the Volga-Finnish languages. Proceedings of the international scientific symposium. Saransk; 1999:7–12. (In Russ.)
22. Tsygankin DV. Simplified suffixal education in the Mordovian languages. *Mordovskie iazyki glazami lingvista-finno-ugroveda: sb. izbr. st.* = Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist. Collection of selected articles. Saransk; 2011; 2:73–79. (In Russ.)
23. Tsygankin DV. Word-Formation. *Mordovskie iazyki glazami lingvista-finno-ugroveda: sb. izbr. st.* = Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist. Collection of selected articles. Saransk; 2000:119–189. (In Russ.)
24. Tsygankin DV. Word-forming architectonics in the Moksha and Erzya languages. *Mordovskie iazyki glazami lingvista-finno-ugroveda: sb. izbr. st.* = Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist. Collection of selected. Saransk; 2013;3:23–53. (In Russ.)
25. Tsygankin DV. Suffixal word formation of nouns in the dialects of the Erzya language. *Mordovskie iazyki glazami uchenogo-lingvистa* = Mordovian languages through the eyes of a linguist. Saransk; 2000:142–178. (In Russ.)
26. Shanskii NM. Essays on Russian word formation. Moscow; 1959. (In Russ.)

Submitted 11.11.2020; reviewing 11.12.2020; accepted 20.12.2020.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

T. P. Ariskina – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Mordovia State University, ariskina82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0927-2283>

Просодические характеристики эмоционально окрашенных фраз в типологически неродственных языках: на материале марийского и французского языков

Ираида Геннадьевна Иванова
Рита Александровна Егошина

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

Введение. Изучение общих и различных интонационных характеристик в разных языках в рамках исследования их речевого воздействия на собеседника является одной из актуальных проблем лингвистики. С этой точки зрения особый интерес представляют эмоционально окрашенная речь и ее просодические параметры в разноструктурных языках.

Материалы и методы. В ходе исследования применялись следующие методы: электроакустический метод фонетического анализа с использованием компьютерных программ PRAAT; описательный метод; метод сопоставительного анализа; метод статистического анализа; метод лингвистического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Сопоставительный анализ фонетического оформления эмоционально окрашенных фраз таких разноструктурных языков, как французский и марийский, позволил выделить специфические и общие черты в их интонационной составляющей. В повествовательных эмоционально окрашенных высказываниях наблюдаются некоторые расхождения в интонационном оформлении выражений вследствие разного актуального членения предложения. В восклицательных эмоционально окрашенных типах высказываний отмечаются различия в способах выделения коммуникативного ядра. Анализ вопросительных высказываний с прямым порядком слов в обоих языках показал совпадение в движении основного тона – его резкое повышение в финальной части фразы.

Заключение. Результаты исследования подтвердили, что интонационное оформление речи разноструктурных языков при всех имеющихся различиях обладает достаточно большим количеством сходных черт, в частности таких как направление движения основного тона и способ актуального членения предложения.

Ключевые слова: просодия, мелодия, мелодический диапазон, ударение, темпоральные характеристики, пауза, эмоционально окрашенные фразы, коммуникативный тип, марийский язык, французский язык

Для цитирования: Иванова И. Г., Егошина Р. А. Просодические характеристики эмоционально окрашенных фраз в типологически неродственных языках: на материале марийского и французского языков // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 1. С. 16–28. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.16-28.

Введение

В условиях новой научной парадигмы исследователи проявляют большой интерес к реализации лингвистических единиц определенного социального и ситуативного контекста человеческого общения. Объектом их внимания становится эмоционально окрашенная речь, с помощью которой человек может воздействовать на окружающих.

Эмоционально окрашенными принято считать фразы, несущие в себе определенный оттенок эмоций. Речевой акт является двусторонним актом: в нем в рав-

ной степени участвует как говорящий, так и слушающий. Исходя из этого высказывание должно сопровождаться таким интонационным оформлением речи говорящего, которое позволит слушателю адекватно воспринять смысл произнесенной фразы. Произносительные, как и другие языковые, нормы подвергаются изменениям нечасто и соответствуют орфоэпическому стандарту языка, признанному наиболее представительными членами общества. В то же время они динамичны и изменяются под влия-

янием социальных факторов и внутренних тенденций системы языка.

Как известно, французская эмоционально окрашенная речь обладает определенными особенностями мелодического и ритмического оформления. Во-первых, нисходящий тон является доминирующим терминальным тоном. Во-вторых, наравне с нисходящими тонами используются также ровные тоны различных регистров. В-третьих, в эмоционально окрашенных высказываниях существуют сложные терминальные тоны (восходяще-нисходящий и нисходяще-восходящий), основная задача которых сводится к приданию тому или иному слову фразы более высокой степени выразительности, важности или новизны. Однако частотность последних невелика: они характерны для финальной части фразы или являются показателем эмфатического ударения.

Мелодическое оформление эмоционально окрашенных фраз марийского языка в целом соответствует орфоэпическим нормам стандарта. В марийских моделях отмечается небольшая ритмическая концентрация в начале эмоционально окрашенных фраз наряду с невысоким темпом и ритмом с узким частотным диапазоном. Финальная часть фразы характеризуется определенным замедлением темпа вне зависимости от ее мелодического оформления. Интенсивность динамической организации фраз увеличивается пропорционально возрастанию общего эмоционального напряжения.

Обзор литературы

Ритмико-интонационные характеристики речи, основы изучения которых были заложены такими отечественными лингвистами, как В. А. Богородицкий [1], А. М. Пешковский [7], Л. В. Щерба [11] и др., в настоящее время требуют дальнейшего изучения в рамках исследований типологически неродственных языков.

Изучение ритмико-интонационных структур в контексте коммуникативных

ситуаций позволит дополнить современное языкознание новыми данными не только о функциональных особенностях просодических явлений, но и об их связи с коммуникативной эмоциональностью. Ученые, занимающиеся фундаментальными исследованиями с целью лингвистического описания просодических явлений (Н. Д. Арутюнова¹, А. Вежбицкая [2], З. Г. Зорина [3], А. Н. Куклин², В. И. Шаховский [10]), рассматривают текст с позиций чувствующего, говорящего и мыслящего человека. И. Л. Фунтова в аспекте изучения просодики считает необходимым различать эмоциональную/неэмоциональную речь, эмфатическую/неэмфатическую интонацию [9].

В. И. Шаховский ввел термин «эмотивность», противопоставив ее как лингвистическую категорию эмоциональности как категории неязыковой, экстралингвистической, психологической, относящейся к явлениям внутреннего мира человека [10]. Термин «коммуникативная эмотивность» используется исследователем наряду с понятием «коммуникативная эмоциональность». Коммуникативная эмотивность высказывания способствует более точному выявлению семантического ядра как знака в конкретных коммуникативных ситуациях. И. А. Мурзинова полагает, что эмотивность речи определяется ее объективным содержанием: выбором лексических средств (эмоционально «насыщенных» лексем, речевых оборотов, сленга и т. п.), их сочетанием, выразительными средствами синтаксиса [6].

Современные исследования в области языкознания связывают изучение просодических характеристик речи со знаковой семантикой дискурса. Под интонацией подразумевается ритмико-мелодическая сторона речи, способствующая членению речевого потока на отдельные отрезки – фонетические синтагмы и фразы – и служащая в предложении средством выражения синтаксических значений, модальности и эмоционально-экспрессив-

¹ См.: Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.

² См.: Куклин А. Н. Олык-эрвел марий фонетика: тунемме книга. Йошкар-Ола, 2013.

ной окраски. Помимо мелодики в это понятие вкладываются интенсивность, длительность, темп речи, пауза и тембр. А. А. Князев определяет интонацию как «единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения звуков»³.

Изучение роли интонации в образовании фоностилистических вариантов занимает значительное место в исследованиях французских фонетистов. Работы П. Леона сосредоточены на следующих темах: фоностилистические модели, звуковое воспроизведение письменного текста, звуковая семиотика, вербализация эмоций, коммуникативная ситуативность, социальная и региональная вариативность [15–17]. Французский лингвист исследовал интонационные варианты выражения некоторых эмоций: страха, гнева, удивления, иронии, сомнения и др. По его мнению, экспрессивные функции языка, т. е. своеобразная кодовая система с определенным количеством знаков, не совпадают с правилами референциальных функций.

Г. Ферре, изучая интонацию французского политического дискурса, особое внимание уделяет роли демаркационных пауз и рассматривает это явление как одну из важных структурирующих категорий на интонационном уровне [12].

Просодические явления в марийском языке изучены недостаточно глубоко. В существующих монографиях и учебниках по марийской фонетике отсутствует их систематическое описание. В русле данной проблематики опубликованы отдельные экспериментальные работы и научные статьи. Так, З. Г. Зорина рассматривает особенности интонации марийского языка, представляя описание акустических параметров его супrasegmentных звуковых средств [3], Е. В. Сагдуллина – мелодические характеристики некоторых горномарийских интонаци-

онных конструкций [8]. Исследования А. Н. Куклина посвящены марийским фонемам, их дифференциальным и комбинаторным чертам, а также природе и месту ударения и его связи с морфемной структурой слова⁴. В наших предыдущих работах осуществлен сравнительно-сопоставительный фонетический анализ мелодики отдельных коммуникативных типов фраз в марийском и французском языках [5], выявлена фонетическая интерференция во французской речи студентов-мари [4; 14].

Материалы и методы

Изучение иноязычной речи билингва требует использования дополняющих друг друга методов и приемов, а также разностороннего анализа обширного теоретического и экспериментального материала, что обеспечивает комплексный подход к решению поставленного вопроса и достоверность полученных данных.

Экспериментально-фонетические методы включают в себя различные приемы и методики работы. Они получили широкое развитие благодаря современной компьютерной технике. Акустические методы исследования (от спектрографического до метода моделирования речи) представляют звуковые явления в виде кривой или спектра.

Материалом для исследования послужили звукозаписи речи носителей французского и марийского языков. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа были использованы акустические экспериментально-фонетические методы: осциллографический, гистографический, интонографический, электроакустический метод фонетического анализа с использованием компьютерных программ PRAAT.

Методы инструментального анализа дополнялись слуховым, статистическим и теоретико-лингвистическим методами, позволяющими выявить интонационные

³ См.: Князев А. А. Энциклопедический словарь СМИ. Журналистика и лингвистика, коммуникативистика и право, история журналистики и технологии et cetera: дефиниции, термины, концепции, справочные материалы. Бишкек, 2002. URL: http://www.evartist.narod.ru/text16/069.htm#%D0%B7_001_09 (дата обращения: 21.01.2021).

⁴ См.: Куклин А. Н. Указ. соч.

сходства и различия марийской и французской речи. В частности, авторы применили интонографический метод для сравнения мелодики различных коммуникативных типов фраз. Инструментальному анализу подверглись 30 фраз, 15 конструкций различных коммуникативных типов в каждом из языков.

Результаты исследования и их обсуждение

В последние годы заметно усилился интерес к вопросам социолингвистики, связанным с функциональным расслоением языка и употреблением языковых средств в разнообразных контекстах и ситуациях. Исследования российских и зарубежных ученых подтверждают, что использование языка определяется не только непосредственно языковыми нормами и компонентами (фонетика, лексика, грамматика), но и условиями, в которых язык реализуется, целями высказывания, типом ситуации, темой сообщения, социальными и психологическими отношениями собеседников и т. д.

Поиски зависимостей между языком и обществом являются предметом исследования социальной лингвистики, частью которой выступает социофонетика. Во Франции и России она возникла и развивается как научное направление преимущественно прикладного характера. Первые эмпирические исследования в области синхронной социофонетики были проведены Л. Гоша и посвящены изучению различий в произношении гласных и согласных пятью разными поколениями жителей небольшого города во Французской Швейцарии [13].

Развитие социофонетики в России связано с трудами М. В. Панова и представителей Московской фонологической школы. В учебнике по фонетике русского языка под редакцией М. В. Панова, изданном в 1979 г., впервые появился раздел «Социофонетика» вслед за разделом «Орфоэпия»⁵. Орфоэпия как наука изучает варьирование произносительных норм литературного языка,

социофонетика как научное направление занимается социально-фонетическими связями и зависимостями. Социофонетические наблюдения за реальным произношением говорящих и кодификация произношения в реальности представляют собой составные части единого целого. Исследования в области орфоэпии и социофонетики затрагивают как фонемы какого-либо языка, так и его просодические явления, т. е. совокупность мелодических, динамических и темпоральных характеристик речи. Социофонетику и орфоэпию сближает общий интерес к говорящему на определенном языке. Социофонетика служит в первую очередь для установления степени распространенности того или иного произносительного явления, а затем для экспериментального выяснения, насколько текущее произношение людей соответствует нормативным орфоэпическим правилам.

Просодические характеристики речи тесно связаны с намерениями говорящего, т. е. с коммуникативными функциями его высказывания. При этом неизбежно взаимодействуют коммуникативная и синтаксическая структура предложения. Коммуникативные единицы, тема и рема, могут не совпадать с синтаксическими ни количественно, ни качественно.

Средства коммуникативного деления фразы могут быть просодическими, синтаксическими и лексическими. В настоящей работе исследуются просодические средства, свойственные основным коммуникативным моделям марийского и французского языков, а именно повествовательному, вопросительному и восклицательному предложениям с эмоциональной окраской.

Повествовательные эмоционально окрашенные высказывания

Повествовательным называется высказывание, содержащее информацию о каком-либо явлении, имеющем положительный или отрицательный характер.

⁵ См.: Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

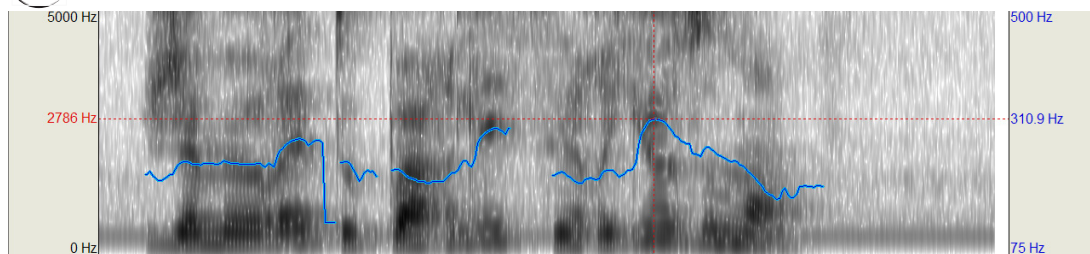

Рис. 1. Спектрограмма и осциллограмма французской фразы *J'aimerais te parler sérieusement*

Fig. 1. Spectrogram and oscillogram of the French phrase *J'aimerais te parler sérieusement*

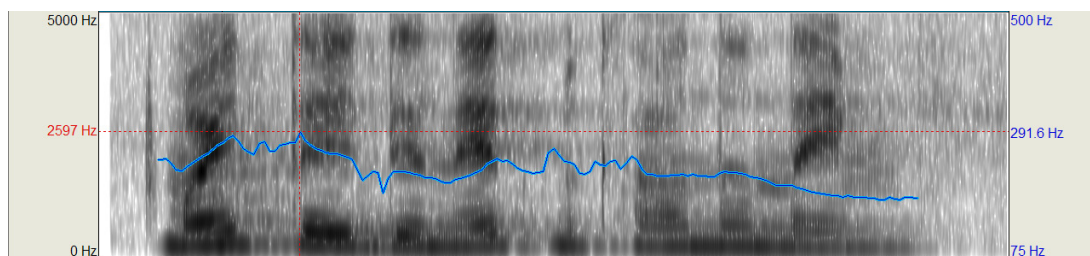

Рис. 2. Спектрограмма и осциллограмма марийской фразы *Мый тый денет серъезнын мутланьнем*

Fig. 2. Spectrogram and oscillogram of the Mari phrase *My Tyu Denett Serious Muttlanynem*

Таблица 1. Значения частотного диапазона для французской и марийской повествовательных фраз, Hz

Table 1. Frequency range values for French and Mari narrative phrases, Hz

Язык / Language	Максимум / Maximum	Минимум / Minimum	Диапазон / Range	Тон / Tone
Французский / French	2 786	1 189	Узкий / Narrow	Нисходящий / Descending
Марийский / Mari	2 597	1 224	Узкий / Narrow	Нисходящий / Descending

Повествовательное предложение служит для передачи суждения говорящего собеседнику, т. е. выступает основной формой мысли человека. Как и все коммуникативные виды высказываний, данный функциональный тип обладает смысловой и интонационной законченностью. При этом с помощью просодических средств говорящий не только передает информацию, но и выражает свое позитивное или негативное отношение к ней.

Французской повествовательной фразе в основном свойствен нисходящий тон. Если предложение является сложным, интонационно выделяются слова, представляющие собой один или несколько логических центров синтагмы.

Как показывают электроакустические исследования, в марийском языке повествовательные высказывания также имеют нисходящий тон.

Проанализируем просодические характеристики эмоционально окрашен-

ных повествовательных фраз на примере высказываний: фр. *J'aimerais te parler sérieusement*, мар. *Мый тый денет серъезнын мутланьнем* «Я хотел бы с тобой серьезно поговорить» (рис. 1, 2; табл. 1).

В связи с окситональным ритмом французской речи логическое ударение во французской фразе касается первого слога смыслового ядра, т. е. слова *sérieusement* ‘серьезно’. Максимальная высота тона отмечается именно на этой минимальной фонологической единице, что является грамматическим смысловым выделением наречия, реализованным фонетическим способом. В целом для французской фразы характерен достаточно широкий частотный диапазон. Осциллограмма фразы на марийском языке демонстрирует более плавную мелодическую кривую, первый пик которой приходится на местоимение *мый* ‘я’, являющееся темой данного предложения. Второй, менее значительный, мелодиче-

ский пик затрагивает наречие *серьезнын* 'серьезно'. Рема – глагольная форма *мутланынем* 'хочу поговорить' – произносится на нисходящем тоне.

Отличительной чертой повествовательной французской фразы выступает легкий мелодический подъем на ее последнем слоге, что демонстрирует приведенный пример. В марийском эквиваленте подобное явление не наблюдается. Электроакустический анализ свидетельствует, что ритм и темп марийской фразы более замедленные по сравнению с аналогичной французской.

Восклицательные эмоционально окрашенные высказывания

Эмоциональная окрашенность наиболее характерна для восклицательных высказываний. Восклицательными принято считать высказывания, в которых смысловое содержание выступает в совокупности с выражением чувств говорящего, связанных со смыслом высказываний. Восклицательные фразы отличаются повышенной эмоциональностью и экспрессивностью. В качестве восклицания могут быть употреблены предложения разных коммуникативных типов, произнесенные с соответствующей интонацией. В зависимости от используемых просодических средств восклицательные высказывания могут передавать различные эмоции от восхищения до сарказма.

Во французском языке восклицательные конструкции строятся с помощью фонетических, грамматических и лексических средств, таких как мелодия, ударение, долгота гласных и согласных; инверсия (*Est-elle jolie!* «Какая она красивая!»); глаголы в повелительном (*impératif* – *Laissez-moi!* «Оставьте меня!») и сослагательном (*subjunctif* – *Vive la France!* «Да здравствует Франция!») наклонениях, союзы и детерминативы – вопросительное прилагательное (*Quel homme!* «Какой человек!»; *Que de propos inutiles!* «Сколько бесполезных дел!»), эмоционально окрашенные прилагательные (*Formidable!* «Замечательно!»).

Марийским фразам в большей степени присущ фонетический либо фо-

нетико-лексический способ актуального членения предложения, тогда как их французские эквиваленты используют грамматический способ выделения коммуникативного ядра: фр. *C'est toi qui n'as pas raison!*, мар. *Тый 'йонгылыш лият!* «Это ты не прав!». Французские восклицательные модели произносятся как на нисходящем, так и на восходящем тоне в зависимости от передаваемых эмоций. При наличии эмфатического ударения в восклицательных французских фразах наблюдаются колебания мелодической кривой.

В марийском языке для построения восклицательных предложений используются универсальные средства: интонация, частицы и прилагательные (*Мозай тудо мотор!* «Какая она красивая!»), глаголы в повелительном наклонении (*Кольшитса!* «Послушайте!»). Что касается мелодики восклицательных эмоционально окрашенных марийских фраз, то они характеризуются в основном нисходящим тоном и достаточно узким частотным диапазоном.

Рассмотрим сказанное на примере восклицательных высказываний: фр. *Quel cauchemar!*, мар. *Пеш шучко!* «Какой кошмар!» (рис. 3, 4; табл. 2).

В обоих языках данная фраза является моноремной. Во французском варианте максимальная высота тона равна 3 256 Hz и совпадает со словом *cauchemar* 'кошмар', несущим основную эмоциональную нагрузку. Тон высказывания восходяще-нисходящий. Максимальный пик марийского варианта равен 2 844 Hz. Эмфатическое ударение концентрируется на наречии *пеш* 'очень', которое является смысловым ядром фразы. Диапазон французского примера значительно шире по сравнению с диапазоном марийского эквивалента, его ритм и темп заметно выше. Марийская фраза произносится в более замедленном темпе и с меньшим частотным диапазоном.

В эмоционально окрашенных фразах, выражающих восхищение, фр. *Comme elle est jolie aujourd'hui!*, мар. *Мозай тудо таче мотор!* «Как она красива сегодня!» / «Какая она сегодня красивая!»

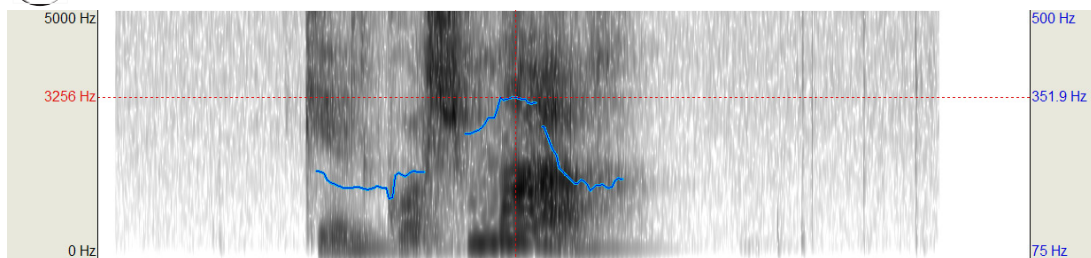

Рис. 3. Спектрограмма и осциллограмма французской фразы *Quel cauchemar!*

Fig. 3. Spectrogram and oscillogram of the French phrase *Quel cauchemar!*

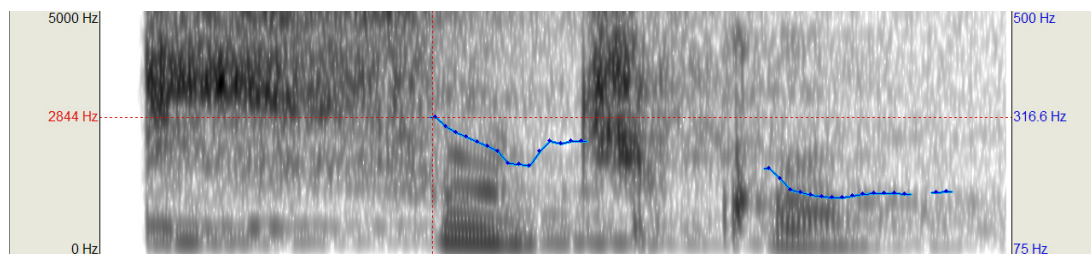

Рис. 4. Спектрограмма и осциллограмма марийской фразы *Pesh shuchko!*

Fig. 4. Spectrogram and oscillogram of the Mari phrase *Pesh shuchko!*

Таблица 2. Значения частотного диапазона для французской и марийской восклицательных фраз, Hz

Table 2. Frequency range values for French and Mari exclamation phrases, Hz

Язык / Language	Максимум / Maximum	Минимум / Minimum	Диапазон / Range	Тон / Tone
Французский / French	3 256	1 410	Широкий / Wide	Восходяще-нисходящий / Ascending-descending
Марийский / Mari	2 844	1 206	Узкий / Narrow	Нисходящий / Descending

отмечается сходство мелодического рисунка в финале французского и марийского высказываний (рис. 5, 6; табл. 3). Однако в начальной части французского варианта фиксируется значительно более высокий мелодический уровень (5 000 Hz) по сравнению с марийским (около 1 600 Hz). Таким образом, мелодический максимум французской фразы – союз *comme* ‘как’, выполняющий в данном случае функцию восклицательного прилагательного ‘какой, какая’; в марийском языке смысловым ядром выступает прилагательное *могай* ‘какой, какая’, произносимое с мелодическим максимумом на втором слоге. Французская модель характеризуется широким диапазоном, марийская – средним. Темп и ритм практически совпадают, хотя во французском примере наибольшая ритмическая концентрация отмечается в его дебютной части.

Во французском языке прилагательное *jolie* ‘красивая’ несет главную смысловую нагрузку, являясь ремой данного высказывания. Смысл высказывания усиливается с помощью фонетико-грамматического способа: союз *comme* интенсифицирует значение прилагательного. В марийском языке максимальный частотный пик концентрируется в начале предложения и приходится на второй слог адъектива *могай*, что свидетельствует о фонетико-лексическом способе смыслового выделения коммуникативного ядра.

Как показывают спектрограмма и осциллограмма, темп и ритм французского высказывания более высокие по сравнению с соответствующим марийским эквивалентом. Во французском примере наибольшая ритмическая концентрация приходится на первую часть фразы; в марийском высказывании данное явление не обнаружено.

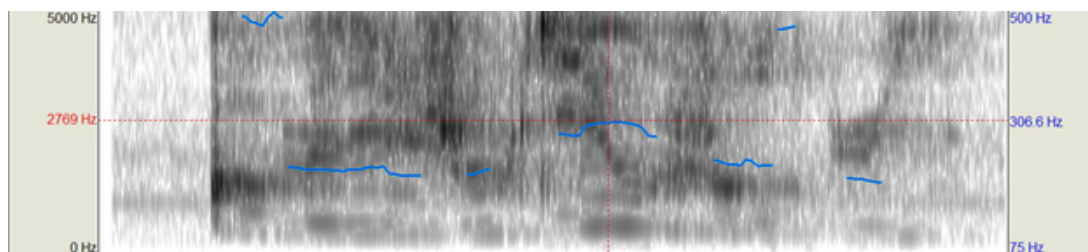

Рис. 5. Спектрограмма и осциллограмма французской фразы *Comme elle est jolie aujourd'hui!*

Fig. 5. Spectrogram and oscillogram of the French phrase *Comme elle est jolie aujourd'hui!*

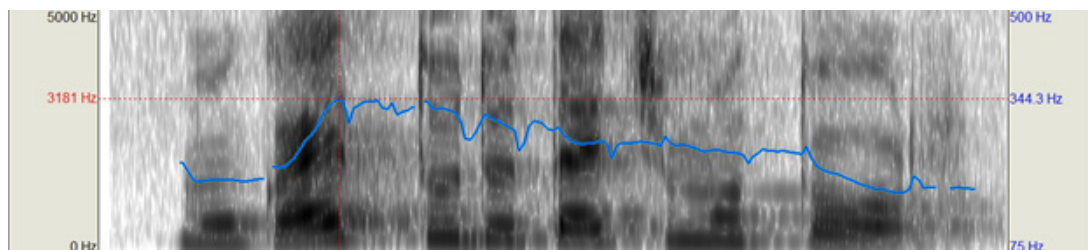

Рис. 6. Спектрограмма и осциллограмма марийской фразы *Mogay tude tache motor!*

Fig. 6. Spectrogram and oscillogram of the Mari phrase *Mogay tude tache motor!*

Таблица 3. Значения частотного диапазона для французской и марийской фраз, выражающих восхищение, Hz

Table 3. Frequency range values for French and Mari phrases expressing admiration, Hz

Язык / Language	Максимум / Maximum	Минимум / Minimum	Диапазон / Range	Тон / Tone
Французский / French	5 000	1 413	Широкий / Wide	Нисходящий / Descending
Марийский / Mari	3 181	1 292	Средний / Medium	Восходяще-нисходящий / Ascending-descending

Вопросительные эмоционально окрашенные высказывания

Вопросительными называются предложения, функция которых заключается в выражении желания говорящего получить информацию от коммуниканта.

Во французском языке сущность вопроса передается несколькими способами: фонетическим (интонация), грамматическим (инверсия), лексико-грамматическим (частицы, вопросительные слова).

Интонация вопросительной фразы зависит от способа выражения вопроса. Во французских фразах с прямым порядком слов восходящая интонация выполняет грамматическую функцию, т. е. придает высказыванию вопросительный характер: *Tu vas au cinéma?* «Ты идешь в кино?». Инверсии также соответствует восходящий тон: *Vas-tu au cinéma?* «Идешь ли ты в кино?». Если

фраза является достаточно распространенной, ее мелодия может быть восходяще-нисходящей за счет произнесения на повышенном тоне смыслового ядра, находящегося в середине фразы: *Vas-tu au cinéma cet après-midi?* «Ты идешь в кино сегодня днем?».

Вопросительная конструкция с частицей *est-ce que* 'разве' предполагает наибольший мелодический подъем на последнем слове *que*. Остальная часть фразы, как правило, произносится с понижением тона с легким его повышением на финальном слове: *Est-ce que tu vas au cinéma?* «Разве ты идешь в кино?».

Модель с вопросительным словом произносится с нисходящей мелодикой. В подобных случаях вопросительное наречие или местоимение употребляется в начале предложения и включает в себе всю смысловую нагрузку, являясь семантическим центром: *Quand vas-tu*

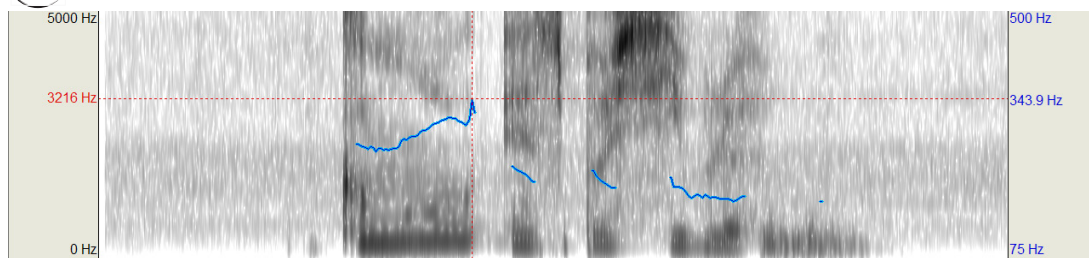

Рис. 7. Спектрограмма и осциллограмма французской фразы *Comment est-ce possible?*

Fig. 7. Spectrogram and oscillogram of the French phrase *Comment est-ce possible?*

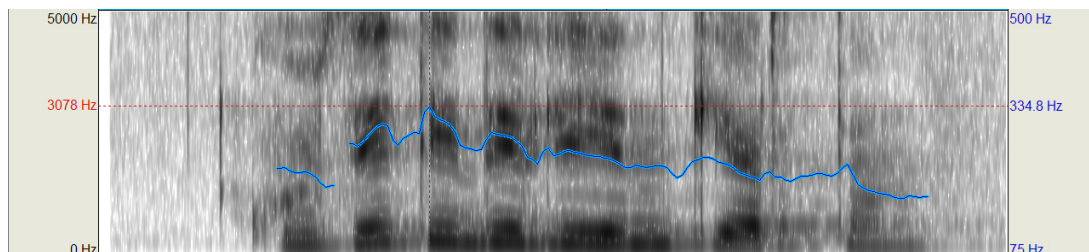

Рис. 8. Спектрограмма и осциллограмма марийской фразы *Кузе тиде лийын кертын?*

Fig. 8. Spectrogram and oscillogram of the Mari phrase *Кузе тиде лийын кертын?*

Таблица 4. Значения частотного диапазона для французской и марийской вопросительных фраз, Hz

Table 4. Frequency range values for French and Mari interrogative phrases, Hz

Язык / Language	Максимум / Maximum	Минимум / Minimum	Диапазон / Range	Тон / Tone
Французский / French	3 216	654	Широкий / Wide	Нисходящий / Descending
Марийский / Mari	3 078	1 430	Широкий / Wide	Нисходящий / Descending

au cinéma? «Когда ты идешь в кино?». При этом финальный слог произносится с легким повышением тона.

Для разговорного стиля речи характерна конструкция с вопросительным словом в конце фразы: *Tu reviens quand?* «Ты возвращаешься когда?». Современные инструментальные исследования все чаще свидетельствуют о резком понижении тона именно на вопросительном слове. Однако многие респонденты продолжают произносить подобные мелодические типы с традиционным повышением тона на вопросительном наречии/местоимении. Таким образом, ведущим фонетическим признаком вопросительной конструкции является значительное повышение тона на той части фразы, которая включает в себе вопрос.

Как показывают исследования, в марийском языке данный коммуникативный тип может быть построен с помощью

следующих средств: интонации (*Тый кинош кает?* «Ты идешь в кино?»), вопросительных слов (*Кушко тый кает?* «Куда ты идешь?»), десемантизированного вопросительного слова *мо* «что», усиливающего вопросительное значение фразы (*Кинош кает мо?* «Ты идешь в кино, не так ли?»).

В зависимости от выбранного способа постановки вопроса изменяется мелодический рисунок фразы. Инструментальный анализ выявляет, что мелодия подобных фонетических единиц чаще всего восходяще-нисходящая, при этом слово, заключающее в себе вопрос, как и во французском языке, является мелодическим максимумом.

В качестве примера рассмотрим следующие фразы: фр. *Comment est-ce possible?*, мар. *Кузе тиде лийын кертын?* «Как это возможно?» (рис. 7, 8; табл. 4). Осциллограмма демонстрирует совпадение в направлении тона высказыва-

ний и относительное совпадение в концентрации максимальной частоты тона. Направление тона обеих фраз нисходящее. Максимальный пик французского и марийского вариантов концентрируется в начальном сегменте, т. е. на вопросительных словах. Максимальная высота тона для французского вопросительного слова *comment* 'как' – 3 216 Hz. В марийском языке пик концентрации на наречии *кузе* 'как' находится на высоте 3 078 Hz. Из инструментального анализа следует, что выделение коммуникативного ядра в обеих фразах осуществляется с помощью фонетико-лексического способа. Диапазон обоих высказываний достаточно широк. Темп и ритм во французском эквиваленте по сравнению с марийским более высокие.

Заключение

Эмоционально окрашенные высказывания составляют неотъемлемую часть устной речи каждого языка. Выражение эмоциональности зависит от цели высказывания, темперамента, высоты голоса говорящего.

Интонационные характеристики эмоционально окрашенных марийских и французских высказываний обладают высоким уровнем коммуникативной направленности и соответствуют разнообразным эмоциональным состояниям коммуникантов. Просодические средства являются ситуативно-специфическими для каждого речевого акта. Интонационная вариативность зависит от коммуникативного типа фраз. Максимальным разнообразием характеризуются интонационные модели восклицательных конструкций, в то время как повествовательные типы обладают большим сходством в сравниваемых языках, проявляя признаки универсальности. Особенности интонационного оформления вопросов с эмоциональной окраской во многом зависят от их грамматической структуры: порядка слов, наличия/отсутствия вопросительного слова, вопросительной частицы. При этом важным критерием выступает способ актуального членения предложений, благодаря которому выделяется их

семантический центр. Для французских эмоционально окрашенных фраз типично использование фонетико-грамматического способа выделения коммуникативного ядра, тогда как марийскому языку в большей степени свойственно использование фонетического способа тема-рематического выражения.

Интонационные характеристики эмоционально окрашенных марийских и французских высказываний обладают высоким уровнем коммуникативной направленности и соответствуют разнообразным эмоциональным состояниям коммуникантов. Просодические средства являются ситуативно-специфическими для каждого речевого акта.

Сходство интонационного оформления эмоциональных фраз заключается в восходящей мелодике их интонационного центра. Финальная часть фразы как во французском, так и в марийском языке характеризуется некоторым замедлением темпа вне зависимости от ее мелодического оформления. Обнаруживается также изменение общего частотного диапазона. Что касается динамической организации эмоционально окрашенных фраз, то их интенсивность увеличивается пропорционально возрастанию общего эмоционального напряжения.

К расхождениям следует отнести более замедленный темп и ритм с меньшим частотным диапазоном в марийских эмоциональных высказываниях. Во французских моделях наибольшая ритмическая концентрация отмечается в начале фразы, в то время как в марийских высказываниях данное явление не наблюдается.

Полученные инструментальные данные позволяют сделать вывод о том, что эмоциональная окрашенность конструкций в разноструктурных языках при наличии определенных расхождений передается близкими просодическими средствами, что доказывает универсальность способов выражения эмоции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богородицкий В. А. Введение в изучение современных романских и германских языков. 2-е изд. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 184 с.
2. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки рус. культуры, 2001. 293 с.
3. Зорина З. Г. Особенности интонации марийских языков // Модернизация системы образования в области международных отношений, иностранных языков, связей с общественностью, документоведения и менеджмента. Йошкар-Ола, 2008. С. 11–19.
4. Иванова И. Г., Егошина Р. А. О проблеме интонационной интерференции типологически неродственных языков (на примере французского и марийского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (54). С. 80–84.
5. Иванова И. Г., Егошина Р. А. Сравнительно-сопоставительный фонетический анализ мелодики вопросительных предложений в марийском и французском языках // Финно-угорский мир. 2017. № 3. С. 23–31.
6. Мурзинова И. А. Просодические характеристики коммуникативной эмотивности в речи персонажей английского кинодискурса // Человек и культура. 2019. № 3. С. 28–35. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.3.2649.
7. Пешковский А. М. Интонация и грамматика // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. 1928. Т. 1, кн. 2. С. 458–476.
8. Сагдуллина Е. В. Интонационные характеристики горномарийского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2012. № 2. С. 83–88.
9. Фунтова И. Л. Случаи употребления и значения интонационных завершений эмфатической речи современного британского варианта английского языка (в сопоставлении с русским языком) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 2. С. 94–104.
10. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: ЛКИ, 2008. 208 с.
11. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. Т. 1. 178 с.
12. Ferré G. Les pauses démarcatives déplacées en anglais // Lidil. 2003. No. 26. P. 155–169.
13. Gauchat L. L'unité phonétique dans le patois d'une commune // Aus romanischen Sprachen und Literaturen: Festschrift Heinrich Morf. Halle, 1905.
14. Ivanova I. G., Egoshina R. A. et al. On the importance of comparative phonetic analysis for bilingual language learning // Issues and Trends in Interdisciplinary Behavior and Social Science. London, 2018. URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9781351372701ISBN9781138553804-CAT# K43282>.
15. Léon P. Essais de phonostylistique. Montreal: Didier, 1971. 185 p.
16. Léon P. Précis de phonostylistique: parole et expressivité. Paris: Nathan, 1993. 335 p.
17. Léon P. Nouveau regard sur la phonostylistique // La linguistique. 2009. Vol. 45, no. 1. P. 159–170.

Поступила 15.11.2020; одобрена 28.12.2020; принята 20.01.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

И. Г. Иванова – кандидат филологических наук, доцент кафедры фундаментальной медицины Марийского государственного университета, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

Р. А. Егошина – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии Марийского государственного университета, affaires@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7295-8793>

Prosodic characteristics of emotionally-colored phrases in typologically unrelated languages: based on the Mari and French languages

Iraida G. Ivanova

Rita A. Egoshina

Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia

Introduction. The study of speech influence on the interlocutor is one of the most pressing problems in modern linguistics. From this point of view, emotional speech and its prosodic parameters in various languages are of particular interest.

Materials and Methods. The following methods were used in the research: electro-acoustic method of phonetic analysis using PRAAT software; descriptive method; comparative analysis method; statistical analysis method; linguistic analysis method.

Results and Discussion. A comparative analysis of the phonetic design of emotionally colored phrases of the French and Mari languages allows us to identify specific and common features. The analysis of narrative emotionally colored utterances in French and Mari revealed some discrepancies in the intonation design of expressions due to different actual division of the sentence. In exclamation emotionally colored types of utterances, there are differences in the ways of highlighting the communicative core. Analysis of interrogative utterances with direct word order in both languages showed a coincidence in the movement of the main tone, which rises sharply in the final part of the phrase.

Conclusion. The results of the study confirmed that the intonation design of speech in the languages with different structures, with all existing differences, has a fairly large number of similar features, in particular, such as the direction of movement of the main tone and the method of actual division of the sentence.

Keyword: prosody, melody, melodic range, stress, temporal characteristics, pause, emotionally-colored phrases, communicative type, Mari language, French

For citation: Ivanova IG, Egoshina RA. Prosodic characteristics of emotionally-colored phrases in typologically unrelated languages: based on the Mari and French languages. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;1:16–28. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.16-28.

REFERENCES

1. Bogoroditskii VA. An Introduction to the Study of Modern Romance and Germanic Languages. Moscow; 1959. (In Russ.)
2. Vezhbitskaia A. Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics. Moscow; 2001. (In Russ.)
3. Zorina ZG. Особенности интонации марийских языков. *Modernizatsiia sistemy obrazovaniia v oblasti mezhdunarodnykh otnoshenii, inostrannykh iazykov, sviazei s obshchestvennost'iu, dokumentovedeniia i menedzhmenta* = Modernization of the education system in the field of international relations, foreign languages, public relations, records management and management. Yoshkar-Ola; 2008:11–19. (In Russ.)
4. Ivanova IG, Egoshina RA. On the problem of intonational interference of typologically unrelated languages (on the example of the French and Mari languages). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Studies. Questions of theory and practice. 2015;12(54):80–84. (In Russ.)
5. Ivanova IG, Egoshina RA. Comparative phonetic analysis of interrogative sentence intonation in the Mari and French languages. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017;3:23–31. (In Russ.)
6. Murzinova IA. Prosodic characteristics of communicative emotiveness in the speech of characters in English film discourse. *Chelovek i kul'tura* = Humans and cul-

- ture. 2019;3:28–35. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-8744.2019.3.2649.
7. Peshkovskii AM. Intonation and grammar. *Izvestiia po russkomu iazyku i slovesnosti AN SSSR* = Bulletin of the Russian language and literature of the Academy of Sciences of the USSR. 1928;1;2:458–476. (In Russ.)
  8. Sagdullina EV. Intonational characteristics of the Mountain Mari language. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika* = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Issue: Linguistics. 2012;2:83–88. (In Russ.)
  9. Funtova IL. Cases of use and meanings of intonational completions of emphatic speech in modern British English (in comparison with Russian). *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* = Bulletin of I. Kant Baltic Federal University. 2012;2:94–104. (In Russ.)
  10. Shakhovskii VI. Categorization of emotions in the lexical-semantic system of the language. Moscow; 2008. (In Russ.)
  11. Shcherba LV. Selected works on linguistics and phonetics. Leningrad; 1958;1. (In Russ.)
  12. Ferré G. Les pauses démarcatives déplacées en anglais. *Lidil*. 2003;26:155–169.
  13. Gauchat L. L'unité phonétique dans le patois d'une commune. *Aus romanischen Sprachen und Literaturen: Festschrift Heinrich Morf*. Halle, 1905.
  14. Ivanova IG, Egoshina RA, et al. On the importance of comparative phonetic analysis for bilingual language learning. *Issues and Trends in Interdisciplinary Behavior and Social Science*. London; 2018. URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9781351372701ISBN9781138553804-CAT#K43282>.
  15. Léon P. Essais de phonostylistique. Montreal; 1971.
  16. Léon P. Précis de phonostylistique: parole et expressivité. Paris; 1993.
  17. Léon P. Nouveau regard sur la phonostylistique. *La linguistique*. 2009;45,1:159–170.

Submitted 15.11.2020; reviewing 28.12.2020; accepted 20.01.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

I. G. Ivanova – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Fundamental Medicine, Mari State University, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

R. A. Egoshina – Senior Lecturer, Department of Romano-Germanic Philology, Mari State University, affaires@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7295-8793>

Репрезентация концепта «деньги» во фразеологических единицах финского и эрзянского языков

Екатерина Дмитриевна Карпунина

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. В статье исследуются способы репрезентации концепта «деньги» на материале фразеологических единиц финского и эрзянского языков в сравнительном аспекте. Применяется модель концептуального анализа, который проводится на основе сравнения фразеологических единиц двух дальнородственных языков. Цель статьи – выявить языковые средства выражения концепта «деньги» на материале фразеологических единиц каждого из представленных языков и выяснить, каким образом данный концепт представлен в языковом, когнитивном и культурном пространстве исследуемых народов. Изучение фразеологического фонда языков с точки зрения представленности того или иного концепта имеет большое значение в лингвистике.

Материалы и методы. Для решения поставленной цели использовались описательный, сравнительно-сопоставительный методы, метод концептуального анализа, разработанный самостоятельно в ходе исследования, а также приемы компонентного и этимологического анализа. Фактический материал получен в результате применения метода сплошной выборки из фразеологических словарей финского и эрзянского языков.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование позволило выявить фразеологизмы, наиболее точно отражающие концепт «деньги», в финском и эрзянском языках; выделить частотно повторяющиеся лексемы и провести лексический анализ их словарных дефиниций; составить собственную модель концептуального анализа, позволяющую исследовать выявленный языковой материал с учетом семантического признака и представить лексико-семантическую классификацию фразеологизмов на материале финского и эрзянского языков.

Заключение. В ходе исследования были выявлены и проанализированы 62 финских и 35 эрзянских фразеологических единиц, выделены 17 наиболее частотно встречающихся ядерных лексем, что позволило сделать вывод о сходном представлении и выражении концепта «деньги» в сознании финского и эрзянского народов. В результате проведенного анализа была составлена классификация на основе лексико-семантического признака, включающая семь групп фразеологизмов.

Ключевые слова: концепт, деньги, фразеологическая единица, финский язык, эрзянский язык, сравнительный анализ

Для цитирования: Карпунина Е. Д. Репрезентация концепта «деньги» во фразеологических единицах финского и эрзянского языков // *Finno-Ugric World*. 2021. Т. 13, № 1. С. 29–37. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.29-37.

Введение

Концепт «деньги» является одним из базовых понятий культурного кода любого народа, так как деньги и вытекающие из этого материальные отношения между людьми становятся неотъемлемой частью современной жизни. Деньги могут играть различные роли в экономической и социальной сферах жизни человека и занимают одну из ключевых позиций в системе национальных ценностей [7, 66].

В современном мире национальные ценности устанавливают нормы поведения членов общества. Основная доля населения, говорящего на финском и эрзян-

ском языках, проживает на территории Финляндии и России, которые относятся к развитым странам. Большую значимость для этих народов имеют деньги и материальный достаток. По фразеологическим единицам, выражающим материальную и экономическую сферы общества, можно сделать вывод о принципах взаимоотношений между людьми, человеком и государством, охарактеризовать модели поведения человека в тех или иных экономических ситуациях и сопоставить культурные ценности двух родственных народов [6, 28].

Обзор литературы

Исследование языка через призму сознания человека и народа, через познание окружающей действительности, культуру, обычаи, приметы и традиции составляет один из важнейших аспектов современной лингвистики [2; 10].

Термин «концепт» впервые был употреблен в работе С. А. Аскольдова «Концепт и слово». Это понятие трактовалось ученым как мысленное образование, замещающее в мыслительном процессе человека неопределенное множество предметов одного и того же рода [1, 267].

В учебной и научной литературе представлено большое количество различных точек зрения ученых-лингвистов относительно значения термина «концепт» [9; 13; 17; 20]. Это обстоятельство не позволяет дать единое определение понятия, а также выделить его четкие границы. Изучению данного вопроса посвящали исследования известные языковеды В. Н. Телия, З. Д. Попова, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, И. А. Стернина, Н. Д. Арутюнова и др.

Проанализировав различные мнения ученых, можно сделать вывод, что концепт, рассматриваемый языковедами с разных сторон, имеет общее значение культурного феномена и выступает как конструктивное понятие хранения и накопления информации в языковой картине мира.

Одним из ведущих методов исследования концепта, отражающим его внутреннее содержание, признается концептуальный анализ. Возможности его применения в лингвокультурологии рассматриваются в работе И. Г. Серовой, содержащей основные характеристики и типологии концептуального анализа [14, 16].

Некоторые ученые эффективным приемом при концептуальном анализе считают

исследование устойчивых единиц языка – фразеологизмов, паремий, идиом, крылатых выражений как объектов метафорической вербализации явлений окружающей действительности, выражающих отношение к ней носителей языка, и как источников этнокультурной информации [5; 11; 12; 15; 16].

Фразеология представляет собой систему в системе и не позволяет однозначно и односторонне трактовать семантическую и синтактико-стилистическую природу фразеологических единиц. Многие ученые, придерживающиеся широкого понимания этой области науки, и среди них М. Еремеева, А. Мацук, включают в данную систему также паремии, или пословицы и поговорки [8, 21].

В настоящее время исследование фразеологических единиц невозможно без изучения национально-культурной специфики, а также их роли в культурном наследии народов исследуемых языков [18; 19]. Е. Е. Чикина выявляет несколько подходов к изучению национально-культурного содержания фразеологизмов: лингвострановедческий, контрастивный, лингвокультурологический и когнитивный [21].

Материалы и методы

Фактический материал для проведения исследования был получен методом сплошной выборки из сборника О. А. Храмовой «Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги»¹, словаря идиом современного финского языка под редакцией Е. Кари², собрания мордовского фольклора «Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Пословицы, присловья и поговорки»³, Фразеологического словаря мордовских языков (мокша и эрзя) Р. С. Ширманкиной⁴, интернет-источников⁵. В ходе анализа применялись описа-

¹ См.: Храмова О. А. Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги. М., 2011.

² См.: Kari E. Naulan kantaan: Nykysuomen idiomisanakirja. Helsinki, 1993.

³ См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 4, ч. 1. Пословицы, присловья и поговорки. Саранск, 1967.

⁴ См.: Ширманкина Р. С. Фразеологический словарь мордовских языков (мокша и эрзя). Саранск, 1998.

⁵ См.: SIURO.INFO. Suomen kansan sananlaskuja. URL: <https://siuro.info/vapaa-sana/762-suomen-kansan-sanalaskuja> (дата обращения: 09.12.2020); SuomiSanakirja.fi: Suomenkattavin, ilmainenmonenlähteen sanakirja. URL: <http://www.suomisanakirja.fi> (дата обращения: 09.12.2020).

тельный, сравнительно-сопоставительный методы, приемы компонентного и этимологического анализа, а также разработанная самостоятельно в ходе работы над статьей модель метода концептуального анализа, состоящая из шести пунктов:

1) методом сплошной выборки выделить из различных словарей и источников фразеологизмы с выбранным концептом в исследуемых языках;

2) в случае, если в словаре не представлен перевод фразеологизма на язык носителя, сделать дословный перевод с помощью двуязычных словарей для четкого понимания смысла идиомы;

3) выбрать наиболее частотно встречающиеся лексемы, репрезентирующие данный концепт;

4) произвести лексический анализ словарных дефиниций с точки зрения толкования и этимологии для лучшего понимания значения концепта согласно национально-культурной специфике;

5) провести сопоставительный анализ фразеологических единиц исследуемых языков по семантическому признаку;

6) составить лексико-семантическую классификацию фразеологических единиц.

Данная модель, позволяющая наиболее полно отразить языковую картину мира сопоставляемых языков, используется в ходе всего дальнейшего исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Объясняемые лингвистические различия наблюдаются уже в лексической составляющей анализируемых фразеологизмов [4]. Различие названий денежных единиц определило соответствующее наполнение следующих пословиц:

фин. *Jolla on paikka paikan paalla, silla on markkamarkan paalla* ‘У кого заплата на заплате, у того марка на марке’; *Kolmen markan suutari tekee kuuden markan vahingon* ‘Плохой сапожник возьмет за работу три марки, а убытку сделает на шесть’; *Markassa tuhannen alku* ‘В одной марке начало тысячи’. *Myydä joku kopeekalla* ‘Продать за копейку’;

эрз. *Се трёшникесь питней, кона честна добовазь* ‘Дорога та копейка, которая честным трудом добыта’; *Тевс нолдазь трёшникесь целковой теи* ‘Копейка, истраченная в дело, рубля стоит’; *Трёшниктеме целковой а эри* ‘Без копейки нет рубля’.

Из данных примеров видно, что в составе финских фразеологизмов фигурируют компоненты таких денежных единиц, как *markka* и *kopeekka*, в составе эрзянских – *трёшник* и *целковой*.

Если обратиться к этимологии этих слов, можно выяснить интересные факты: слово *markka* является германским или скандинавским заимствованием и до 2002 г. служило официальным названием платежного средства в Финляндии. Изначально данное название использовалось как единица измерения веса. В финском языке в качестве официального названия денежного средства оно было введено в 1860 г. Элиасом Леннротом. Слово *kopeekka* заимствовано из русского языка⁶.

В эрзянском языке лексемы *трёшник* и *целковой* являются заимствованиями из русского языка. В настоящее время они вышли из обихода, как и обозначаемые ими предметы: *трёшник* – ‘одна копейка серебром’, *целковой* – ‘серебряная монета достоинством в один рубль’.

Отметим, что золото в силу своих уникальных свойств использовалось на протяжении всей истории человечества, в том числе и как денежные средства, о чем свидетельствуют и финские, и эрзянские фразеологизмы:

фин. *Ei kaikki kultaa, mikä kiiltää* ‘Не все то золото, что блестит’; *Joko kulta kukkarossa, taikka santa sieraimissa* ‘Или золото в кошельке, или ноздри в песке’; *Oma koti kullan kallis* ‘Свой дом дороже золота’. *Pieni siru kultaa, mutta kallis* ‘Мал золотник, да дорог’;

эрз. *Видечись сырнеде питней* ‘Правда дороже золота’; *Сырнесь рогожа потсоак сырне* ‘Золото и в рогоже золото’; *Шумбрачись сырнеде питней* ‘Здоровье дороже золота’.

В современном финском языке бытует значительное количество паремий со сло-

⁶ См.: Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva, 2007. S. 474.

вом *raha* ‘деньги’. Понятийный слой данной лексемы довольно четко просматривается из словарных определений, в частности онлайн-словаря SuomiSanakirja.fi:

1) государственное официальное платежное средство, мера экономической ценности. Монеты или банкноты;

2) платежные средства, имущество, собственность;

3) количество, сумма⁷.

В эрзянском языке данный концепт представлен лексемой *ярмак* ‘деньги, монета’ и означает условную универсальную меру стоимости благ.

Обратимся к этимологии: финская лексема *raha* ‘деньги’ имеет германское происхождение и родственные слова в эстонском и шведском языках⁸. Эрзянское слово *ярмак* ‘деньги, монета’ является заимствованием из тюркских языков⁹.

В составе финских пословиц встречаются также лексемы *rikas* ‘богатый’, *köyhä* ‘бедный’, *ahne* ‘скупой’, *maksaa* ‘платить’, *myydä* ‘продавать’, *ostaa* ‘покупать’¹⁰.

В составе эрзянских фразеологических выделяются лексемы *сюнав* ‘богатый’, *бедной* ‘бедный’, *жадной* ‘жадный, скупой’, *долк* ‘долг’.

Результаты анализа приведенных дефиниций свидетельствуют, что содержание данного понятия в финском и эрзянском языках полностью совпадает. Во фразеологических единицах, выражающих материально-денежные отношения, получили отражение различные ситуации, которые показывают отношение человека к деньгам, богатству, бедности и материальному состоянию в целом и которые послужили основанием для выделения соответствующих семантических групп.

Отношение человека к деньгам и богатству в целом

фин. *Ei kädet ristissä rikkaiksi tulla* ‘Сложая руки, богатыми не становятся’; *Köyhä pärjää vähemmälläi, rikas ei paljollakaan* ‘Бедный делает меньше, богатый – не

больше’; *Köyhällerikas antaa, minkä itse halpaa* ‘Богатый отдает бедному то, что ему самому не нужно’; *Köyhänä eläminen on parempi jättää niille, joilla ei ole rahaa* ‘Плохую жизнь лучше оставить для тех, у кого нет денег’; *Raha ei tuo onnea, mutta sen puute tuo onnettomuutta* ‘Деньги не приносят счастья, но их отсутствие приносит несчастье’; *Raha on paras konsultti* ‘Деньги лучший советник’; *Raha rintaa nostattaa* ‘Деньги сердце волнуют’; *Raha tulee rahan luo* ‘Деньги идут к деньгам’; *Rahaa on vaikka lampaat söisi* ‘Денег столько, что хоть овец ими корми’; *Rahaksihan se rikkaan talo palaa* ‘Из-за денег у богатого дом сгорит’; *Rahan tuloa ei voi estää* ‘Приходу денег нельзя препятствовать’; *Rahaton mies on kuin hampaaton susi* ‘Человек без денег, как волк без зубов’; *Rikas maksaa rahallaan, köyhä selkänahallaan* ‘Богатый платит деньгами, бедный – собственной шкурой’;

эрз. *Весе ярмактне а саевить* ‘Все деньги не соберешь’; *Ломань ярмактне а лововить* ‘Чужие деньги не сочтешь’; *Сюнавань кедьстэ тельня лов поколь а вешеве* ‘У богатого зимой и снегу не выпросишь’; *Сюнавань койсэ весе беднойтне нузьякт* ‘У богатого все бедные лентяи’; *Чачи ярмак – ансяк кармак* ‘Деньги будут – только начни работать’; *Ярмаксь ярмак максы* ‘Деньга деньгу дает’; *Ярмак-томо ошов иля яка* ‘Без денег в город не ходи’.

Отношение человека к бедности и скупости

фин. *Ahne on hyvä ottaan mutta käs vapisee, jos antaa tarttis* ‘Скупой берет хорошо, но рука дрожит у него, когда нужно отдать’; *Ahneella on paskainen lorppi* ‘У скупого – плохой конец’; *Ei köyhänkään suu tuohesta ole* ‘У бедного рот тоже не из бересты’; *Ei köyhyys ole mikään ilo, vaikka se joskus naurattaa* ‘Бедность – не удовольствие, даже если иногда заставляет вас смеяться’; *Ei kukaan oo*

⁷ См.: SuomiSanakirja.fi.

⁸ См.: Häkkinen K. Op. cit. S. 1011.

⁹ См.: Вершинин В. И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. 5: Фала–Яштер. Йошкар-Ола, 2011. С. 526.

¹⁰ См.: Мосина Н. М. Структура финского языка (фонетика и морфология имен). Саранск, 2004.

köyhän lanko ‘Никто в бедности не шурин’; *Ei olla köyhiä eikä kipeitä* ‘Не бедны и не больны’; *Joka köyhää auttaa, se laittaa Jumalalle* ‘Помощь бедным – это путь к Богу’; *Kaikkiruokainen köyhän lapsi* ‘Бедный ребенок – всеядный’; *Kauan on köyhä kallellaan ennen kuin kaatuu* ‘Долгое время бедняк под наклоном, перед тем как упадет’; *Köyhyys ei ole ilo kellekään* ‘Бедность – не удовольствие’; *Kulkevat peräkkäin kuin köyhän talon porsaas* ‘Ходят один за другим, как поросята у бедного дома’; *Kun on kesä ja kärpäsiä, niin on köyhälläkin ystäviä* ‘Когда летом мушек, как у бедного друзей’; *Kyllä köyhä köyhän löytää* ‘Бедный для бедного находка’; *Maalla köyhyys on vain köyhyys, mutta kaupungissa se on kurjuus* ‘В деревне бедность – только бедность, а в городе еще и страдание’; *Suku on rahin köyhille* ‘Бедных родственников не жалуют’;

эрз. *Жадноень сельмесь зярдояк а пештеви* ‘Глаза жадного никогда не бывают сытыми’; *Жадной сельме – попонь сельме* ‘Жадный глаз – поповский глаз’; *Жадной сельмесь ансяк песоксо пештеви* ‘Жадные глаза только песком насытишь’; *Скупоенть ламо ёмси (наксады)* ‘У скупого больше пропадает (гниет)’; *Кие сьонав, се жадной* ‘Богатеешь – жаднеешь’.

Отношение человека к ценности денег

фин. *Liiat rahat puhkaisevat taskun* ‘Большие деньги карман рвут’; *Raha ei kasva puissa, mutta puusta saa rahaa* ‘Деньги не растут на деревьях, но за дерево получишь деньги’; *Raha ei kasva puussa (puissa)* ‘Деньги на дереве (на деревьях) не растут’;

эрз. *Ламо ярмакт – ламо забота (мелявкт)* ‘Много денег – много и заботы’; *Се трёшникесь питней, кона честна добовазь* ‘Дорога та копейка, которая честным трудом добыта’; *Тевс нолдазь трёшникесь целковой теи* ‘Копейка, истраченная в дело, рубля стоит’; *Трёшниктеме целковой а эри* ‘Без копейки нет рубля’; *Эрьва мезень тееме кармак – эряви ярмак*; ‘Что бы ни захотел, нужны деньги’; *Ярмакось ведекс чуди* ‘Деньги, как вода, текут’.

Отношение человека к труду и получению денег

фин. *Kaupungis menöö rahaa, vaikkei kukkarua aukaasekkaa* ‘В городе тратятся деньги, даже если кошелек не открывать’; *Raha ontuen tulee ja tanssien menee* ‘Деньги прихрамывая приходят и танцуя уходят’; *Rahat menivät kuin Kankkulan kaivoon* ‘Деньги ушли, как в колодец Канккулы (бездонный колодец)’;

эрз. *Тевесь вечки теема, ярмакось – ловама* ‘Дело любит учет, а деньги – счет’; *Кодамо приход, истямо расход* ‘Каков приход, таков и расход’.

Деньги как источник силы и власти

фин. *Raha auttaa taivaan portille asti* ‘Деньги помогут до врат рая’; *Raha hallitsee maailmaa* ‘Деньги правят миром’; *Raha ja valta vaikuttaisivat viihtyvän samoissa piireissä* ‘Деньги и власть влияют на наслаждения в этих кругах’; *Raha on ikuista, vain taskut vaihtuvat* ‘Деньги вечны, только карманы меняются’; *Raha on kuudes aisti, joka tekee mahdolliseksi nauttia viidestä muusta* ‘Деньги шестое чувство, которое позволяет насладиться пятью другими’; *Raha on valta* ‘Деньги – сила’; *Rahalla saa ja hevosella pääsee* ‘За деньги все получишь, на лошади везде доберешься’; *Rahalla saa vaikka kirkossa tapella* ‘За деньги все получишь, даже если в церкви будешь драться’; *Rahan puutteessa on moni köyhtynyt* ‘Из-за отсутствия денег многие обеднели’; *Rikas maksaa rahallaan, köyhä selkänahallaan* ‘Богатый платит деньгами, бедный – собственной шкурой’;

эрз. *Базаррсь питне ёвты* ‘Базар цену скажет’; *Эрьва мезень тееме кармак – эряви ярмак* ‘Что бы ни захотел, нужны деньги’; *Ярмаконтъ постозо арась* ‘Деньгам поста не бывает’.

Отображение товарно-денежных отношений

фин. *Ei se ole hullu, joka ruutää vaan se joka maksaa* ‘Не тот дурак, кто просит, а тот, кто платит’; *Ennen mies maansa myö kuin sanansa syö* ‘Мужик быстрее землю свою продаст, чем слово свое съест’;

Maksaa hyvällä ‘Платить добром’; *Maksaa mitä maksaa* ‘Сколько бы (это) ни стоило’; *Maksaa mustana* ‘Платить по-черному’; *Myydä päänsä* ‘Продать свою голову’; *Ostaa jotka mustasti* ‘Купить что-то по-черному’; *Älä osta sikaa säkissä* ‘Не покупай свинью в мешке’;

эрз. *Кодамо товар, истямо пунне* ‘Каков товар, такова и цена’; *Ярмакось – товар, товарось – ярмак* ‘Деньги – товар, товар – деньги’; *Ярмактомо попось а кал-матанзат, ярмак лангс – живствэяк* ‘Без денег поп не похоронит, а за деньги – хоть живым схоронит’.

Отношение человека к долговым обязательствам

фин. *Ei velka mätäne* ‘Без долгов не гнилой’; *Velka veli otettaessa, velipuoli maksettaessa* ‘Брат – когда должен, сводный брат – когда заплатил’;

эрз. *Долкс саемась вечки ландома* ‘Долг платежом красен’; *Долкс люнав а улят* ‘Долгами богатым не станешь’; *Саят вить кеднесэ, максат – кершкесэ* ‘Долг берешь правой, а отдаешь – левой’.

Таким образом, исследование показало, что в финском и эрзянском языках материально-денежные отношения непосредственно связаны с бытом и культурой представленных народов. На основе проанализированного материала можно сделать вывод, что наличие денег, с одной стороны, оценивается позитивно. С другой стороны, отмечается четкое негативное отношение, например к слишком большому количеству денег, излишнему богатству, а также скупости и жадности. При

этом в некоторых вариантах (прежде всего в финской фразеологии) наблюдается отрицательная коннотация бедности [3]. Негативную оценку как в эрзянской, так и в финской культуре имеет понятие «долг», в том числе долговые обязательства.

Стоит отметить также, что в финском языке пословичная база, связанная с материально-денежными отношениями, богатством, представлена намного ярче и шире, чем в эрзянском. Это может быть следствием более высокого уровня жизни финнов.

Заключение

В ходе данного исследования с помощью метода сплошной выборки были выявлены 62 финские и 35 эрзянских фразеологических единиц, содержащих 17 наиболее частотно встречающихся лексем, выражающих концепт «деньги», проведен их словарный анализ, который позволил сделать вывод о сходном значении такого явления, как деньги, в сознании финского и эрзянского народов. По результатам анализа фразеологизмы были классифицированы на семь групп в зависимости от их лексико-семантического признака.

Исследование также позволило сделать вывод, что когнитивные признаки обнаруживают связь данного концепта в сознании носителей как финского, так и эрзянского языка.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

фин. – финский язык
эрз. – эрзянский язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: антология. М., 1997. С. 267–279.
2. Базарова Л. В., Страхова И. В. Сравнительный анализ субстантивных фразеологических единиц с компонентом «бог» в русском, английском, немецком, татарском и турецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6-3 (60). С. 69–71.
3. Вильмова Е. С. Отношение американского и российского обществ к бедности и бедным на примерах фразеологизмов, пословиц, цитат и афоризмов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Социология. 2016. Вып. 2. С. 87–96.
4. Водясова Л. П. Структура пословиц в эрзянском языке // Огарев-online. 2017. № 8. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/struktura-poslovic-v-erzyanskom-yazyke> (дата обращения: 09.12.2020).

5. Вьюшкова Л. Н. Работа с фразеологизмом на перекрестке культур // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2019. № 13. С. 11–17.
6. Дригалова Е. Д., Мосина Н. М. Выражение материально-денежных отношений в паремиях финского и русского языков // Современное состояние и перспективные векторы развития филологии, лингвистики, языкознания: сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. М., 2017. С. 28–36.
7. Дригалова Е. Д., Мосина Н. М. Лексема «деньги» как компонент, выражающий материально-денежные отношения в паремиях финского и русского языков // Богатство финно-угорских народов: материалы IV Междунар. фин.-угор. студенч. форума. Йошкар-Ола, 2017. С. 65–67.
8. Еремеева М., Мацук А. Трудности разграничения паремиологии и фразеологии // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2018. С. 20–25.
9. Лызлов А. И. Концепт «удача» во фразеологических единицах английского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 3 (399). С. 45–50.
10. Махмудзода М. Выражение концепта «любовь» во фразеологических единицах таджикского языка с компонентом «сердце» в сравнении с английским языком // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2018. № 1. С. 65–71.
11. Мосина Н. М., Дригалова Е. Д. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматизмом «рää» / «голова» в финском и русском языках // Огарев-online. 2017. № 8. URL: drigalova-e.d.-mosina-n.m-1.pdf (mrsu.ru) (дата обращения: 09.12.2020).
12. Мосина Н. М., Казаева Н. В. Семантическая характеристика и особенности фразеологических единиц с компонентом-соматизмом *fej / rää / пря* 'голова' в венгерском, финском и мокшанском языках. Финно-угорский мир. 2017. № 3 (32). С. 39–46.
13. Новикова Е. В., Евтугова Н. Н. Отражение признаков структуры концепта «птица» во фразеологических единицах английского языка // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2020. № 1 (20). С. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-priznakovoy-struktury-kontsepta-ptitsa-vo-frazeologicheskikh-edinitсах-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 09.12.2020).
14. Серова И. Г. Концептуальный анализ в лингвокультурологии: методы и возможности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1 (10). С. 15–22.
15. Скачева Н. В. Культурологические основы классификации фразеологизмов немецкого языка со смысловым потенциалом *arbeit – geld – sparsamkeit* // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 46. С. 130–138.
16. Убайдуллоева М. А. Ифодаи маъноӣ эҳсосотӣ дар воҳидҳои фразеологии тавсифӣ // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. 2020. № 2. С. 103–107.
17. Фазылова Ш. К. Семантика концепта «богатство» во фразеологических единицах английского языка // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. 2017. № 4-7. С. 117–120.
18. Хайбулаева М. М. Лексема *xli* как ядро концепта «совесть» во фразеологических и паремиологических единицах аварского языка // Современный ученый. 2017. № 7. С. 193–196.
19. Хайбулаева М. М. Лексемы, составляющие приядерную зону концепта «намус» во фразеологических единицах и паремиях аварской языковой картины мира // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2018. Т. 12, № 3. С. 102–106.
20. Хайбулаева М. М. Особенности реализации концепта *намус* («честь, достоинство») во фразеологических и паремиологических единицах аварской языковой картины мира // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 1 (17). С. 128–133.
21. Чикина Е. Е. Выявление национально-культурной специфики фразеологизмов: современные подходы // Международный научно-практический журнал «INTERCULTUR@L-NET». 2004. Вып. 3. URL: <https://srjournal.ru> (дата обращения: 09.12.2020).

Поступила 15.12.2020; одобрена 15.01.2021; принята 20.01.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. Д. Карпунина – магистрант кафедры финно-угорской филологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, edkarpunina@yandex.ru

Representation of the concept “money” in phraseological units of the Finnish and Erzia languages

Ekaterina D. Karpunina

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. The article examines the ways of representing the concept of “money” on the material of phraseological units of the Finnish and Erzia languages in a comparative aspect. It employs the model of conceptual analysis, which is based on the comparison of phraseological units of two distant languages. The purpose of the article is to identify the linguistic means of expression of the concept “money” on the material of phraseological units of each of the required language, and find out how the concept of “money” is represented in the linguistic, cognitive and cultural space of the nations. The study of phraseological fund of languages from the point of view of the representation of a concept is of great importance in linguistics.

Materials and Methods. To achieve this goal, the article uses descriptive and comparative methods, a method of conceptual analysis developed independently in the course of the study, as well as techniques of component and etymological analysis. The actual material is obtained as a result of using the method of continuous sampling from phraseological dictionaries of the Finnish and Erzia languages.

Results and Discussion. This study has allowed to identify the phraseological units that most accurately reflects the concept “money” in the Finnish and Erzia languages; select the frequency of duplicate tokens and spend a lexical analysis of their dictionary definitions; to make their own model of concept analysis to explore the identified language material taking into account semantic basis, and to submit to the lexical-semantic classification of phraseological units based on the material of the Finnish and Erzia languages.

Conclusion. During the study, 62 Finnish and 35 Erzya phraseological units were identified and analyzed, 17 most frequently occurring nuclear lexemes were identified, which allowed us to conclude that the concept of “money” is similar in the minds of the Finnish and Erzia peoples. As a result of the analysis, a classification was made based on the lexical and semantic feature, including 7 groups of phraseological units.

Keywords: concept, money, phraseological unit, the Finnish language, the Erzia language, comparative method

For citation: Karpunina ED. Representation of the concept “money” in phraseological units of the Finnish and Erzia languages. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;1:29–37. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.29-37.

REFERENCES

1. Askol'dov SA. Concept and word. *Russkaia slovesnost': Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologiya* = Russian literature: From the theory of literature to the structure of the text. Anthology. Moscow; 1997;267–279. (In Russ.)
2. Bazarova LV, Strahova IV. Comparative analysis of substantive phraseological units with a “god” component in Russian, English, German, Tatar and Turkish. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2016;6–3(60):69–71. (In Russ.)
3. Vil'mova ES. The attitude of American and Russian societies towards poverty and the poor by examples of phraseological units, proverbs, quotes and aphorisms. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. Sotsiologiya* = Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Sociologiya. 2016;2:87–96. (In Russ.)
4. Vodyasova LP. The structure of proverbs in the Erzyan language. *Ogarev-online*. 2017;8. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/struktura-poslovic-v-erzyanskom-yazyke> (accessed 09.12.2020). (In Russ.)
5. V'yushkova LN. Working with phraseological units at the crossroads of cultures. *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov* = Actual problems of philology and methods of teaching foreign languages. 2019;13:11–17. (In Russ.)
6. Drigalova ED, Mosina NM. Expression of material and monetary relations in the paremiology of the Finnish and Russian languages. *Sovremennoe sostoianie i perspektivnye vektory razvitiia filologii, lingvistiki, iazykoznaniiia: sb. nauch. tr. po materialam I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Current state and perspective vectors of development of philology, linguistics

- tics. Collection of proceedings. Moscow; 2017:28–36. (In Russ.)
7. Drigalova ED, Mosina NM. Lexeme “money” as a component expressing material and monetary relations in the paremias of the Finnish and Russian languages. *Bogatstvo finno-ugorskikh narodov: materialy IV Mezhdunar. fin.-ugor. studench. foruma* = The wealth of the Finno-Ugric peoples. Proceedings of the forum. Yoshkar-Ola; 2017:65–67. (In Russ.)
  8. Ereemeva M, Macuk A. Difficulties in differentiating paremiology and phraseology. *Lingvistika, lingvodidaktika, lingvokulturologiia: aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiia: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Linguistics, linguodidactics, linguoculturology: topical issues and development prospects. Proceedings of the conference. Minsk; 2018:20–25. (In Russ.)
  9. Lyzlov AI. The concept of “luck” in phraseological units of the English language. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2017;3(399):45–50. (In Russ.)
  10. Mahmudzoda M. Expression of the concept “love” in phraseological units of the Tajik language with the component “heart” in comparison with the English language. *Vestnik Tadjikskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk* = Bulletin of the Tajik National University. A series of philological sciences. 2018;1;65–71. (In Russ.)
  11. Mosina NM, Drigalova ED. Comparative analysis of phraseological units with somatism “päa” / “head” in Finnish and Russian. *Ogarev-online*. 2017;8. URL: drigalova-e.d.-mosina-n.m-1.pdf (mrsu.ru) (accessed 09.12.2020). (In Russ.)
  12. Mosina NM, Kazaeva NV. Semantic characteristics and features of phraseological units with a somatism component *fej / päa / npra* ‘head’ in Hungarian, Finnish and Moksha languages. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2017;3(32):39–46. (In Russ.)
  13. Novikova EV, Evtugova NN. Reflection of the feature structure of the concept “bird” in phraseological units of the English language. *Elektronnyi nauchno-metodicheskii zhurnal Omskogo GAU* = Research and Scientific Electronic Journal of Omsk SAU. 2020;1(20):6 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-priznakovoy-struktury-kontsepta-ptitsavo-frazeologicheskikh-edinitsah-angliyskogo-yazyka> (accessed 09.12.2020). (In Russ.)
  14. Serova IG. Conceptual analysis in cultural linguistics: methods and possibilities. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* = Questions of cognitive linguistics. 2007;1:15–22. (In Russ.)
  15. Skachyova NV. Cultural foundations of the classification of phraseological units of the German language with the semantic potential *arbeit – geld – sparsamkeit*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* = Vestnik of Kemerovo State University of Culture and Arts. 2019;46:130–138. (In Russ.)
  16. Ubajduloeva MA. Expression of emotional meaning in descriptive phraseological units. *Bulletin of the Tajik National University. A series of philological sciences*. 2020;2:103–107. (In Tajik)
  17. Fazylova ShK. Semantics of the concept “wealth” in phraseological units of the English language. *Vestnik Tadjikskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filologicheskikh nauk* = Bulletin of the Tajik National University. A series of philological sciences. 2017;4–7:117–120. (In Russ.)
  18. Hajbulaeva MM. Lexeme *Yakhi* as the core of the concept “conscience” in the phraseological and paremiological units of the Avar language. *Sovremennyyi uchenyi* = Modern scientist. 2017;7:193–196. (In Russ.)
  19. Hajbulaeva MM. Lexemes that make up the core zone of the concept “namus” in phraseological units and paremias of the Avar linguistic picture of the world. *Izvestiia Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obschestvennye i gumanitarnye nauki* = Proceedings of Dagestan State Pedagogical University. Social and humanitarian sciences. 2018;12;3:102–106. (In Russ.)
  20. Hajbulaeva MM. Features of the implementation of the concept of *namus* (“honor, dignity”) in phraseological and paremiological units of the Avar language picture of the world. *Filologicheskie nauki v MGIMO* = Philology at MGIMO. 2019;1(17):128–133. (In Russ.)
  21. Chikina EE. Revealing the national and cultural specifics of phraseological units: modern approaches. *Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii zhurnal “INTERCULTUR@L-NET”* = International scientific and practical journal “INTERCULTUR@L-NET”. 2004;3. URL: <https://srjournal.ru> (accessed 09.12.2020). (In Russ.)

Submitted 15.12.2020; reviewing 15.01.2021; accepted 20.01.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. D. Karpunina – Master of Philology, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Mordovia State University, edkarpunina@yandex.ru

Местные сельские праздники в перспективе культурной памяти русского и финно-угорского населения Нижегородской области

Ольга Валерьевна Гальцева

*Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник,
Нижний Новгород, Россия*

Введение. В статье в контексте культурной памяти анализируется механизм укоренения и последующего функционирования местных религиозных праздников в культурном пространстве российских сельских сообществ XIX–XX вв.

Материалы и методы. Были исследованы и обобщены материалы, содержащиеся в научных трудах, дающих представление о рассматриваемой проблеме, а также использованы полевые материалы автора, собранные в этнографических поездках по Нижегородской области. Методологической основой исследования являются проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. При сборе полевых материалов были использованы такие методы полевой этнографии, как непосредственное наблюдение и интервьюирование.

Результаты исследования и их обсуждение. В современной гуманитарной науке репрезентативные свойства праздника осмысляются в контексте культурной памяти, где праздник выступает ее элементом или первичной формой. В рамках такого подхода праздник можно рассматривать и как «общий текст», который, по Ю. Лотману, сохраняется и актуализируется в пространстве общей памяти сообщества, и как механизм этой актуализации, действующий из поколения в поколение и позволяющий членам этого сообщества осуществлять культурную самоидентификацию. Автор представляет местные религиозные праздники русского и финно-угорского населения (мордвы и марийцев) Нижегородской области как одну из традиционных форм сохранения, актуализации и межпоколенной передачи информации, значимой для формирования культурной идентичности.

Заключение. Местные религиозные праздники являлись тем механизмом, посредством которого коллективная память отдельных сельских сообществ осмыслялась, сохранялась и ретранслировалась через единые традиционные формы общерусской духовной культуры. В культурной памяти финно-угорских народов местные религиозные праздники русских соседей стали ключом к восприятию христианских культов и сыграли важную роль в процессах аккультурации.

Ключевые слова: культурная память, праздник, местный праздник, престольный праздник, духовное наследие, национальная идентичность

Для цитирования: Гальцева О. В. Местные сельские праздники в перспективе культурной памяти русского и финно-угорского населения Нижегородской области // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 1. С. 38–48. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.38-48.

Введение

Среди многочисленных видов традиционных праздников большое значение в XIX в. приобрели так называемые местные сельские праздники, которые локально отмечались каждой крестьянской общиной. Из всего многообразия местных праздников особый интерес вызывают религиозные. В основе таких праздников лежит память о значимых религиозных событиях местной истории, которая на протяжении всего XX века сохраня-

лась в их смысловом поле и до настоящего времени играет заметную роль в формировании территориальной и общенациональной идентичности россиян. Исследование было предпринято с целью проанализировать в контексте культурной памяти механизм укоренения и последующего функционирования местных религиозных праздников в культурном пространстве российских сельских сообществ XIX–XX вв.

Обзор литературы

Местные сельские праздники долгое время не были предметом специального изучения. Все публикации по праздничной обрядности русского народа конца XIX – середины XX в. (работы В. Я. Проппа, И. М. Снегирева, А. В. Терещенко, В. И. Чичерова и др. [26; 29; 30; 33] относятся главным образом к общепочитаемым календарным праздникам, материалы по местным сельским праздникам встречаются в них лишь фрагментарно.

В конце XX столетия исследователи начинают обращать внимание на местные праздники как на целостное явление. М. М. Громько в монографии «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.» рассматривает отдельные местные праздники в качестве значимой составляющей социально-общественной жизни крестьян [14], а в книге «Мир русской деревни» посвящает им небольшой очерк [13, 364–367]. Т. А. Бернштам в рамках изучения «народного православия» затрагивает тему местных религиозных праздников [5–7], в исследовании «Приходская жизнь русской деревни» в главе о сельских приходских праздниках раскрывает общие принципы формирования иерархии локального праздничного календаря крестьянской общины [8, 260–278]. Л. А. Тульцева в статье «Престольные праздники в картине мира (мироколице) православного крестьянина» представляет сельский престольный праздник центром обрядовой жизни сельского населения, в котором соединяются церковная и народная культуры [31]. Традиционные местные праздники русских крестьян в контексте народного православия исследуются в работах В. В. Власовой [12] и А. Н. Розова [28].

Рассматривать местные праздники как самостоятельную систему первым предложил М. И. Васильев: он проанализировал типологию, привел классификацию местных сельских праздников конкретной территории и проследил динамику их развития [10; 11].

В изданной в 2005 г. коллективной монографии «Русские» из серии «Народы и

культуры» Н. С. Полищук были систематизированы все попавшие в поле зрения автора сведения по местным праздникам русских, как сельским, так и городским [23]. В 2011 г. в сборнике статей «Церковные праздники русского народа. От прошлого к настоящему», посвященном осмыслению церковной культуры в рамках народной праздничной культуры, были опубликованы статьи И. А. Кремлевой и Т. А. Листовой, написанные на современном материале по местным сельским праздникам [17; 18]. В 2014 г. у А. В. Черных в общем цикле «Русский народный календарь в Прикамье» вышла книга, полностью сосредоточенная на местных праздниках Пермского края, в которой приведен комплексный анализ структуры и содержания местных праздников русского населения в контексте праздничной культуры [32].

Местные религиозные праздники Нижегородской области пока не становились объектом специального исследования, на сегодняшний день информация о них представлена фрагментарно.

Что касается местных сельских праздников мордвы и марийцев, то в большинстве своем они лишь упоминаются в обобщающих работах об обрядовой культуре этих народов. Из них можно назвать классический труд по мордве Нижегородской губернии П. И. Мельникова-Печерского «Очерки мордвы», где автор на примере мордвы-терюхан рассматривает постепенное распространение в их среде устоев православия, в том числе местных престольных праздников [21]. Этот же процесс прослеживают в монографии «Мордва и вера» Н. Ф. Мокшин и Е. Н. Мокшина [22]. Кроме того, они показывают широкое распространение сельских престольных праздников у мордвы в настоящее время. Традицию укрепления в быту мордвы местных престольных праздников и связанных с ними элементов обрядности исследует в одной из своих монографий Г. А. Корнишина [16]. Имеется также специальная публикация Н. Ф. Беляевой о престольных праздниках мордвы-мокши в XIX – начале XX в. [4]. Отдельные сведения о местных праздниках сельских ма-

рийцев приводятся в обобщающем труде по истории и культуре этого народа, вышедшем в 2005 г. [20], а также в сборнике материалов, посвященном некоторым аспектам этнической культуры нижегородских марийцев¹.

В целом можно отметить, что в большинстве исследований этнографический материал по местным сельским праздникам рассматривается либо в рамках более общей темы, либо в аспекте изучения локальной традиции. До настоящего времени не существует четкого представления об их типологии, происхождении, функциях, роли в культуре, структуре и динамике развития.

В работах В. В. Артюшкиной [2], В. Н. Поповой [24], К. Э. Разлогова [27] феномен праздника раскрывается как один из способов репрезентации культурной памяти, однако исследований взаимосвязи традиционных праздников и культурной памяти пока не проводилось.

Материалы и методы

Для достижения основной цели данного исследования использовались положения о специфике культурной памяти, высказанные Ю. М. Лотманом [19], что позволило рассмотреть местные сельские праздники как культурные тексты, сохраняющиеся и актуализирующиеся в пространстве общей памяти сельского сообщества. Применение историко-сравнительного метода было связано с необходимостью проследить состояние местных сельских праздников в дореволюционном, советском и постсоветском культурном пространстве. Это позволило выявить их обусловленность традиционными праздничными формами и содержанием общей памяти, а также продемонстрировать их участие в процессах формирования идентичности и аккультурации.

В процессе работы над статьей был проведен историографический анализ научных трудов, который дал возможность получить большое количество теоретико-методологического и фактологического

материала по рассматриваемой проблеме. Он был дополнен полевыми материалами автора, собранными в этнографических поездках по Большемурашкинскому, Варнавинскому, Вачскому, Ветлужскому, Вознесенскому, Дальнеконстантиновскому, Дивеевскому, Княгининскому, Ковернинскому, Кстовскому, Кулебакскому, Лукояновскому, Сосновскому, Тоншаевскому, Чкаловскому районам Нижегородской области. При этом использовались методы полевых исследований, в частности наблюдения и интервьюирования.

Результаты исследования и их обсуждение

Смысловое поле слова «праздник» в культуре русского народа относилось к духовно-религиозной сфере жизни и определялось рамками церковного календаря. Деление времени на будни и праздники посредством церковного календаря выступает поздней социализацией времени, сложившейся у русских крестьян в XVII–XVIII вв., однако, как пишет Т. А. Бернштам, именно эта система унаследовала архаичный счет времени, проявляющийся в конце XIX в. в локальном своеобразии праздничного календаря в каждой русской деревне [5, 120]. В отчетах Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева, фиксирующих состояние крестьянского сословия в конце XIX в., мы находим однозначные ответы на вопрос о том, какие дни в году празднуют русские крестьяне. И сами крестьяне, и представители сельской интеллигенции в числе почитаемых и отмечаемых выделяют праздники церковные, причем на первом месте в большинстве случаев стоят местный престольный праздник и Пасха².

Через сто лет, несмотря на сложные преобразования, произошедшие в общественном сознании, ответы на вопрос о том, какие праздники отмечались в той или иной сельской местности, остались прежними. Информанты старшего (1930–1940-х годов рождения) и среднего (1950–1960-х годов рождения) поколений (рожденные

¹ См.: Нижегородские мари: современное состояние и культура / сост. Н. В. Морохин. Йошкар-Ола, 1994.

² См.: Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 1. Костромская и Тверская губернии: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб., 2004.

и выросшие уже в советском обществе) в начале XXI в. продолжают называть в числе отмечаемых в их селении праздников известные им памятные «Божественные» события церковного календаря, выделяя среди них престольные праздники. «Праздники – это только престольные у нас называли, старинные...»³; «Праздники – это только церковные»⁴; «Праздник – это престольный, конечно, это в первую очередь у нас...»⁵; «У нас главные праздники: Пасха, Никола и Троица»⁶.

Устойчивое положение местных религиозных праздников в культурном пространстве крестьянской общины, а потом и советской деревни было связано с тем, что они, имея непосредственное отношение к местной истории и развиваясь самостоятельно внутри каждого крестьянского общества, оставались частью народной духовной культуры, всегда лежащей в основе национальной идентичности.

О непосредственной связи праздника с духовной сферой культуры (сакральной сутью) того или иного народа писали М. Элиаде [34], М. М. Бахтин [3], В. Н. Топоров⁷. Так, М. М. Бахтин утверждал, что «никакое “упражнение” в организации общественно-трудового процесса, никакая “игра в труд” и никакой отдых или передышка в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными. Чтобы они стали праздничными, к ним должно присоединиться что-то из иной сферы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, то есть из мира идеалов» [3, 7]. В. Н. Топоров считал, что «связь сакральности и праздника в его архаичной форме настолько обязательна, что в известной степени и в определенном контексте можно сказать, что сакрально то, что связано с сутью праздника, с его ядром»⁸.

Хозяйственный быт российского крестьянина был сопряжен с постоянным преодолением ожидаемых и непредвиденных трудностей, таких как рискованные условия земледелия, социальная и экономическая незащищенность, влияние на жизнь внешних, часто стихийных факторов. Все эти обстоятельства в сочетании с глубокой религиозностью выстраивали жизнь землепашца в ритме постоянного диалога с Божественным, что находило выражение в местных религиозных праздниках. В материалах Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева по Владимирской губернии в разделе «Почитание праздничных дней» находим следующие сведения: «В каждом селе существуют свои праздничные дни – “в память какого-либо посещения Божия” (таковым мог быть, напр., пожар, падеж скота)» [9, 152]. «Посещение Божие», по религиозным народным воззрениям, предоставляло обществу возможность обрести небесного заступника – покровителя, после молитвенного обращения к которому бедствие прекращалось. По решению мирского схода этому святому устанавливался праздник по обещанию, или обету (обещанный, обетный, заветный), ежегодно отмечаемый данным сообществом. В таком контексте к «посещению Божию» можно отнести и чудесные обретения местных святынь (особо почитаемых икон, природных объектов, святых мощей и пр.), через которые также осуществлялся диалог с просьбой о покровительстве. В честь этих событий устанавливались ежегодные обретенные, или явленные, праздники.

Если же речь шла о деревне и за установлением праздника следовало строительство храма, праздник получал статус престольного, главного, праздника, а деревня – статус села. Несколько перефразируя высказывание С. А. Приклонского, можно сказать, что со строительства

³ Полевой материал автора: с. Ивановское Княгининского района Нижегородской области, 2009 г. (далее – ПМА).

⁴ ПМА: с. Шандрово Лукояновского района Нижегородской области, 2011 г.

⁵ ПМА: с. Большое Лебедево Кстовского района Нижегородской области, 2009 г.

⁶ ПМА: с. Дальнее Константиново Дальнеконстантиновского района Нижегородской области, 2019 г.

⁷ См.: Топоров В. Н. Праздник // Мифы народов мира: энцикл. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 2. С. 329–331.

⁸ Там же. С. 329.

церкви начинается история русской деревни [25, 42].

Память о чудесных событиях, положенных в основу местной истории, сохранялась в информационном поле престольного праздника, передаваясь устно от поколения к поколению. Ниже приводятся примеры русских преданий, первое из которых записано в конце XIX в., а три других – в начале XXI в.

Корреспондент Этнографического бюро из Ветлужского уезда Костромской губернии (ныне Ветлужский район Нижегородской области) в одном из сообщений рассказал о храме с. Радщинского, который «освящен Фролу и Лавру. Предание говорит, как освящена церковь: 33 лет по случаю найденной иконы Фрола и Лавра в источнике из горы. Народ ездит в эту церковь на конях верхом 18 августа, тоже по обещанию служить молебен святым мученикам, после выздоровления от болезни лошадей. Кто из крестьян съездит и сослужит молебен о здравии, никогда никакая лошадь не захворает и не припадет. Служат молебен, обходя круг поля с крестным ходом, тем святым, которым старики обещались»⁹.

Предание об освящении Смоленской церкви с. Большое Мокрое Кстовского района гласит, что однажды группа мокринцев (стариков, женщин и детей) отправилась в лес. Было жарко, хотелось пить. Пошли на ключ, и там одному старому человеку явилась на поверхности воды икона. Не имея своей церкви, люди решили отдать икону в приходскую церковь с. Стан-Шелокша. Однако оттуда она чудесным образом исчезла и явилась на том же месте. Тогда умные люди решили, что нужно строить храм в самой деревне, но еще до постройки храма в честь иконы был установлен праздник, который сразу стали называть престольным¹⁰.

В д. Зотово Тоншаевского района старожилы помнят услышанную от родителей историю праздника в честь Фрола и Лавра, который они называют своим престолом. «Однажды случился в деревне страшный

мор лошадей, тогда приехал из Тоншаева священник, окропил лошадей святой водой, и мор прошел, было это в праздник Фрола и Лавра. С тех пор день Фрола и Лавра стал праздником этой деревни. Каждый год в этот день из Тоншаева на тантантасе приезжал батюшка, а люди приводили своих лошадей, их купали в пруду и окропляли святой водой, после чего началось общее гулянье»¹¹. Со временем в празднике стали принимать участие и жители соседних поселений. На общие средства в честь святых в деревне была построена часовня.

Жители с. Туркуши Кулебакского района рассказали о своем престольном празднике, который они называют чудом, следующее: «Было это чудо очень-очень давно, на месте не существующего ныне села Архангельского. Как-то раз хлынула с горы на храм вода, тогда явился сам Михаил Архангел и рассек воду на два потока и храм остался невредим». Место, о котором говорится в предании, могут показать практически все¹². Здесь действительно было расположено старое село с разрушенным ныне храмом, который, по данным адрес-календаря Нижегородской епархии, был построен в 1710 г. и освящен в честь Михаила Архангела.

В советское время, когда община перестала быть приходом, сельские престольные праздники остались единственным звеном культурной памяти, соединявшим современное поколение с его духовным наследием. Отвечая на заданный нами вопрос «Какое освящение имела разрушенная церковь?», затруднения испытывали представители не только среднего, но и старшего поколения, но то, какой был престол, знали и помнили все.

На рубеже XX–XXI вв. с началом активного восстановления сельских храмов многие предания о событиях местной истории, которые легли в основу местных праздников, были вписаны в летопись приходов. Так, в с. Елифаново и Сергиево Вачского района праздник в честь Тих-

⁹Русские крестьяне. С. 71.

¹⁰ПМА: с. Большое Мокрое Кстовского района Нижегородской области, 2008 г.

¹¹ПМА: д. Зотово Тоншаевского района Нижегородской области, 2004 г.

¹²ПМА: с. Туркуши Кулебакского района Нижегородской области, 2005 г.

винской иконы Божией Матери вошел в местный календарь после чуда, произошедшего в этот день на окрестном источнике. Предание о чуде более 100 лет сохранялось в смысловом поле явленного праздника. Теперь в Тихвинской часовне каждый может познакомиться с ним на специально установленном стенде¹³. На сайте храма Живоначальной Троицы с. Аламасово Вознесенского района представлена история обретения иконы Тихвинской Божией Матери, в честь которого в советское время был установлен обетный праздник, 70 лет сохраняющий память о чудесном событии¹⁴. В Успенской церкви с. Суворово Дивеевского района с 2006 г. находятся мощи четырех новомучениц: Евдокии, Дарьи, Дарьи и Марии¹⁵. До обретения мощей память о мученической смерти будущих святых без малого 90 лет сохранялась в обетном празднике, который жители села отмечали тайно по ночам в годовщину их гибели. В поселениях Поветлужья традиция празднования трех «годин» в честь Макария Желтоводского, Варнавы Ветлужского и Тихона Луховского была основана на устных преданиях о плавании святителей по р. Ветлуге. Центрами местных праздников стали три села: Варнавино, Макарий-Притыка и Лапшанга, где, по преданию, святые выходили на берег. В 2010 г. в день памяти Тихона Луховского – «Тихонову годину» – в с. Лапшанга Варнавинского района был совершен чин закладки храма в честь трех святителей Ветлужских¹⁶.

Важную роль в процессах аккультурации финно-угорских народов Нижегородского Поволжья (мордвы, марийцев) сыграло установление местных религиозных праздников, воспринятых ими от русских соседей. В д. Ашкаты Тоншаевского района, где коренным населением в начале XX в. были некрещеные марийцы, после чудесного явления иконы Николая Чудотворца этому святому был установлен праздник и по-

строена часовня¹⁷. Марийцы д. Одошнур того же района своим покровителем считают Василия Великого – в его честь возведена часовня и установлен праздник, по аналогии с русским называемый престольным (в значении «главный праздник») ¹⁸. В обоих случаях явление христианских святых происходит у почитаемых марийцами священных лип, вокруг которых впоследствии и обустроиваются часовни. В этой ситуации священные марийские деревья становятся для местного языческого сообщества культовым центром почитания новых, заимствованных у русских и христианских по своей сути, явленных праздников. Иными словами, в празднике совершается соединение двух религиозных культов, через которое осуществляются адаптация и включение в культурную память группы новых, чуждых ей до этого момента элементов.

Явления христианских святых и теперь расцениваются марийцами как великие события, значение которых в сознании местного сообщества настолько велико, что культурно-общественные преобразования XX в. не оказали никакого влияния на их почитание.

В самом начале аккультурации группы терюханской мордвы Нижегородского уезда Нижегородской губернии (ныне территория Дальнеконстантиновского района) мы можем наблюдать действие тех же механизмов. Так, в д. Инелейка (ныне с. Богоявление) массовое и добровольное крещение местной мордвы, по преданию, началось после того, как в водах почитаемого мордовского источника мордовская женщина увидела образ Спасителя. В честь этого события был установлен праздник, а в конце XVII в. построен первый храм, и деревня стала селом Богоявленским. Сегодня жители села идентифицируют себя русскими. Память о мордовском происхождении коренного местного сообщества до настоящего времени сохраняется в истории местного

¹³ ПМА: с. Епифаново Вачского района Нижегородской области, 2006 г.

¹⁴ ПМА: с. Аламасово Вознесенского района Нижегородской области, 2017 г.

¹⁵ ПМА: с. Суворово Дивеевского района Нижегородской области, 2006 г.

¹⁶ ПМА: с. Макарий-Притыка Варнавинского района Нижегородской области, 2010 г.

¹⁷ ПМА: д. Ашкаты Тоншаевского района Нижегородской области, 2006 г.

¹⁸ ПМА: с. Большой Одошнур, д. Малый Одошнур Тоншаевского района Нижегородской области, 2006 г.

престольного праздника в честь Богоявления, или Крещения Господня¹⁹.

История престольного праздника мордовского села Маргуша начинается с обретения в реке некрещеной мордвой иконы Казанской Божией Матери. Старожилы села со слов их отцов рассказывают, что после этого события местная мордва стала отмечать в честь иконы праздник, а мордовские мужики поставили богородичные часовенки (столбики с иконкой) на входах во все окрестные священные рощи, чуть позже была построена церковь. На престольный праздник – летнюю Казанскую – местные жители по примеру русских соседей стали совершать с обретенной иконой крестный ход с заходом во все ближайшие деревни. В отличие от коренных сообществ соседних русских деревень, к настоящему моменту почти полностью утративших свои культурные традиции, обрусевшая мордва с. Маргуша совершает крестный ход ежегодно уже более 150 лет. На настоящий момент это единственная на всей территории района живая традиция праздничного обхода с иконой-имениницей²⁰.

Из приведенных примеров видно, что укоренение праздника и его участие в формировании культурной памяти зависят от определенной и осознанной сообществом степени значимости для будущих поколений лежащего в его основе события. Для языческих финно-угорских народов явление христианских святынь было не просто первым «посещением Божиим», а первым посещением христианского Бога, началом новой истории, что и нашло отражение в устойчивом статусе праздника.

Событие, ежегодно отмечаемое в формате главного праздника, можно рассматривать как некую точку отсчета, о которой писал М. Элиаде: «Любой праздник всегда разворачивается в начальном времени, ничто не может быть предпринято без предварительной ориентации, а всякая ориентация предполагает наличие какой-то точки отсчета» [34, 23]. Для российской крестьянской общины XIX в., как и для сельских сообществ XX в., ею был престольный праздник, вокруг которого в необходимой

для данного сообщества последовательности выстраивалась вся праздничная иерархия. Внутри праздничной иерархии в каждом отдельном случае могли происходить регулярные перестановки, вызванные изменением отношения сообщества к ценности того или иного празднуемого события. Например, если общество не видело практического смысла в праздновании действующего праздника по обету, принимался новый обет, если происходило новое событие, вытесняющее по значимости событие прежнего явленного праздника, устанавливался новый явленный праздник, и т. д. Обращаясь к культурологической концепции Ю. М. Лотмана, можно заключить, что «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить» [19, 202]. Т. А. Бернштам отмечала, что «многие крестьяне знали о церковном разделении праздников на три чина (великие, средние и малые), но в каждом отдельном случае разделение это происходило самочинно, отбором нужных и ненужных элементов» [8, 260]. Так, престольный праздник, который церковной традицией причислялся к праздникам средним, на деле отмечался наравне с Пасхой, а местные праздники из числа средних и малых (явленные и обетные) в местном праздничном календаре вставляли в один ряд с двенадцатыми церковными праздниками.

Регулярное и доступное каждому поколению обновление системы местных праздников, которое происходило в рамках общероссийской культуры и единой иерархии, было свидетельством ее полной открытости, или, по Л. А. Абрамюну, «нетайности» [1, 13]. При этом «нетайность» и «неосвященность» являются более архаическими чертами, чем торжественность и строгая секретность, а способ празднования часто оказывается более живучим, чем форма обряда [1, 59]. Именно данное обстоятельство позволило местным религиозным праздникам адаптироваться в новом культурном пространстве советской деревни.

Самобытный для каждого селения набор местных праздников на протяжении

¹⁹ ПМА: с. Богоявление Дальнеконстантиновского района Нижегородской области, 2018 г.

²⁰ ПМА: д. Маргуша Дальнеконстантиновского района Нижегородской области, 2018 г.

двух столетий оставался для жителей основной формирования локальной и семейно-родственной идентичности, о чем свидетельствуют данные интервью: «Это вот наш праздник, а у них другой, свой»²¹; «Вот Рождество у нас гуляли, а на Вознесение в соседнюю деревню шли»²²; «Это тут празднуют (рассказывает женщина про село, в котором в замужестве прожила более сорока лет), а у нас коренной был Казанская (про свою родную деревню)»²³.

В послевоенные годы, когда начинается активная миграция сельского населения в города, эта часть культурной памяти для многих уже городских жителей ассоциируется с ощущением детства, отчего дома, малой и большой родины.

Заключение

Изучение местных сельских праздников в контексте культурной памяти позволяет рассматривать их как одну из универсальных традиционных форм сохранения информации. Местные религиозные праздники брали на себя широкий спектр важнейших функций от почитания местных святых, сохранения памяти о событиях местной истории до межэтнической культурной адаптации. Несмотря на исключительную самобытность местных праздников в каждом сельском сообществе, они имели общую для всей территории России духовно-культурную основу

и единые формы празднования, благодаря которым информация о любом уникальном событии или явлении осмыслялась в рамках единой духовной культуры и общей традиции.

Местные религиозные праздники являлись тем механизмом, посредством которого коллективная память отдельных сельских сообществ осмыслялась, сохранялась и ретранслировалась через единые традиционные формы общерусской духовной культуры. Полная открытость процесса укоренения и способа празднования местных религиозных праздников позволила им адаптироваться в новом культурном пространстве советской деревни. В период массового атеистического сознания местные религиозные праздники оставались «живой» формой коллективной памяти, связывающей новые поколения с его религиозным наследием.

В культурной памяти финно-угорских народов местные религиозные праздники русских соседей стали ключом к восприятию христианских культов и сыграли важную роль в процессах аккультурации.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о перспективности применения данного подхода в изучении феномена местных праздников и могут быть использованы для дальнейшего, более глубокого изучения региональной праздничной традиции.

²¹ ПМА: с. Шандрово Лукояновского района Нижегородской области, 2011 г.

²² ПМА: с. Большое Терюшево, д. Маргуша Дальнеконстантиновского района Нижегородской области, 2018 г.

²³ ПМА: с. Помра Дальнеконстантиновского района Нижегородской области, 2017 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамян Л. А. Первобытный праздник и мифология. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1983. 230 с.
2. Артюшкина В. В. Праздничная культура, как способ репрезентации культурной памяти // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 5 (79). С. 138–145.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
4. Беляева Н. Ф. Престольные праздники мордвы-мокши (XIX – начало XX в.) // Проблемы истории, культуры и права. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2002. С. 10–15.
5. Бернштам Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения: сб. ст. Л., 1985. С. 120–154. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/bernscht_budprazd.php (дата обращения: 15.12.2020).
6. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. 278 с.

7. Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт церкви в народном христианстве. СПб.: Петерб. востоковедение, 2000. 395 с.
8. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та: Петерб. востоковедение, 2005. 413 с.
9. Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / авт.-сост.: В. М. Фирсов, И. Г. Киселев. СПб.: Изд-во Европ. Дома, 1998. 152 с.
10. Васильев М. И. Местные праздники в системе праздничной культуры русского народа: традиции и современность // Перекресток культур: междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук: сб. ст. М., 2004. С. 10–32.
11. Васильев М. И. Новгородская традиционная праздничная культура: местные праздники Вологовского района. Великий Новгород: б. и., 2001. 129 с.
12. Власова В. В. Заветный праздник в публичном пространстве местного сообщества // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2014. № 3 (19). С. 127–130.
13. Громько М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.
14. Громько М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 274 с.
15. Жигульский К. Праздник и культура: Праздники старые и новые. Размышления социолога. М.: Прогресс, 1985. 334 с.
16. Корнишина Г. А. Традиционно-обрядовая культура в системе мордовского этноса. Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 371 с.
17. Кремлева И. А. Церковные праздники: место обетных праздников в русле народной культуры // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему. М., 2011. С. 122–161.
18. Листова Т. А. Православие в общественно-религиозных праздниках советского и постсоветского времени (по материалам полевых исследований в российско-украинско-белорусском пограничье) // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему. М., 2011. С. 161–231.
19. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 200–202.
20. Марийцы: ист.-этногр. очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. 336 с.
21. Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд., 1981. 134 с.
22. Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Мордва и вера. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. 531 с.
23. Полищук Н. С. Местные праздники // Русские. М., 2005. С. 602–616. (Народы и культура).
24. Попова В. Н. Инсценировки памяти: о современных формах театрализации праздника // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 49. С. 142–149.
25. Приклонский С. А. Крестьянский мир и приходской причт // Северный вестник. 1885. Сентябрь. № 1. С. 42–64.
26. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (Опыт ист.-этногр. исслед.). СПб.: Азбука, 1995. 174 с.
27. Разлогов К. Э. Память и идентичность // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: колл. моногр. 2-е изд. М., 2015. С. 11–29.
28. Розов А. Н. Народный календарный праздник и православие // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 122–132.
29. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М.: Кучково поле, 2011. 543 с.
30. Терещенко А. В. История культуры русского народа. М.: ЭКСМО, 2007. 729 с.
31. Тульцева Л. А. Престольный праздник в картине мира (мироколице) православного крестьянина // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник. М., 1999. Вып. 25. С. 157–210.
32. Черных А. В. Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч. 4. Местные праздники. СПб., 2014. 288 с.
33. Чичеров В. И. Зимний период русского народного календаря XVI–XIX вв. (очерки по истории народных верований). М.: Изд-во АН СССР, 1957. 237 с.
34. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 143 с.

Поступила 14.01.2021; одобрена 19.01.2021; принята 20.01.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

О. В. Гальцева – заведующий сектором этнографии Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, ol.galczewa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1258-3771>

Local rural holidays as a manifestation of cultural memory of Russian and Finno-Ugric populations in Nizhny Novgorod region

Olga V. Galtseva

*Nizhny Novgorod History and Architecture Museum Reserve,
Nizhny Novgorod, Russia*

Introduction. In the context of cultural memory the article analyzes the rooting mechanism and subsequent functioning of local religious holidays in the cultural space of Russian rural communities of the XIX–XX centuries.

Materials and Methods. The article contains studied and generalized materials found in research that give an idea of the problem under consideration. It also employs the author's field materials collected during ethnographic trips to the Nizhny Novgorod region. The theoretical basis of the presented research is the problem-chronological and comparative-historical methods. Such methods of field Ethnography as direct observation and interviewing were used during the collection of field materials.

Results and Discussion. In modern humanities, the representative properties of the holidays are interpreted in the context of cultural memory, where the holiday acts as its element or primary form. In this approach, the holiday can be considered as "General text", which, according to Yuri Lotman can be stored and updated in the shared memory of the community, and as the mechanism of this update process, which acts from generation to generation and allows members of this community to exercise their cultural identity. The author considers local religious holidays of the Russian and Finno-Ugric population (Mordovians and Mari people) in Nizhny Novgorod region as one of the traditional forms of preservation, actualization and intergenerational transmission of information, important for the formation of cultural identity.

Conclusion. Local religious holidays were the mechanism used for the collective memory of individual rural communities to be comprehended, preserved and transferred through the unified traditional forms of all-Russian spiritual culture. In the cultural memory of the Finno-Ugric peoples, the local religious holidays of the Russian neighbors became the key to the perception of Christian religion and played an important role in the processes of acculturation.

Keywords: cultural memory, holiday, local holiday, Patronal holiday, spiritual heritage, national identity

For citation: Galtseva OV. Local rural holidays as a manifestation of cultural memory of Russian and Finno-Ugric populations in Nizhny Novgorod region. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;1:38–48. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.38-48.

REFERENCES

1. Abramyan LA. Primitive holiday and mythology. Erevan; 1983. (In Russ.)
2. Artyushkina VV. Festive culture, as a way of representation of cultural memory. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* = The Bulletin of Moscow State University of culture and arts. 2017;5:138–145. (In Russ.)
3. Bahtin MM. The work of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow; 1990. (In Russ.)
4. Beliaeva NF. Patronal feasts of Mordva-Moksha (XIX – early XX centuries). *Problemy istorii, kul'tury i prava* = Problems of history, culture and law. Saransk; 2002:10–15. (In Russ.)
5. Bernshtam TA. Weekdays and holidays: Adult behavior in the Russian peasant environment (XIX – early XX century). *Etnicheskie stereotipy povedeniia: sb. st.* = Ethnic stereotypes of behavior. Collection of articles. Leningrad; 1985:120–154. Available from: https://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Culture/Article/bernscht_budprazd.php (accessed 15.12.2020). (In Russ.)
6. Bernshtam TA. Youth in the ritual life of the Russian Community of the XIX – early XX centuries: Gender and age aspect of traditional Culture. Leningrad; 1988. (In Russ.)
7. Bernshtam TA. Youth in the symbol of the transitional rites of the Eastern Slavs: The Teaching and experience of the Church in Popular Christianity. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.)
8. Bernshtam TA. Parish Life of the Russian Village. Essays on Church Ethnography. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.)

9. The life of a giant peasant-cultivator: Description of the materials of the Ethnographic bureau of Prince V. N. Tenishev (for the affairs of the Vladimir province). Saint Petersburg; 1998. (In Russ.)
10. Vasil'ev MI. Local holidays in the system of festive culture of the Russian people: traditions and modernity. *Perekrestok kul'tur: mezhdistsiplinarnye issledovaniia v oblasti gumanitarnykh nauk: sb. st. = Crossroads of Culture: Interdisciplinary Studies in the Humanities. Collection of articles.* Moscow; 2004:10–32. (In Russ.)
11. Vasil'ev MI. Novgorod traditional holiday culture: local holidays of the Volotovsk district. Velikij Novgorod; 2001. (In Russ.)
12. Vlasova V.V. Cherished holiday in the public space of the local community. *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Komi Science centre Ural branch Russian academy of sciences.* 2014;3(19):127–130. (In Russ.)
13. Gromyko MM. The World of the Russian Village. Moscow; 1991. (In Russ.)
14. Gromyko MM. Traditional norms of behavior and forms of communication of Russian peasants of the XIX century. Moscow; 1986. (In Russ.)
15. ZHigul'skij K. Holiday and culture. Holidays old and new. Reflections of a sociologist. Moscow; 1985. (In Russ.)
16. Kornishina GA. Traditional-ritual culture in the system of the Mordovian ethnic group. Lap Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG; 2011. (In Russ.)
17. Kremleva IA. Church holidays: the place of votive holidays in the mainstream of folk culture. *Tserkovnye prazdniki russkogo naroda: ot proshlogo k nastoiashchemu = Church holidays of the Russian people: from the past to the present.* Moscow; 2011:122–161. (In Russ.)
18. Listova TA. Orthodoxy in social and religious holidays of the Soviet and post-Soviet times (according to field studies in the Russian-Ukrainian-Belarusian borderlands). *Tserkovnye prazdniki russkogo naroda: ot proshlogo k nastoiashchemu = Church holidays of the Russian people: from the past to the present.* Moscow; 2011:161–231. (In Russ.)
19. Lotman YuM. Memory in cultural sale. *Izbrannye stat'i: v 3 t. = Selected articles.* Tallinn; 1992;1:200–202. (In Russ.)
20. Mari people. Historical and ethnographic essays. Yoshkar-Ola; 2005. (In Russ.)
21. Mel'nikov-Pechersky PI. Essays of Mordvian. Saransk; 1981. (In Russ.)
22. Mokshin NF, Mokshina EN. Mordvins and Faith. Saransk; 2005. (In Russ.)
23. Polishchuk NS. Local holidays. *Russkie = Russian.* Moscow; 2005:602–616. (In Russ.)
24. Popova VN. Scenes of Memory: about Modern Forms of Theatricalization of the Holiday. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Vestnik of Kemerovo state university of culture and arts.* 2019;49:142–149. (In Russ.)
25. Priklonskij SA. Peasant world and parish clergy. *Severnyi vestnik = Northern Bulletin.* 1885;1:42–64. (In Russ.)
26. Propp VYa. Russian agrarian holidays. Experience of comparative ethnographic research. Saint Petersburg; 1995. (In Russ.)
27. Razlogov KE. Memory and identity. *Kul'turnaia pamiat' v kontekste formirovaniia natsional'noi identichnosti Rossii v XXI veke: koll. monogr. 2-e izd. = Cultural memory in the context of the formation of the national identity of Russia in the XXI century. Collective Monograph.* Moscow; 2015:11–29. (In Russ.)
28. Rozov AN. Folk calendar the feast of Orthodoxy. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = People. Culture. Education.* 2018;3:122–132. (In Russ.)
29. Snegirev IM. Russian folk holidays and superstitious rites. Moscow; 2011. (In Russ.)
30. Tereshchenko AV. History of the culture of the Russian people. Moscow; 2007. (In Russ.)
31. Tul'ceva LA. Feast day in the film world Orthodox peasant. *Rasy i narody: sovremennye etnicheskie i rasovye problemy: ezhegodnik = Races and Peoples: modern ethnic and racial problems. Yearbook.* Moscow; 1999;25:157–210. (In Russ.)
32. Chernyh AV. Russian folk calendar in the Kama region: holidays and rituals of the late XIX – mid XX century. Part IV. Local holidays. Saint Petersburg; 2014. (In Russ.)
33. Chicherov VI. Winter period of the Russian folk calendar of the XVI–XIX centuries (Essays on the history of folk beliefs). Moscow; 1957. (In Russ.)
34. Eliade M. The sacred and the mundane. Moscow; 1994. (In Russ.)

Submitted 14.01.2021; reviewing 19.01.2021; accepted 20.01.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

O. V. Galtseva – Head of Ethnography Department, Nizhny Novgorod History and Architecture Museum Reserve, ol.galczewa@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1258-3771>

Трансформация институциональной среды лесопромышленного предприятия как фактор социально-экономического развития финно-угорского региона в 1990-е гг.

Олег Игоревич Кулагин

*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия*

Введение. В статье рассматриваются процессы трансформации институциональной среды регионального лесопромышленного предприятия Карелии в 1990-е гг. Целью исследования стало определение влияния данной трансформации на уровень социально-экономического развития республики как финно-угорского региона с преимущественным развитием отраслей лесопромышленного комплекса.

Материалы и методы. Методика исследования основана на использовании преимущественно институционального подхода. Его применение позволяет выявить изменения, которые произошли в структуре институциональной среды регионального лесопромышленного предприятия с началом рыночных преобразований 1990-х гг., а также степень эффективности взаимодействия данного предприятия с различными экономическими субъектами.

Результаты исследования и обсуждение. Анализ изменений, произошедших в первое постсоветское десятилетие в институциональной среде регионального лесопромышленного предприятия, показал ряд негативных моментов. Прежде всего сильно снизилась роль государства, которое не смогло сформировать эффективные «правила игры» для лесной экономики. Принятый в 1997 г. Лесной кодекс ущемлял права Карелии как субъекта Федерации, поскольку в собственность республики могла быть передана лишь часть лесного фонда. На фоне отсутствия ведомств партийного и государственного контроля, тяжелого финансового положения региона возросло значение региональных органов власти в решении проблем предприятий лесопромышленного комплекса. В условиях стихийной приватизации и развала финансовой системы лесопромышленные предприятия столкнулись с многочисленными проблемами взаимодействия с поставщиками, заказчиками, потребителями и банками. Рассматриваемый период стал временем усиления роли зарубежных фирм в деятельности лесопромышленных предприятий. Получив контрольный пакет акций ряда отечественных предприятий, иностранные предприниматели не стремились вкладывать инвестиции в их развитие.

Заключение. Трансформация, произошедшая в институциональной среде регионального лесопромышленного предприятия Карелии в 1990-е гг., негативно сказалась на уровне социально-экономического развития финно-угорского региона, основу которого составляли отрасли лесопромышленного комплекса.

Ключевые слова: лесопромышленное предприятие, финно-угорский регион, институциональная среда, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Кулагин О. И. Трансформация институциональной среды лесопромышленного предприятия как фактор социально-экономического развития финно-угорского региона в 1990-е гг. // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 1. С. 49–58. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.49-58.

Введение

С распадом СССР и крушением прежней советской политической и экономической системы в отечественном лесопромышленном комплексе (ЛПК) начался новый этап, обусловленный попытками его модернизации на основе рыночных отношений. В начале 1990-х гг. были разрушены существовавшие в советское время хозяйственные связи при одновременном

росте цен на материалы, энергоносители, транспортные услуги, падении платежеспособного спроса на лесоматериалы на внутреннем рынке, недоступности кредитных ресурсов, недостатке оборотных средств на создание сезонных запасов на воспроизводство, а также инвестиций на техническое поддержание и обновление основных фондов [16].

В 1990-е гг. институциональная среда, в которой функционировали предприятия ЛПК Карелии, на протяжении второй половины XX в. развивавшейся как регион с доминированием отраслей ЛПК, изменилась и стала более «разряженной» в отсутствие жесткого контроля со стороны государства и в то же время более конкурентной и «размытой» с точки зрения институциональных рамок. Необходимость получать прибыль без государственной поддержки, находить потребителя для своей продукции, рассматривать лесные ресурсы как бесплатные и ограниченные в объеме – это далеко не все условия новой институциональной среды карельского лесопромышленного предприятия в 1990-е гг.

Обзор литературы

Анализ эффективности функционирования промышленного предприятия в изменяющейся институциональной среде остается объектом изучения преимущественно исследователей, представляющих экономические науки [1; 7; 15]. Многие из них уделяют внимание рассмотрению влияния изменений институциональной среды предприятия на уровень социально-экономического развития региона [3; 4; 10; 11]. В последние годы появляются работы, выполненные в рамках междисциплинарных исследований и содержащие оценку уровня влияния институциональных преобразований на экономическое развитие промышленных предприятий [2]. Однако работ, в которых трансформация институциональной среды промышленных предприятий рассматривается в качестве важного фактора социально-экономического развития региона в исторической ретроспективе, чрезвычайно мало.

Материалы и методы

Методологической основой данного исследования стало использование институционального подхода. Тот факт, что институты имеют огромное значение в региональном социально-экономическом развитии, признается не только экономи-

стами, занимающимися институциональным анализом, но и представителями традиционных научных экономических школ. Институты, являясь своего рода «правилами игры», структурируют отношения в экономических, социальных, политических и других системах, а также при анализе исторического прошлого. Основные положения «институционально-эволюционной теории» наиболее последовательно изложены в работах нобелевского лауреата в области экономики Д. Норта [20].

Прикладные вопросы экономики были раскрыты в работах институционалиста первой волны У. Митчелла [19]. Его вывод о том, что ценовая политика даже в условиях рыночной экономики определяется не фактором свободной конкуренции, а системой власти, был взят за основу при анализе деятельности лесопромышленных предприятий, вынужденных после длительного функционирования в системе советской экономики перестраиваться к существованию в новых рыночных условиях 1990-х гг.

Одним из родоначальников неоинституциональной школы стал Р. Коуз, который ввел в экономическую теорию новый вид издержек – «издержки по сделкам», или трансакционные издержки [18]. Основной целью существования фирмы провозглашалось не производство или максимизация прибыли, а минимизация издержек на заключение сделки. Применительно к российской экономике исследуемого периода под фирмой понимается промышленное предприятие, так как эти понятия в данном аспекте синонимичны. В 1990-е гг., несмотря на наличие более «разряженной» по сравнению с советским периодом институциональной среды, неопределенность в отношениях с партнерами и государством для предприятий увеличилась, что стало причиной различных тактик поведения и приспособлений к новым рыночным условиям.

Для анализа институциональной среды предприятия автор отчасти использовал подход, разработанный в трудах Г. Б. Клейнера¹. В соответствии с ним

¹ См.: Клейнер Г. Б. Институциональная структура предприятия и стратегическое планирование на микроуровне: цикл публич. лекций. М., 2004. С. 8–9.

институциональная среда предприятия имеет довольно насыщенную структуру, в которой действуют как специфические для предприятия институты, так и проекции общестрановых, территориальных и отраслевых институций. В ходе повседневной деятельности предприятие систематически взаимодействует со множеством лиц и организаций. Эти взаимодействия носят разнообразный характер и протекают в экономической, правовой, социальной, информационной и других средах². В рамках проведенного исследования использование данного подхода позволило проанализировать степень эффективности взаимодействия регионального лесопромышленного предприятия с основными экономическими субъектами.

Результаты исследования и их обсуждение

Правительство РФ – государство

В 1990-е гг. сохранявшиеся связи между государством и большинством предприятий переплетались с недостаточной реформированностью государственных органов. Несмотря на происходившие глубокие изменения в природе и функциях государства, оно еще не обрело того места, которое присуще ему в классической рыночной экономике. При этом за государством оставалась важная функция, связанная с образованием формальных институтов взаимодействия, в том числе в экономической сфере. По сравнению с советским периодом уменьшились степень регламентации в выполнении прежних социальных ролей, зависимость от действий местных или центральных, партийных, советских или хозяйственных властей. На большинстве предприятий ЛПК Карелии государство больше не фиксировало размеры заработной платы, расценки, размеры и объем лесопродукции [14, 102–103].

Первый этап структурных реформ в лесном секторе был осуществлен в

1992–1993 гг. и завершился приватизацией промышленных предприятий преимущественно в форме создания акционерных обществ с разной степенью участия государства. Основы лесного законодательства, а затем Лесной кодекс создали правовую базу для организации лесопользования посредством аренды и лесных торгов [12]. Между государством и руководством лесопромышленных предприятий установились неписаные, но жестко соблюдаемые обеими сторонами правила поведения. Их суть сводилась к тому, что политика, проводимая государством в отношении ЛПК республики, не ставила руководство предприятий перед необходимостью повышать эффективность своей деятельности. Предприятия же, в свою очередь, не проводили в массовом порядке сокращение численности занятых. В рамках существовавшей институциональной модели ни одна из сторон не могла вести себя другим образом. Слабость института государства в относительно благоприятных условиях до и после 1998 г. не позволила создать условия для экономического роста в лесном секторе республики. Лесопромышленные предприятия же, за редким исключением, смогли устойчиво развиваться вопреки лесопромышленной политике государства.

На экономику лесных предприятий в начале реформ отрицательно повлияла высокая доля непроизводственных основных фондов в общей структуре производства. Почти половина прибыли лесозаготовительных предприятий тратилась на содержание социальной сферы. В 1995 г. правительственными решениями социальная сфера была передана в ведение местных властей. Ввиду финансовой несостоятельности органов местного самоуправления некоторым предприятиям лесного комплекса приходилось содержать такие объекты, как котельные, ветхий жилищный фонд и т. д. Самостоятельность в сочетании с изолированностью от бывших партнеров и отсутствием государственной поддерж-

² См.: Клейнер Г. Б. Институциональная структура предприятия и стратегическое планирование на микроуровне: цикл публич. лекций. М., 2004. С. 11.

ки не способствовала быстрой адаптации к новым условиям хозяйствования, жестким правилам конкуренции. Первые шаги к рынку прошли без видимых осложнений, чему способствовали близость крупных зарубежных потребителей лесной продукции и коммерческая свобода. Однако отсутствие координации экспортных операций и регулирования хозяйственных связей внутри республики со стороны правительственных структур привело к стихийным процессам в деятельности почти всех предприятий комплекса [8, 106–107].

Налоговая политика государства осложнила и без того трудное финансовое положение предприятий. Она не позволяла рассматривать всерьез вопросы инвестирования в лесную промышленность. В те годы с 1 р. прибыли предприятиям оставалось 3–5 к., что убивало всякий интерес к производству [5]. Предприятия вынуждены были платить налоги всех уровней, осуществлять обязательные отчисления в фонды, несвоевременное внесение которых оборачивалось гигантскими штрафами. В результате продажи древесины и пиломатериалов после всех обязательных платежей у предприятия хватало средств лишь на достаточно скромную заработную плату рабочим [13, 194].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 ноября 1995 г. № 1123 была утверждена Федеральная целевая программа развития лесопромышленного комплекса Российской Федерации. Программой предусматривалось выделение инвестиций на реализацию инвестиционных проектов по приоритетным направлениям. Для развития лесопромышленного комплекса на период 1995–2005 гг. предполагалось направить в Республику Карелия 3 634 млрд р. (в ценах 1995 г.), в том числе в 1995 г. – 139 млрд р., в 1996–2000 гг. – 2 003 млрд р. (400 млрд р. в год). Фактически в 1996 г. было выделено всего 11,07 млрд р. бюджетных средств. В дальнейшем запланированные финансовые поступления на развитие регионального ЛПК так и не были реализованы [8, 73].

Региональная элита и территориальные органы управления

На региональном уровне руководство республики так же, как и федеральные органы власти, пыталось создать новые формальные институты в виде республиканского законодательства, касающегося лесных ресурсов. 27 марта 1992 г. был принят закон «О лесах Республики Карелия», в котором были определены права владения, пользования и управления лесным фондом республики, сформулированы правила ведения лесного хозяйства, функции лесных органов, мероприятия по воспроизводству и повышению продуктивности и качества лесов. Были установлены права и обязанности лесопользователей, контроль за их деятельностью, ответственность за нарушение лесного законодательства [8, 144]. При этом именно на уровне региона был установлен высокий размер лесных податей, доля которых доходила до 28 % [13, 194].

Имелся также ряд других законодательных положений и актов, направленных на организацию деятельности предприятий и отдельных лиц по лесопользованию. Так, закон «О порядке вывоза круглого леса за пределы Республики Карелия» от 26 марта 1992 г. устанавливал ограничения на вывоз круглого леса из республики, однако входил в противоречие с федеральным законодательством. В постановлении Правительства Республики Карелия «О неотложных мерах по стабилизации работы лесопромышленного комплекса» от 30 ноября 1994 г. особое внимание уделялось необходимости создания условий для полного освоения лесосечного фонда [8, 145].

Проведенная в республике конкурсная и инвестиционная приватизация, как и по стране, не во всех случаях имела положительные результаты. Республиканское правительство все чаще вынуждено было решать проблемы развития регионального ЛПК, сглаживая просчеты, допущенные на федеральном уровне. Лишь серьезное вмешательство правительства и

акционерной компании «Кареллеспром» сумело остановить дальнейший спад производства.

Результаты интервьюирования руководителей территориальных органов власти (глав местных администраций и их заместителей) позволили выявить еще одну проблему, которая с началом преобразований обострила ситуацию на территориях лесных поселений. Эта проблема была связана с взаимоотношениями градообразующих предприятий (в лесосырьевых районах – леспромхозы и лесозаводы) и местной власти. В отсутствие контролирующей роли КПСС на местах у районной власти не было реальных рычагов влияния на предприятия, которые иногда пользовались своей самостоятельностью, не считаясь с интересами территорий. Только личные взаимоотношения и взаимодействия помогали местным властям каким-либо образом влиять на предприятия. Вполне естественно, что стратегия развития градообразующих предприятий должна была увязываться со стратегией развития территории, а данное взаимодействие – опираться на прочную законодательную и институциональную основу. По вопросам собственности на лесные ресурсы местные власти поддерживали лесное законодательство, т. е. считали, что в основе лесных отношений должна лежать государственная собственность. Возможность выделения лесных угодий в частную собственность местному населению воспринималась довольно скептически [6].

Финансовое положение региона было очень тяжелым. Председатель Правительства Республики Карелия В. Н. Степанов был вынужден обратиться к Президенту Российской Федерации с письмом и просить рассмотреть ход выполнения указа от 12 августа 1993 г. № 1240. Этим документом определялись условия экономического эксперимента по созданию особого порядка инвестирования на территории Республики Карелия. Им предусматривалось предоставление Карелии в период до 1998 г. налогового креди-

та для финансирования мероприятий по обеспечению расширенного воспроизводства, структурной перестройки народного хозяйства, углубленной переработки исходного сырья, увеличения экспортного потенциала и производства товаров народного потребления, расширения сферы услуг. Правительством Карелии были своевременно предоставлены все необходимые документы в Правительство РФ. Однако решение затянулось. Развернутое строительство федеральных и республиканских объектов, выполнение утвержденных президентом программ оказались под угрозой срыва³.

Поставщики, заказчики, потребители и банки

Возникшая в 1990-х гг. проблема взаимодействия лесопромышленных предприятий была связана с тем, что плановая система хозяйствования и руководства экономикой и промышленностью оказалась одномоментно разрушена. Надо было самостоятельно искать посредников или выходить непосредственно на производителей, что было довольно сложно. Банковская система также была разрушена, появилось множество коммерческих банков и фирм, не всегда честных с клиентами. В этих условиях директора некоторых леспромхозов стали объединяться для решения локальных задач, таких как снабжение расходными и горюче-смазочными материалами, запасными частями, машинами, оборудованием, особенно импортным. С целью организации реализации продукции на экспорт руководители предприятий вместе ездили на переговоры в Швецию, Финляндию – для заключения договоров на поставку продукции единым пакетом [13, 178].

Во взаимодействии с поставщиками и потребителями были и другие сложности. Цены лесопромышленным предприятиям диктовали как зарубежные, так и отечественные покупатели. На совещании с работниками лесного комплекса с участием различных республиканских служб, состоявшемся 9 ноября 1994 г.,

³ См.: Кица Л. П. Как это было...: из дневника председателя Госплана Карелии. Петрозаводск, 2006. С. 598.

представитель Пудожской сплавной конторы, в частности, отметил отсутствие каких-либо льготных кредитов для сплавных предприятий. Кроме того, контора была вынуждена продавать сырье Сегежскому целлюлозно-бумажному комбинату ниже себестоимости, так как других потребителей не было, платить большие пени по расчетам с внебюджетными фондами. Руководитель Сегежского комбината В. И. Ермаков указал на скупку леса коммерческими структурами. На 1995 г. предприятие получило заказ на полную мощность комбината, но сырья на его реализацию не имело. По мнению руководителя Суоярвского леспромпхоза Ю. Н. Спиридонова, запрет на поставку круглого леса за пределы республики подорвал региональную лесную экономику. Данный запрет заставил предприятие продавать лес по демпинговым ценам. Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат давал за 1 м³ 21 дол., что являлось явно заниженной ценой. На совещании шла речь и о необходимости налоговой амнистии. У Суоярвского леспромпхоза на тот момент было 5,4 млрд р. долгов, большей частью перед пенсионным фондом. По свидетельству представителя Соновецкого леспромпхоза, при месячном фонде заработной платы 750 млн р. задолженность по пенсионному фонду составила 452 млн р., имелась также задолженность перед фондом медицинского страхования и фондом занятости⁴.

В течение первой половины 1990-х гг. сохранялась стойкая тенденция – при снижении объемов производства продукции лесного комплекса или незначительном росте доля ее экспорта (в страны дальнего зарубежья и Балтии) увеличивалась. Отмечаемый рост производства, ориентированного на экспорт, и прогрессирующее падение производства, ориентированного на внутренний рынок, глубокий кризис в лесозаготовительной промышленности и полный развал в деревообрабатывающей – все это, по мнению специалистов, говорило о потере управляемости лесным комплексом как

на региональном, так и на федеральном уровне [17].

Карелия повторяла общестрановую тенденцию. В 1996 г. из-за дефицита собственных оборотных средств пополнение оборотных активов происходило исключительно за счет кредиторской задолженности по кредитам, займам и прочим пассивам. Балансовый убыток предприятий комплекса в 1996 г. составил 93,6 млрд р. Убыточными были лесозаготовительная и деревообрабатывающая отрасли. Доля убыточных предприятий в лесозаготовительной отрасли достигла 76,5 %, деревообрабатывающей – 91,7 %. На 1 января 1997 г. суммы дебиторской и кредиторской задолженности были следующими: дебиторская – 626 млрд р., в том числе долги покупателей – 471 млрд р., или 75 % от общей суммы дебиторской задолженности; кредиторская – 1 158 млрд р., в том числе долги поставщикам – 425 млрд р., или 37 % от общей суммы кредиторской задолженности. Определенную роль в этом сыграла высокая процентная ставка за банковский кредит, что обусловило переход предприятий на взаимное кредитование в виде неплатежей⁵.

Таким образом, недостаточность денежных ресурсов для расчетов и высокая процентная ставка за банковский кредит стали важнейшими причинами неплатежеспособности предприятий.

Зарубежные (финские) фирмы

Российские лесопромышленные предприятия в начале 1990-х гг. оказались в заведомо неравных условиях по отношению к своим зарубежным коллегам-конкурентам, в частности из Финляндии и Швеции, технологическая база и система управления которыми выгодно отличались от российского варианта развития ЛПК. Не улучшала ситуацию и постоянно меняющаяся институциональная среда, которая представляла собой свободно формирующийся дикий рынок. Результатом стала монополия зарубежных фирм на российском лесопромышленном рынке.

⁴ См.: Кица Л. П. Указ. соч. С. 590–591.

⁵ Там же. С. 611.

В течение рассматриваемого периода республику продолжали посещать представители различных иностранных фирм, предлагая организацию совместных предприятий. Количество предприятий с иностранными инвестициями за 1991–1994 гг. увеличилось с 36 до 378. Однако почти половина зарегистрированных совместных предприятий были ликвидированы, не начав деятельности; приступили к работе только 202 из них. Все это объяснялось прежде всего политической, экономической, законодательной нестабильностью⁶.

Особенностью структурной модернизации лесного комплекса Карелии стало активное стремление иностранного капитала получить контрольный пакет акций лесопромышленных предприятий. Хотя леспромхозы и деревообрабатывающие предприятия пытались удержать его у себя, им не всегда это удавалось. По закону того времени приобретать акции любого акционерного общества имели право не только российские, но и иностранные граждане, причем иностранный инвестор мог претендовать только на 35 % акций предприятий. Используя апробированные во всем мире приемы, зарубежные фирмы получали в лесозаготовительных предприятиях республики крупные, а нередко и контрольные пакеты акций. Так, в АО «Олонецлес» 32 % акций приобрел финский концерн «Инженерное бюро Бертель Экенгрэн» (на 1 января 1996 г.); у Сегежского целлюлозно-бумажного комбината более 51 % акций было скуплено шведской корпорацией «Асси-ДОМЭН» (на 1 октября 1996 г.); контрольный пакет акций Сегежского лесопильно-деревообрабатывающего комбината перешел к четырем иностранным фирмам за 800 млн р. при стоимости основных фондов 26 млрд р.; большей частью акций Пудожского (Шальского) лесозавода владела фирма «Ауэер и Варлен»; 59 % акций Лахенпохского фанерного комбината принадлежало нескольким компаниям (главная – «Карелия Трейд») и т. д. [9]. К сожалению, иностранные предпри-

ниматели не торопились вкладывать какие-либо инвестиции в развитие (реконструкцию и модернизацию) карельских предприятий, обновление их техники. Австрийская фирма «Эггер» даже заморозила на неопределенное время уже готовое к выпуску производство древесноволокнистых плит в Медвежьегорском районе [9].

Ситуация осложнялась тем, что в данный период лесопользованием в республике наряду с российскими занимались финские компании, что вело к сокращению рабочих мест в леспромхозах, а также к значительным нарушениям правил рубки леса⁷.

Заключение

В результате процессов трансформации, произошедших в институциональной среде регионального лесопромышленного предприятия в 1990-е гг., изменилась его социально-экономическая роль в качестве одного из главных факторов социально-экономического развития финно-угорского региона. Из проводника государственной региональной социально-экономической политики, в своей деятельности вынужденно учитывавшей региональные и локальные интересы, предприятие ЛПК превратилось в экономический субъект, самостоятельно формирующий стратегию взаимодействия со всеми участниками хозяйственного процесса. Отсутствие продуманной государственной политики и действенных рычагов поддержки со стороны региональных властей на фоне не всегда чистоплотной экономической конкуренции на рынке лесной продукции со стороны зарубежных фирм, низкая эффективность взаимодействия с партнерами поставили региональные лесопромышленные предприятия на грань выживания. Это, в свою очередь, негативно сказалось на уровне социально-экономического развития финно-угорского региона, основой которого было развитие отраслей лесопромышленного комплекса.

⁶ См.: Кица Л. П. Указ. соч. С. 584.

⁷ См.: Лесной комплекс Республики Карелия в 1998 году: анализ. зап. Петрозаводск, 1999. С. 17–19.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альхимович И. Н., Найденов Н. Д. Социально-экономические аспекты проблем малых предприятий в трансформировании институциональной среды хозяйствования // Философия социальных коммуникаций. 2011. № 2 (15). С. 119–127.
2. Головкин М. В., Анцибор А. В., Жук А. В., Железнякова А. В. Институциональные детерминанты экономического развития промышленных предприятий атомного энергетического машиностроения в 1950–2010-е гг. // Экономика и предпринимательство. 2017. № 7 (84). С. 519–525.
3. Дамдинов Д. Д. Институциональная среда функционирования малых предприятий в регионе // Вестник университета. 2012. № 8. С. 29–36.
4. Каломбо Муламба В. И. Корпоративная стратегическая реструктуризация как фактор обеспечения устойчивого развития предприятия в условиях меняющейся институциональной среды // Евразийский союз ученых (ЕСУ). 2015. № 12, ч. 3. С. 121–124.
5. Козлов А. Ф. Проблемы перестройки лесного комплекса в условиях рыночных преобразований // Экономические проблемы становления рыночных отношений Республики Карелия (проблемы и тенденции развития). Петрозаводск, 1997. С. 31–33.
6. Козырева Г. Б. Проблемы институционального развития системы лесопользования: (на примере Республики Карелия): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Петрозаводск, 2000. 22 с.
7. Кувшинов М. С. Влияние вариативности институциональной среды экономической деятельности предприятия на формирование чистой прибыли // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2008. № 20 (120). С. 52–60. (Экономика и менеджмент; вып. 7).
8. Лесопромышленный комплекс Республики Карелия (1990–1999 гг.): сб. / под общ. ред. Е. Г. Немковича, А. М. Цыпука, А. И. Шишкина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 161 с.
9. Некрасов М. Д. Вопросы управления лесным комплексом Карелии в рыночных условиях // Экономические проблемы становления рыночных отношений Республики Карелия (проблемы и тенденции развития). Петрозаводск, 1997. С. 33–35.
10. Новикова Ж. А. Формирование институциональной среды развития предприятий региона // Сегодня и завтра российской экономики. 2012. № 53. С. 185–187.
11. Орлова Т. С., Воробьев К. А. Современное состояние факторов влияния институциональной среды на малые предприятия регионов // Урал – XXI век: регион инновационного развития: материалы II Международ. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 29–30 ноября 2017 г.): в 2 т. Екатеринбург, 2017. Т. 1. С. 196–200.
12. Петров А. П. Стратегия и тактика структурных реформ в лесном секторе // Актуальные вопросы повышения эффективности деятельности предприятия лесопромышленного комплекса: тез. докл. СПб., 2011. С. 4–8.
13. Пладов В. А. Люди и леса Карелии. Петрозаводск: Острова, 2015. 319 с.
14. Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микроэкономический анализ). М.: Моск. обществ. науч. фонд; Изд. центр науч. и учеб. программ, 1999. 193 с.
15. Чайковская Л. А. Налогообложение и эффективность функционирования предприятий лесопромышленного комплекса в современной институциональной среде // Аудит и финансовый анализ. 2007. № 6. С. 15–28.
16. Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 239 с.
17. Шишулина З. И. ЛПК: проблема выхода из кризиса // Экономические проблемы становления рыночных отношений Республики Карелия (проблемы и тенденции развития). Петрозаводск, 1997. С. 38–40.
18. Coase R. The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. Vol. 4, no. 16. P. 386–405.
19. Mitchell W. C. What Happens During Business Cycles: A Progress Report. New York: National Bureau of Economic Research, 1951. 386 p.
20. North D. C. Institutions and economic growth: An historical introduction // *World Development*. 1989. Vol. 17, issue 9. P. 1319–1332.

Поступила 05.12.2020; одобрена 11.01.2021; принята 20.01.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

О. И. Кулагин – доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета, olkulagin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2979-250X>

Transformation of the institutional environment of a timber enterprise as a factor of social and economic development of the Finno-Ugric region in the 1990-ies

Oleg I. Kulagin

Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia

Introduction. The article examines the processes of transformation of the institutional environment of the regional timber industry enterprises in Karelia in the 1990s. The aim of the study was to identify the impact of this transformation at the level of socio-economic development of the Republic of Karelia as a Finno-Ugric region with the predominant development of the branches of the timber industry.

Materials and Methods. The research methodology is based on the use of a predominantly institutional approach. Its application makes it possible to trace the changes that occurred in the structure of the institutional environment of regional timber industry enterprises with the beginning of market transformations in the 1990-ies, as well as the degree of effectiveness of the interaction of this enterprise with various economic entities.

Results and Discussion. The analysis of the changes that took place in the first post-Soviet decade in the institutional environment of regional timber industry showed a number of negative aspects. First of all, the role of the state greatly reduced, which was unable to form effective “rules of the game” for the timber economy. The Forest Code adopted in 1997 infringed upon the rights of Karelia as a subject of the Federation, since only a part of the forests could be transferred to the ownership of the Republic. In the current difficult conditions, with the absence of the party and state control departments, and the difficult financial situation of the region, the role of regional authorities in solving the problems of forestry enterprises increased. In the context of spontaneous privatization and the collapse of the financial system, timber industry enterprises faced numerous problems of interaction with suppliers, customers, consumers and banks. This period was the time of the strengthening of the role of foreign companies in the work of timber enterprises. Unfortunately, having received a controlling stake in a number of domestic enterprises, foreign entrepreneurs were in no hurry to invest in their development.

Conclusion. The transformations that took place in the institutional environment of the regional forestry enterprises in the 1990-ies negatively affected the level of the socio-economic development of Finno-Ugric region, based on the development of branches of the timber industry complex.

Keywords: timber industry enterprise, Finno-Ugric region, institutional environment, socio-economic development

For citation: Kulagin OI. Transformation of the institutional environment of a timber enterprise as a factor of social and economic development of the Finno-Ugric region in the 1990-ies. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;1:49–58. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.49-58.

REFERENCES

1. Al'khimovich IN, Naidenov ND. Socio-economic aspects of the problems of small enterprises in the transformation of the institutional environment of management. *Filosofia sotsial'nykh kommunikatsii* = Philosophy of Social Communication. 2011;2(15):119–127. (In Russ.)
2. Golovko MV, Antsibor AV, Zhuk AV, Zhelezniakova AV. Institutional determinants of economic development of industrial enterprises of nuclear power engineering in the 1950s – 2010s. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* = Economy and entrepreneurship. 2017;7(84):519–525. (In Russ.)
3. Damdinov DD. Institutional environment for small businesses in the region. *Vestnik universiteta* = University Bulletin. 2012;8:29–36. (In Russ.)
4. Kalombo Mulamba VI. Corporate strategic restructuring as a factor in ensuring sustainable development of an enterprise in a changing institutional environment. *Evraziiskii soiuz uchenykh (ESU)* = Eurasian Union of Scientists (EUS). 2015;12;3:121–124. (In Russ.)
5. Kozlov AF. The problems of restructuring the forestry complex in the context of market transformations. *Ekonomicheskie problemy*

- stanovleniia rynochnykh otnoshenii Respubliki Kareliia (problemy i tendentsii razvitiia)* = Economic problems of the formation of market relations in the Republic of Karelia (problems and development trends). Petrozavodsk; 1997:31–33. (In Russ.)
6. Kozyreva GB. Problems of institutional development of the forest management system: (on the example of the Republic of Karelia). Abstract. of dis. ... Dr. Econ. Sci. Petrozavodsk; 2000. (In Russ.)
  7. Kuvshinov MS. The influence of the variability of the institutional environment of the economic activity of the enterprise on the formation of net profit. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the South Ural State University. 2008;20(120):52–60. (In Russ.)
  8. Timber industry complex of the Republic of Karelia (1990–1999). Collected articles. Petrozavodsk; 2000. (In Russ.)
  9. Nekrasov MD. Management issues of the forestry complex of Karelia in market conditions. *Ekonomicheskie problemy stanovleniia rynochnykh otnoshenii Respubliki Kareliia: problemy i tendentsii razvitiia* = Economic problems of the formation of market relations in the Republic of Karelia (problems and development trends). Petrozavodsk; 1997:33–35. (In Russ.)
  10. Novikova ZhA. Formation of the institutional environment for the development of regional enterprises. *Segodnia i zavtra rossiiskoi ekonomiki* = Today and tomorrow of the Russian economy. 2012;53:185–187. (In Russ.)
  11. Orlova TS, Vorob'ev KA. The current state of the factors of influence of the institutional environment on small enterprises in the regions. *Ural – XXI vek: region innovatsionnogo razvitiia: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Ural – XXI century: a region of innovative development. Materials of the II International scientific and practical conference. Yekaterinburg; 2017;1:196–200. (In Russ.)
  12. Petrov AP. Strategy and tactics of structural reforms in the forestry sector. *Aktual'nye voprosy povysheniia effektivnosti deiatel'nosti predpriiatiia lesopromyshlennogo kompleksa: tez. dokl.* = Topical issues of increasing the efficiency of the timber industry enterprise. Abstracts of the reports. Saint Petersburg; 2011:4–8. (In Russ.)
  13. Pladov VA. People and forests of Karelia. Petrozavodsk; 2015. (In Russ.)
  14. Transformation of Economic Institutions in Post-Soviet Russia (microeconomic analysis). Moscow; 1999. (In Russ.)
  15. Tchaikovskiy LA. Taxation and the effectiveness of the functioning of timber industry enterprises in the modern institutional environment. *Audit i finansovyi analiz* = Audit and financial analysis. 2007;6:15–28. (In Russ.)
  16. Shegel'man IR. Forest transformations (XV–XXI centuries). Petrozavodsk; 2008. (In Russ.)
  17. Shishulina ZI. Timber industry complex: the problem of overcoming the crisis. *Ekonomicheskie problemy stanovleniia rynochnykh otnoshenii Respubliki Kareliia (problemy i tendentsii razvitiia)* = Economic problems of the formation of market relations in the Republic of Karelia (problems and development trends). Petrozavodsk; 1997:38–40. (In Russ.)
  18. Coase R. The Nature of the Firm. *Economica*. 1937;4;16:386–405.
  19. Mitchell WC. What Happens During Business Cycles. A Progress Report. New York; 1951.
  20. North DC. Institutions and economic growth: An historical introduction. *World Development*. 1989;17;9:1319–1332.

Submitted 05.12.2020; reviewing 11.01.2021; accepted 20.01.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

O. I. Kulagin – Doctor of History, Associate Professor, Department of National History, Petrozavodsk State University, olkulagin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2979-250X>

Образ змеи в карельской народной медицине

Татьяна Владимировна Пашкова

*Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия,*

Введение. В статье рассматривается использование средств животного происхождения в карельской народной медицине в XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется функциям змеи в лечебной практике карел в сопоставлении с вепсами, финнами и русскими. Проводится всесторонний анализ функционирования змеи в этномедицине карел, которая включает в себя оберегательную магию и способы лечения болезней. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения функционирования представителей мира фауны в различных обрядах жизненного цикла, народной медицине одного из коренных малочисленных народов Республики Карелия – карел. Ранее подобные исследования на карельском материале не проводились, что определяет его научную новизну.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили средства животного происхождения (на примере змеи), используемые в карельской народной медицине, рассмотренные с применением сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного методов.

Результаты исследования и их обсуждение. При исследовании применения средств животного происхождения в народной медицине карел автором рассматриваются функционирование змеи в лечебных обрядах, мифологические представления о ней. Для сравнительного анализа привлекаются сведения об использовании этого представителя мира фауны как средства животного происхождения в этномедицине вепсов, финнов и русских, т. е. народов, с которыми у карел прослеживаются тесная связь и взаимовлияние как в культурном, так и в языковом аспекте.

Заключение. Средства животного происхождения занимали значительное место в карельской народной медицине. В представленном исследовании это впервые удалось проследить на примере змеи, выполнявшей противоречивые функции. С одной стороны, ее части использовались знахарями в качестве амулетов, а также «помощников» в магических ритуалах, с другой – она рассматривалась как воплощение зла и причина болезней. Сравнительно-сопоставительное исследование показало, что змея занимала важную нишу как средство животного происхождения в народной медицине не только карел, но и вепсов, финнов, а также русских.

Ключевые слова: народная медицина, традиции карел, средства животного происхождения, образ змеи, карельская мифология

Для цитирования: Пашкова Т. В. Образ змеи в карельской народной медицине // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 1. С. 59–66. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.59-66.

Введение

В богатом арсенале целительных средств у финно-угорских народов наиболее значимое место принадлежало средствам животного происхождения [2; 5; 6; 12]. В народной медицине карел также выделяются продукты животного происхождения, которым отводилась важная роль в лечении и магических обрядах [11; 15; 22].

Использование лечебных средств, изготовленных из животных и продукции их жизнедеятельности, определено как широким спектром их целительного воздействия на человека, так и некоторыми традиционными представлениями о

заболеваниях, например их олицетворением каким-нибудь животным. В данном случае способы, направленные на уничтожение недуга, предполагали использование средств животного происхождения [16, 75].

Обзор литературы

Теоретико-методологической базой исследования послужили работы этнографов, которые обращались к данной проблеме. Так, Р. Ф. Никольская и Ю. Ю. Сурхаско в статье «О карельской народной медицине: рациональное и “иррациональное” в традиционном враче-

ваний» рассматривают способы лечения болезней с помощью различных средств народной медицины, включая средства животного происхождения [11]. В монографии финляндского исследователя Ю. Пентикайнена “*Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus)*” («Религия Марины Такало (религиозно-антропологическое исследование)») описываются семейные обряды беломорских карел наряду с прочими проявлениями духовной культуры. Представленные в работе средства и методы лечения обусловлены особенностями климата, природным ландшафтом, хозяйственно-промысловой деятельностью, а также этнокультурными контактами жителей д. Оуланга. Эпизодично автор затрагивает мифологические представления карел о змее [22].

На вепском материале образ змеи в народной медицине исследует И. Ю. Винокурова¹, акцентируя внимание на символике змеи, ее использовании в лечебных обрядах и оберегательной магии, а также на вере вепсов в то, что она сама может являться источником различных заболеваний [1; 3; 4]. Стоит отметить, что на карельском материале к обозначенной проблеме еще никто не обращался.

Материалы и методы

В качестве лингвистических источников использовались словари карельского языка и образцы карельской речи². Сборники фольклорных текстов послужили источниками для сбора заговоров³.

При проведении исследования применялись сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы. С помощью сравнительно-исторического метода карельские народные представления о некоторых аспектах народной медицины и похоронно-поминальной обрядности рассматривались как в сравнении внутри этнолокальных групп карел, так и в сопоставлении с традициями других

прибалтийско-финских народов, а также русских. Сравнительно-сопоставительный метод был востребован при анализе языкового материала.

Результаты исследования и их обсуждение

Применение в лечебных обрядах средств животного происхождения в ряде случаев основано на принципе «подобное лечится подобным», когда для изгнания болезни используются реальные представители животного мира или средства животного происхождения. Архаическая концепция тождества человеческого и животного подкрепляется тем, что с одинаковыми частями человеческого и животного организмов связаны сходные представления. Это прослеживается в лечебной практике. Как отмечает Н. Е. Мазалова, «некоторые части человеческого тела и животных наделяются особой магической силой, им приписываются лечебные свойства» [10, 106].

Развитие народной медицины карел происходило с учетом особенностей растительного и животного мира Карелии. Животный мир составлял богатейший резерв лекарственных ресурсов, а средства и продукты животного происхождения занимали значительное место в народной медицине [7, 74–78]. Для лечения болезней карелы использовали кровь, мясо, молоко, шерсть, рога, желудок, половые железы, слюну, кожу, помет, жир и кости различных животных [8, 146].

Змея, как и некоторые другие представители мира фауны, например медведь [14], наделялась карелами противоречивыми функциями в народной медицине. С одной стороны, разные части змеи выступали в качестве оберегов и применялись в лечебных обрядах, с другой – она сама являлась «источником» заболеваний. Такие же функции змеи выделяются и у близко-

¹ См.: Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энцикл. Петрозаводск, 2015.

² См.: Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990; Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994; Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск, 2000; *Karjalan kielen sanakirja*. Helsinki, 1974–2005. Osat 2–6.

³ См.: Песенный фольклор кестеньских карел / подгот. и предисл. Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1989; Рода нашего напевы: избр. песни рунопевч. рода Перттуненов / сост. Э. С. Киуру, Н. А. Лавонен. Петрозаводск, 1985.

родственного карелам народа – вепсов [3, 153–177].

Вплоть до XIX в. обязательным атрибутом карельского знахаря был ритуальный пояс, в который зашивалась змея. Представления о змее в архаических верованиях многих народов связаны с потусторонним миром. Герой карело-финского эпоса «Калевала» Вяйнямейнен при посещении загробного мира выскользнул из сетей, преграждавших реку Туонела, приняв облик змеи. Считалось, что душа впадавшего в транс шамана, отделившись от тела, принимает облик змеи, и чем сильнее шаман, тем длиннее змея⁴. Кроме того, большое значение в религиозно-магических действиях карельских колдунов или знахарей имело умение использовать в качестве «помощников» части тела различных животных (змеи, медведя, белки-летяги), растения (рябину, ольху, зерна ячменя), предметы неживой природы (камень), огонь и воду. Обычно для этой цели изготавливались специальные амулеты. Набор таких амулетов, которым приписывались определенные магические свойства, у каждого колдуна был свой. Особенно часто в качестве магических амулетов применялись предметы животного происхождения – череп змеи, когти и зубы медведя, куски меха, щучьи зубы и др.⁵

В верованиях некоторых прибалтийско-финских народов болезни принимали зооморфный облик. Например, карелы и финны считали грыжу живым «кусающим» существом. Нередко ее представляли в виде змеи или червя, который грызет человеческие внутренности. В 1921 г. от информантов-карел Прионежского района (п. Шуя) были получены сведения, что

грыжа – это *purijan aluine* (‘букв.: настил кусающего’): «она живот вспучивает, опускается и подымается» [19, 145]. Эти данные напоминают воззрения русских, согласно которым грыжа вызывается живым существом, прогрызающим человеческое нутро и принимающим вид опухоли или нароста⁶. В верованиях славян зооморфным обликом болезни была змея или летающая утка со змеиной головой и хвостом.

Как представительница мира мертвых змея считалась носительницей различных болезней. Именно по этой причине карелы старались не называть ее основным наименованием *mado/mato* ‘змея’, а заменяли его эвфемизмами, особенно находясь в тех местах, где чаще всего можно было ее встретить: в поле, лесу, роще и др. В карельском языке насчитывается более 25 эвфемизмов, используемых для обозначения змеи: *juaveli* ‘руг., бран. черт, дьявол; мифол. злой дух, нечистая сила’, *kulkija* ‘ходок’⁷, *kulonaine* ‘засохшая прошлогодняя трава’⁸, *moanaine* ‘подземная’⁹, *paha* ‘плохой, дурной, нехороший’¹⁰, *pahalaine* ‘бес, дьявол, черт’¹¹, *pahačču* ‘бес, дьявол, черт’¹², *pitkänenä* ‘длинноногая’¹³, *pöppö* ‘бука’¹⁴, *toppa* ‘о змее, которая зимой живет в хлеву’ (ср. *muantoppa*, *läivätoppa* ‘невидимый хозяин хлева, которого люди представляли в образе змеи’) [20, 398–399; 21, 17], *viholaine* ‘злой, вражеский’¹⁵ и др.

Главной причиной заболеваний выступали укусы и возникающие после него осложнения. Названия укуса в диалектах карельского языка, при имеющихся локальных особенностях, являются сложными именами существительными, содержащими лексемы ‘змея’ и ‘укус/ужаление’: *mavon/n’okkavo* ‘букв.: змеи-

⁴ См.: Рода нашего напевы. С. 255.

⁵ См.: Сурхаско Ю. Ю. Карельские колдуны // Учащимся о религии и атеизме. Петрозаводск, 1989. С. 93–101.

⁶ См.: Усачева В. В. Грыжа // Славянские древности: этнолингвист. слов.: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 568.

⁷ Karjalan kielen sanakirja. Osa 2. S. 424.

⁸ Ibid. S. 427.

⁹ Ibid. Osa 3. S. 334.

¹⁰ Ibid. Osa 4. S. 91–93.

¹¹ Ibid. S. 94.

¹² Ibid. S. 96.

¹³ Ibid. Osa 5. S. 321.

¹⁴ Ibid. Osa 4. S. 603–604.

¹⁵ Ibid. Osa 6. S. 607.

ное ужаление'¹⁶, *mavon/n'okkoandu* 'букв.: змеиное ужаление'¹⁷, *mavon/n'okkuamu* 'букв.: змеиное ужаление'¹⁸, *mavon/pan-du* 'букв.: змеиный укус'¹⁹, *mavon/pane-ta* 'букв.: змеиный укус', *mavon/puromi* 'букв.: змеиный укус'²⁰.

Последствиями укуса змеи могли быть воспаление, опухоль или почернение конечности. Они фиксировались как тверскими карелами (г. Тверь): *jalga mavonpuromia puhaldu i mušten'i* 'змеей ужаленная нога опухла и почернела'²¹, так и ливвиковскими (д. Неккула, Рыпушкалица): *mavonn'okkavo on vihažu, puhaldau jallan* 'укус змеи болезненный, ногу раздувает'²². Данное явление в диалектах карельского языка имеет название *mavon/viha*, где компонент *viha* указывает на симптом «нагноение (опухоль) после укуса змеи» (подробнее о компоненте *viha* в карельских народных названиях болезней см.: [13]): *mavonviha mäni jalgah Omeljam brihaččuzel* 'у сына Омелия на ноге появилась опухоль после укуса змеи' (д. Суоярви); *mavonviha puhaldi käin* 'укус змеи руку раздул' (д. Неккула, Рыпушкалица)²³. С таким значением слова *viha* согласуются и данные словарей Э. Леннрота и М. Агриколы, где лексема упоминается в качестве синонима словосочетания «змеиный яд» [23, 710]. Другой причиной появления заболеваний от змеи считалось ее попадание внутрь человека различными способами. Подобные поверья бытовали как у карел, так и у вепсов. Их общими чертами является сюжет о том, что змея заползала в тело уснувшего человека через рот. В некоторых случаях отмечаются и одинаковые последствия этого: длительная изнурительная болезнь и даже смерть²⁴ [22, 243].

При лечении змеиных укусов совершались различные магические действия с

обязательным произнесением заговоров, в которых обращались к виновнице заболевания. Произнесение лечебного заговора совместно с ритуальными действиями у карел имело целью *ottua vihat* 'снять враждебную силу, зло, воспаление'. Карелы снимали зло от железа, дерева, земли, воды, огня, от укуса змеи [9, 133]. При этом в заговорных рунах часто излагались «первородные причины» возникновения болезни, поскольку, по народным представлениям, тот, кто знает «первопричину» явления, может его обезвредить и даже управлять им [11, 115].

Примечательно, что в текстах карельских заговоров от укуса змеи указывается змеиная расцветка: *mušta mado* 'черная змея', *kirjava mado* 'пестрая змея', *harmua mado* 'серая змея'. Такие же упоминания окраски характерны и для вепсских заговорных текстов. По мнению И. Ю. Винокуровой, обряд исцеления от змеиных укусов (слова заговора, предметы и даже действия) подбирался в зависимости от цветового вида змеи. Например, у вепсов слова заговора произносили на тряпку (черную, пеструю или серую), соответствующую по цвету окраске змеи [1, 200; 4]. В одном из людиковских заговорных текстов (д. Ялгуба) фигурирует синий цвет змеиной головы: *Кюи, кюи, те-дьян миня кюи колме югексат, кюи емягеш, кюи ня укконни, сини ня емягеш...* 'Змея, змея, знаю я, змея, три девятка (заговоров): змея – твоя мать, главный змей – твой отец, синеголовая (змея) – твоя мать'²⁵.

Чтение заговоров происходило на воду, подсолнечное масло, камень, землю. Карелы п. Кестеньга заговаривали на подсолнечное масло: *Mato mušta, muanali, toukka tuomen karvallini läpi mättähien mänijä, puun juurien pujottelija...* *Kešät venyit hevosen kusissa, talvet tamman šillan alla,*

¹⁶ Karjalan kielen sanakirja. Osa 3. S. 500.

¹⁷ Ibid. S. 285.

¹⁸ Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki, 1950. S. 185.

¹⁹ Karjalan kielen sanakirja. Osa 3. S. 285.

²⁰ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). С. 203.

²¹ Словарь карельского языка (тверские говоры). С. 157.

²² Karjalan kielen sanakirja. Osa 3. S. 285.

²³ Ibid. Osa 4. S. 285; Osa 6. S. 600.

²⁴ См.: Винокурова И. Ю. Мифология вепсов. С. 266.

²⁵ Баранцев А. П. Людиковские заговоры начала XVII века: тексты, чтение // Советское финно-угроведение. 1987. № 4. С. 247.

alla alahaisen aijakšen ‘Змея черная, подземельная, личинка цвета черемухи, сквозь кочки проходящая, корни деревьев обвивавшая... лето (ты) пролежала в лошадиной моче, зиму – под пологом у кобылы, под нижней жердью изгороди’. Затем давали больному выпить масло (как вариант, воду) или землей мазали место укуса²⁶. После заговора воспаление от укуса змеи спадало: *mavovvihatt puhuhuu laivenoo*²⁷.

Часто в лечебных обрядах, связанных с лечением укуса змеи, фигурирует камень. Например, по представлениям тунгудских карел, если змея укусила в ногу, надо быстро встать на камень, тогда змея лопнет, а нога сразу пройдет²⁸. Карелы Петрозаводского уезда вставляли обязательно на ближайший камень и произносили: «Чур меня! Моя вода, моя земля, мой и камень!» [17, 674]. У северных вепсов тоже исполнялся лечебный обряд с использованием камня: пострадавший прыгал на камень со словами: «Камень пусть идет в камень, а камень пусть идет в воду. Аминь, аминь, аминь!»²⁹ Вставание на камень в данном случае может быть объяснено тем, что камню в силу его неподвижности приписывалось свойство останавливать болезнь. Это подтверждается и частым упоминанием камня в лечебных заговорах³⁰. Однако, на наш взгляд, есть и другое объяснение обряда. В мифологических представлениях финнов и карел небольшие продолговатые приплюснутые камни (фин., кар. *kärjäkivi*) получили такую форму из-за того, что их обглаживала змея. Найти подобный камень считалось большой удачей, поскольку он помогал от всех болезней и обладал силой оберега. Беломорские карелы верили, что *äärmeen suusta saatu kivi on hyvä kaikilla tauteja ja kiroja vastaan* ‘полученный из пасти змеи камень хорошо помогает от всех болезней и против проклятия’. Финны отмечали лечебное действие такого

камня при ломоте, поэтому им надавливали на больные места [18, 210].

В верованиях карел, вепсов и финнов некоторые части змеи обладали целительной силой. В карельской народной медицине удалось зафиксировать использование только змеиной крови и кожи. Северные карелы (д. Аконлахти) обвязывали змеиной кожей место собачьего укуса³¹. Ливвиковские карелы (д. Сямозеро) кровью змеи смазывали рану после ее укуса³². Целебными свойствами наделялись предметы, орудия труда и части тела человека, которые соприкасались со змеей. Известно, что хождение по спине больного радикулитом являлось своеобразным массажем для избавления от этого недуга. Жители д. Эссоила верили, что больную спину должен «помассировать» именно тот человек, который только что ногой убил змею. При образовании рожистого воспаления на груди кормящей женщины действенным средством считалось надавливание на больное место топором, которым убили змею [18, 107]. По представлениям ливвиковских карел, *mavon tapat, ga nel' l'ikyten riähkiä pros' i'heze* ‘убьешь змею – искупишь сорок грехов»³³.

Заключение

Таким образом, в народной медицине карел значительное место занимали средства животного происхождения. В данном исследовании это впервые удалось проследить на примере змеи, функции которой имели противоречивый характер. С одной стороны, части змеи использовались знахарями в качестве амулетов, а также «помощников» в магических ритуалах. Змеиная кожа и кровь наделялись целительной силой при лечении собачьего укуса и рожистого воспаления. Кроме того, целебными считались орудия труда, части тела человека, которые соприкасались со змеей во время ее уничтожения. Особой силой на-

²⁶ См.: Песенный фольклор кестеньгских карел. С. 138.

²⁷ Karjalan kielen sanakirja. Osa 3. S. 286.

²⁸ См.: Степанова А. С. Указ. соч. С. 294–295.

²⁹ Винокурова И. Ю. Мифология вепсов. С. 266.

³⁰ Левкиевская Е. Е., Толстая С. М. Камень // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 449.

³¹ См.: Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki, 1958. S. 142.

³² См.: Karjalan kielen sanakirja. Osa 3. S. 286.

³³ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). С. 225.

делялся небольшой продолговатый камень, который, согласно верованиям карел, получал такую форму вследствие обгладывания змеей. С другой стороны, змея воспринималась как воплощение зла и причина болезней. Лечение основывалось на произнесении «противозмеиных» заговоров, в которых происходило упоминание мест обитания змей, их цветового разнообразия.

Сравнительно-сопоставительное исследование показало, что в народной медицине не только карел, но и вепсов, финнов, а также русских змея занимала важную нишу как средство животного происхождения.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

кар. – карельский язык
фин. – финский язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Вепские заговоры от змей как источник для реконструкции мифологических представлений // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества: сб. науч. тр. по итогам междунар. конф., посвящ. 40-летию Шелтозер. вепс. этногр. музея. Петрозаводск, 2008. С. 196–205.
2. Винокурова И. Ю. Вепсы. Народная медицина // Народы Карелии: ист.-этногр. очерки. Петрозаводск, 2019. С. 478–490.
3. Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов: (опыт реконструкции). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 448 с.
4. Винокурова И. Ю. Символика змей в вепских заговорах // Традиционная культура: науч. альм. 2006. № 2 (22). С. 30–43.
5. Зайцева Е. Н. Народная медицина удмуртов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2004. 25 с.
6. Иванова Г. И., Попов Н. С. Народная медицина // Марийцы: ист.-этногр. очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 237–243.
7. Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия, 1983. 288 с.
8. Карельская АССР: Природа, хозяйство. Петрозаводск: Карелия, 1986. 279 с.
9. Лавонен Н. А. Заговоры в кругу религиозно-магических представлений карел (по материалам экспедиций 1975–1984 гг.) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 130–139.
10. Мазалова Н. Е. Народная медицина в современной севернорусской деревне // Этнографическая наука и этнокультурные процессы: Способы взаимодействия: сб. ст. СПб., 1993. С. 99–112.
11. Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 103–121.
12. Никонова Л. И. Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения. Рузаевка: б. и., 2000. 156 с.
13. Пашкова Т. Компонент *viha* в карельских народных названиях болезней // *Linguistica Uralica*. 2019. Vol. 55, no. 1. P. 22–25.
14. Пашкова Т. В. Рациональные и иррациональные способы лечения заболеваний у карелов с применением средств животного происхождения (на примере медведя) // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2018. № 4 (61). С. 62–66.
15. Пашкова Т. В. Средства животного происхождения в карельской народной медицине // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 3. С. 140–145.
16. Семенов М. В. Использование средств и продуктов животного происхождения в народной медицине кубанских казаков // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2002 год. Дикаревские чтения (9). Краснодар, 2003. С. 75–90.
17. Суеверия и предрассудки в простом народе // Олонекские губернские ведомости. 1885. № 76. С. 673–674.
18. *Kansanomaisen lääkintätietous / toim.* M. Nako. Helsinki: SKS, 1957. 255 s.
19. *Manninen I. Kansanomaisen tautiopin alalta* // *Kalevalaseuran vuosikirja*. 1933. No. 13. S. 141–152.
20. *Nirvi R. E. Eräistä likaa ja rikkaa merkitsevien sanojen käyttötavoista* // *Virttäjä*. 1950. No. 54. S. 398–424.
21. *Nirvi R. E. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmiöitä itämerensuomalaisissa kielissä riista- ja kotieläintalous*. Helsinki: SKST, 1944. 343 s.
22. *Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus)*. Helsinki: SKST, 1971. 388 s.
23. *Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri*. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1975. s. 776

Поступила 27.11.2020; одобрена 15.12.2020; принята 20.12.2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Т. В. Пашкова – доктор исторических наук, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета, tvpashkova05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>

Image of a snake in Karelian folk medicine

Tatyana V. Pashkova

Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia

Introduction. The article considers the use of animal products in Karelian folk medicine in the XIX – early XX centuries. Special attention is paid to the functions of a snake in the medical practice of Karelians in comparison with Veps, Finns and Russians. The author refers to a comprehensive analysis of the functioning of snakes in the ethnomedicine of the Karelians, which includes conservation magic, and the methods of treating diseases. The relevance of the study is defined by the need to study the functioning of representatives of the fauna world in various rites of life cycle, folk medicine of one of the indigenous small peoples of the Republic of Karelia – Karelians. Previously such studies have not been carried out on Karelian material, which determines its novelty.

Materials and Methods. The material for the study was animal products (on the example of snakes) used in Karelian folk medicine, examined using comparative historical and comparative methods.

Results and Discussion. The author focuses on the use of means of animal origin in folk medicine of the Karelians, the functioning of the snake in medical rites, mythological ideas about snakes. For comparative analysis, information is attracted on the use of snakes as a means of animal origin in the ethnomedicine of Veps, Finns and Russians, the peoples that the Karelians have a close connection with and mutual influence both in cultural and linguistic aspects.

Conclusion. Animal products took a significant place in Karelian folk medicine. In the study, this was first traced on the example of a snake, which functions are contradictory. On the one hand, parts of the snake were used by healers as amulets, and “assistants” in magical rituals, on the other hand, it was seen as the embodiment of evil and the cause of disease. A comparative study showed that snakes took an important part as a means of animal origin not only in folk medicine of Karelians, but also of Veps, Finns, as well as Russians.

Keywords: folk medicine, the traditions of Karelians, agents of animal origin, the image of a snake, Karelian mythology

For citation: Pashkova TV. Image of snake in Karelian folk medicine. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;1:59–66. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.59-66.

REFERENCES

1. Vinokurova IYu. Vepsian conspiracies from snakes as a source for the reconstruction of mythological ideas. *Istoriko-kul'turnoe nasledie vepsov i rol' muzeia v zhizni mestnogo soobshchestva: sb. nauch. tr.* = Historical and cultural heritage of the Vepsians and the role of the museum in the life of the local community. Collection of scientific papers. Petrozavodsk; 2008:196–205. (In Russ.)
2. Vinokurova IYu. Veps's. Folk medicin. *Narody Karelii: ist.-etnogr. ocherki* = Peoples of Karelia. Historical and ethnographic essays. Petrozavodsk; 2019:478–490. (In Russ.)
3. Vinokurova IYu. Animals in the traditional worldview of the Vepsians. Petrozavodsk; 2006. (In Russ.)
4. Vinokurova IYu. Symbolism of the snake in the Vepsian conspiracies. *Traditsionnaia kul'tura: nauch. al'm.* = Traditional culture. Scientific almanac. 2006;2(22):30–43. (In Russ.)
5. Zaytseva YeN. Folk medicine of the Udmurts. Abstract of dis. ... Cand. of Hist. Sci. Izhevsk; 2004. (In Russ.)
6. Ivanova GI, Popov NS. Folk medicine. *Mariitsy: ist.-etnogr. ocherki* = Mari. Historical and ethnographic essays. Yoshkar-Ola; 2005: 237–243. (In Russ.)
7. Karelian Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic. Petrozavodsk; 1983. (In Russ.)
8. Karelian ASSR: Nature, economy. Petrozavodsk; 1986. (In Russ.)
9. Lavonen NA. Conspiracies in the circle of religious and magical representations of the Karelians (based on the materials of the expeditions of 1975–1984). *Obriady i verovaniia narodov Karelii* = Rituals and beliefs of the peoples of Karelia. Petrozavodsk; 1988:130–139. (In Russ.)
10. Mazalova NYe. Folk medicine in the modern North Russian village. *Etnograficheskaiia nauka i etnokul'turnye protsessy: Sposoby vzaimodeistviia: sb. st.* = Ethnographic science and ethnocultural processes. Methods of interaction. Collection of articles. Saint Petersburg; 1993:99–112. (In Russ.)

11. Nikol'skaya RF, Surkhasko YuYu. About Karelian folk medicine: rational and irrational in traditional medicine. *Obriady i verovaniia narodov Karelii* = Rituals and beliefs of the peoples of Karelia. Petrozavodsk; 1994:103–121. (In Russ.)
12. Nikonova LI. Traditional medicine of the Turkic peoples of the Volga and Ural regions as part of their life support system. Saransk; 2000. (In Russ.)
13. Pashkova TV. The component *viha* in Karelian folk terms for illnesses. *Linguistica Uralica*. 2019;55;1:22–25. (In Russ.)
14. Pashkova TV. Rational and irrational methods of treating diseases in Karelians using means of animal origin (for example, a bear). *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina* = Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin. 2018;4(61):62–66. (In Russ.)
15. Pashkova TV. Means of animal origin in the Karelian traditional. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = Humanities and education. 2016;3:140–145. (In Russ.)
16. Sementsov MV. Use of means and products of animal origin in folk medicine of the Kuban Cossacks. *Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniy etnicheskikh kul'tur Severnogo Kavkaza za 2002 god. Dikarevskie chteniia* = Results of folklore and ethnographic research of ethnic cultures of the North Caucasus in 2002. Dikarev's readings. Krasnodar; 2003:9:75–90. (In Russ.)
17. Superstitions and prejudices among the common people. *Olonetskie gubernskie vedomosti* = Olonets provincial news. 1885;76:673–674. (In Russ.)
18. Hako M. Kansanomaisen lääkitätietous. Helsinki; 1957.
19. Manninen I. Kansanomaisen tautiopin alalta. *Kalevalaseuran vuosikirja*. Porvoo; Helsinki; 1933;13:141–152.
20. Nirvi RE. Eräistä likaa ja rikkaa merkittävien sanojen käyttötavoista. *Virittäjä*. 1950;54:398–424.
21. Nirvi RE. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmiöitä itämerensuomalaisissa kielissä riista- ja kotieläintalous. Helsinki; 1944.
22. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto (uskontoantropologinen tutkimus). Helsinki; 1971.
23. Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki; 1975.

Submitted 27.11.2020; reviewing 15.12.2020; accepted 20.12.2020.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

T. V. Pashkova – Doctor of History, Head of the Department of Baltic-Finnish Philology, Petrozavodsk State University, typashkova05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>

Повседневные культурные практики уральских мари

Анна Валерьевна Березина

*Уральский государственный лесотехнический университет,
Екатеринбург, Россия*

Введение. Изучение повседневных культурных практик уральских мари, проживающих в сельской местности, может не только дополнить, но и изменить наши взгляды на особенности их культуры, перспективы ее развития, устойчивость к этнокультурным трансформациям. Повседневность бытия мари раскрывает загадки их природоориентированного мировосприятия, что особенно актуально в современном мире экологических катастроф.

Материалы и методы. В работе использовались междисциплинарные методы исследования, принципы сравнительного и системно-структурного анализа, а также социологические методы: наблюдение, глубинный опрос, сравнительный анализ, интервьюирование.

Результаты исследования и их обсуждение. Отличительные черты этнокультуры уральских мари, сформировавшиеся под влиянием регионального фактора, фиксируются не только в марийском диалекте, национальной одежде, но и в повседневных практиках. В их числе – уклад хозяйственной деятельности, подбор домашней утвари, отношения между мужчиной и женщиной, между поколениями. На формирование повседневных практик оказала влияние народная религиозность, тесно связанная с мифологическим мышлением. Вера в духов, сопровождающая повседневное бытие человека, трансформируясь согласно новым бытовым практикам, до сих пор сохраняется в обыденной жизни этноса. Автором приводятся данные глубинных опросов и интервьюирования мари, проживающих в ряде районов Свердловской области и Пермского края, а также анализируются примеры из литературных источников.

Заключение. Трансформация культуры уральских мари является ответом на научно-технический прогресс, глобализационные перемены и носит экстероцептивный характер при сохраняющемся аксиологическом основании. Дальнейшее исследование повседневных культурных практик уральских мари, проживающих в сельской местности, позволит дать прогноз развития их этнокультуры и указать на критические аспекты трансформации.

Ключевые слова: мари, этнокультура, народная религиозность, повседневные практики, мифологическое мышление

Для цитирования: Березина А. В. Повседневные культурные практики уральских мари // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 1. С. 67–78. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.67-78.

Введение

При изучении той или иной этнокультуры необходимо обратиться к исследованию повседневной жизни этноса, так как ее элементы, например архитектура хозяйственных построек, домов, организация дворового пространства, убранство дома, не только обеспечивают жизнедеятельность человека в тех или иных географических условиях, но и передают особенности духовной жизни этноса, его внутренней культуры. Культурная идентичность наиболее последовательно проявляется в обладании свойственным определенному этносу миром вещей, в

умении пользоваться ими, обнаруживается в народной религиозности.

Изучение повседневных культурных практик уральских мари, проживающих в сельской местности, может не только дополнить, но и изменить наши взгляды на отличительные черты их культуры, перспективы ее развития, устойчивость к этнокультурным трансформациям. Нам представляется ошибочным отождествлять народную религиозность мари с их политеизмом. Если марийский политеизм организует социальную жизнь, задает духовную направленность деятельности лю-

дей, структурирует их жизненные устремления согласно устоявшимся ценностным доминантам, то народная религиозность связана с миром повседневной жизни, где понятия добра и зла часто меняются местами в зависимости от эмоционального, психологического состояния индивида. Зключения, сделанные на основании мифологического мировосприятия, не имеют логики, причинно-следственные связи основаны на принципах сопоставления. Через мифотворчество повседневное восприятие человека находит успокоение в таком роде цикличного движения, которое не приводит к возникновению нового неизвестного качества.

Повседневность бытия мари раскрывает загадки их природоориентированного мировосприятия, что особенно актуально в современном мире экологических катастроф.

Обзор литературы

При исследовании связи народной религиозности и повседневных практик мы опирались на положения М. Вебера о том, что народная религиозность тесно переплетается с мифологическим мышлением, символизмом и возможностью проводить многочисленные аналогии.

Среди работ современных зарубежных авторов особого упоминания заслуживают исследования А. А. Бергера, который, продолжая идеи М. Вебера, показывает выражение этничности в таких явлениях повседневности, как свидания, реклама, шутки, через использование языка, мифов, сказок и объектов материальной культуры. Уделяя особое внимание мифу, он демонстрирует воздействие мифа на множество различных аспектов нашей жизни, даже если мы этого не осознаем [12; 13].

Зарубежные авторы проявляют немалый интерес к развитию эмоциональной сферы бытия этноса. Так, Б. Мескита с соавторами характеризуют эмоциональный опыт с историко-культурологических позиций, считая, что эмоции имеют целенаправленный характер, помогая человеку идти по направлению идеалов своей культуры, т. е. соответствовать тем или иным культурным нормам [18].

К. Шик отмечает, что эмоции, формирующиеся в повседневности, влияют как на профессиональную, так и на политическую деятельность [19]. Д. Саутертон также обращается к исследованиям эмоциональной сферы жизнедеятельности, предлагая взглянуть на временную организацию повседневной жизни по-новому и ставя вопрос о жизнеспособности «более медленных» форм повседневного бытия [20]. Й. Лааксо при рассмотрении повседневности акцентирует внимание на исчезновении языковых кодов культуры в языках народов уральской группы [16].

Р. А. Шведер и Р. А. Левин представляют связь между повседневностью и культурой в виде комплекса идей, ценностей и символических кодов, раскрывают роль символов и значений в развитии личности и эмоций [14].

А. Лудтке, обосновывая применение методов исследования, объясняющих трансформацию культурных ценностей, подчеркивает, что понимание повседневного бытия невозможно без его изучения в исторической ретроспективе народного опыта [17].

Х. Холмс использует объектное интервьюирование. При этом он делает акцент на том, как объекты структурируют нашу повседневную жизнь, какое значение приобретают для своих владельцев. По его мнению, изучая «биографию» предмета, можно дать анализ степени трансформации этнокультуры [15].

В числе российских авторов, занимающихся исследованием проблем современного мифотворчества, назовем Е. В. Иванову. Она утверждает, что мифотворчеству присущи «качественная трансформация старых парадигм, осуществление на всех уровнях иерархии бытия, самосохранение (а не просто метафизическое отрицание) основных структур бытия, создание вещей, никогда ранее не существовавших» [2, 27].

К анализу визуальных образов народной религиозности обращался А. А. Мурзин [5]. Е. Г. Трубина и Л. Саид, используя понятие «живой религии», фиксируют влияние религиозности, проявленной на

повседневном уровне, на менталитет этноса [8].

И. В. Цуканова, опираясь на мнение А. Я. Гуревича, полагает, что миф, являющийся «смыслообразующей и формообразующей основой мирозерцания человека» прошлой эпохи, не только «остается содержанием человеческого сознания и в позднейшие времена», но и «творится заново» [9].

В работах Д. А. Байдимирова, Л. Н. Мазур, Э. В. Никитиной, Г. Е. Шкалиной, исследовавших культуру мари, отмечается, что этот народ верил в чудесную силу не только мира природы, но и мира обыденных вещей, так как наделял их сакральным смыслом, являющим собой предметную сторону народной религиозности. Например, Э. В. Никитина подчеркивает, что такие особенности этнорелигиозного мировоззрения присущи всем мари. Каждый из них в своем жилище должен вести себя достойно: бережно хранить семейные традиции, обряды и обычаи, язык предков, соблюдать порядок и культуру поведения¹.

Д. А. Байдимиров признает уникальность «пространственно-временного континуума» культуры повседневности мари, содержание которого постепенно меняется, сохраняя «сущностное ядро» мировосприятия. Основу духовной культуры мари по-прежнему составляет национальная религия, главные принципы которой – внести утверждение ценности жизни как таковой, сохранение основ этнического менталитета и этнической культуры. При этом под влиянием глобализационных процессов и культуры потребления хозяйственно-бытовые устои сельской семьи мари как стержень этнической культуры трансформируются в сторону упрощения и стандартизации².

По замечанию Л. Н. Мазур, мари из всех этнических групп оказались самыми способными к сохранению национальных устоев в процессе современных социальных изменений [4, 8].

Г. Е. Шкалина обращает внимание на традиционные праздники, обычаи и обряды мари, в которых воплощаются любовь народа к родной земле, природе и родному дому, модели поведения в семье, природной среде и социуме и которые направлены на гармонизацию отношений между людьми, между человеком и природой [10, 118].

А. В. Головнев, описывая культуру уральских мари, обращается к истории их появления на Урале и связывает ее с результатом раскола мари на горных, ставших союзниками Москвы, и луговых, искавших союза у тюркских народов [1].

В основу анализа повседневных культурных практик мари была положена методология исследований Н. И. Костомарова [3] и И. П. Поляковой [7].

Материалы и методы

С опорой на литературные источники в работе были использованы междисциплинарные методы исследования, принципы сравнительного и системно-структурного подхода, а также такие социологические методы, как наблюдение, глубинный опрос, сравнительный анализ, интервьюирование.

Автором приводятся данные глубинных опросов и интервьюирования мари, проживающих в Артинском, Ачитском и Красноуфимском районах Свердловской области, Суксунском районе Пермского края.

Результаты исследования и их обсуждение

Уникальность и специфичность культуры уральских мари до начала XX в. отмечены в исследовании С. С. Новикова [6]. Такое положение сохранялось до второй половины XX в.³ В наши дни характерные черты их повседневной культуры трудно выявить, тем более что уральские мари проживают в окружении русских и татарских поселений, их быт и традиции

¹ См.: Никитина Э. В. Этноменталитет марицев // Национальные менталитеты: сайт. URL: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/povolzhe/etnomentalitet_marijcev_e_v_nikitina/ (дата обращения: 02.13.2017).

² См.: Байдимиров Д. А. Культура повседневности народа мари: историко-культурологический анализ: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2012. С. 7.

³ См.: Никитина Э. В. Указ. соч.

давно переплелись и, на первый взгляд, ничем не отличаются. Тем не менее проведенные исследования дают основания полагать, что глубоко пустившая свои корни народная религиозность (языческие верования, сохранившиеся с древности) стала сдерживающим фактором трансформации и изменения традиционной жизни уральских мари. Благодаря ремифологизации мифология мари тесно связывает жизнь индивида как с современностью, так и с прошлым и будущим, воспитывает ответственность за сохранение своей культуры и передачу ее следующему поколению не только перед потомками, но и перед предками. Поэтому изучение этнокультурных практик мари остается актуальным не только в силу интереса, но и в прогностическом смысле.

Охарактеризуем отличительные черты повседневной жизни мари Урала с точки зрения их смысло-жизненных ценностей. По рассказу респондента З. И., мари в отличие от татар и русских, садясь за стол, ничего не говорят, а после окончания трапезы благодарят Воду и Землю⁴. Вообще, умение благодарить окружающий мир везде и всегда вошло в привычку многих мари: собрал ягоды – скажи спасибо поляне, где собирал; сделал покупки в магазине – поблагодари не только продавца, но и саму возможность осуществления этих покупок. Умение быть благодарным создает внутреннее ощущение удовлетворения, психологического равновесия. Оно очень близко умению чувствовать себя счастливым – ощущать гармонию с внешним миром. В данном случае опыт, обыденность, здравый смысл, образ жизни представляются понятиями, непосредственно относящимися к культуре повседневности.

Мари Урала имеют свой недельный «трудовой уклад». Понедельник и вторник посвящены работе с землей, ежедневному уходу за скотиной, сбору ягод и трав, рыбалке. Среди мари называют «крававым» днем⁵. Есть предположение, что именно

этот день был благоприятен для жертвоприношений в древних культурах финно-угров⁶. Разрешаются лишь необходимые работы со скотиной. В четверг можно продолжить хозяйственные дела и уборку дома. Пятница посвящена гостям. В этот день принято навещать знакомых и друзей, а также принимать их у себя дома, вести душевные беседы. В субботу – уборка дома, дворовые работы, баня. Вечером ставят тесто для пирогов, готовятся встречать родных и близких. Воскресенье считается семейным днем. Вся семья собирается в доме, обязательно подаются пироги, домашние заготовки. Данный пример наглядно показывает переход опыта повседневной жизни в некий народный этикет бытовой культуры.

Народные традиции не только формируют календарную, семейную, трудовую и даже коммуникативную деятельность, но и осознанно определяют их ценностную значимость. При анализе явления повседневности ставший традиционным для исследователей принцип противопоставления обыденного и особенного сделал привычным разделение повседневной и праздничной деятельности. На наш взгляд, эта установка не вполне характерна для марийской повседневной культуры, так как вся обыденная деятельность мари была тесным образом связана со стремлением к определенному результату.

Праздник являлся знаковым моментом, символизирующим достижение цели, на что и был направлен повседневный труд. Например, ежегодно мари Урала отмечают завершение посевных работ задорным праздником *Ага-Пайрем* («Праздник борозды»), подготовка к которому наполняет смыслом весь их повседневный труд даже в XXI в. К очередному празднику они готовят национальный марийский напиток, угощения, женщины обновляют наряды.

Огромную роль в формировании этнокультурной идентичности уральских мари

⁴ Полевой материал автора: Свердловская область, Артинский городской округ, с. Курки (далее – ПМА).

⁵ Там же.

⁶ См.: Караимы. «хан-кюнь», «кьанкун» или «кан-кюнь» = «среда» // LiveJournal. URL: <https://mikhti.livejournal.com/18105.html> (дата обращения: 12.10.2017).

играют общемарийские праздники и фестивали. Если раньше на Урале *Пеледыш пайрем* («Праздник цветов») не отмечался, то теперь задолго до его начала готовятся делегации из сельских домов культуры для выезда в Марий-Эл и участия в общемарийском фестивале. Таким образом данный праздник «стал новой формой коммуникации марийского народа как в сельской местности, так и в городском пространстве» [11, 458].

Как показывают наблюдения, повседневная жизнь конструируется не только по образцам, заданным высокой культурой, но и под влиянием массовой культуры, изменений в способе производства, автоматизации бытовой жизни. Именно исследование повседневности позволяет понять логику обретения представителями того или иного этноса своего места в различных ситуациях и взаимоотношениях. Например, уральский мари, покупая пластиковые цветные ведра в магазине, не возьмет одно ведро – всегда не меньше двух в разной цветовой гамме. Это объясняется желанием соблюдать гармонию и красочное разнообразие в хозяйственной деятельности: «Всему нужна своя пара, а паре необходимо различие». Как следует из интервью с респондентом И. А., молодая пара уральских мари, отыграв свадьбу в первый день по общеевропейскому стандарту, на второй день обязательно наденет национальные костюмы и проведет все обряды по этническим традициям, обратившись за покровительством к духам земли, воды и огня, испросив поддержку у мертвых родственников⁷.

Российская культура конца XX – начала XXI в. из-за социально-экономической неопределенности в стране дала новый толчок развитию магии и ремифологизации. В быту большое значение приобретают тайные обереговые практики. Например, в современном доме мари Урала обязательно есть «заговоренный мак», который перед приходом чужих раскидывают по углам, во дворе, в огороде и т. д.

Праздничные события, торжественные мероприятия, религиозные сборы всегда сопровождаются гендерным разделением, причиной которого является признание значимости семейных ценностей. Такое разделение в обществе традиционно «обеспечивает» сохранность семейных отношений, не создает причин для ревности и дурных мыслей.

У мари и сегодня существуют практики общения с потусторонним миром через ушедших в загробный мир и принадлежавшие им вещи. Согласно древнему поверью, мыло и мочалку, использовавшиеся при омовении покойника, выбрасывать нельзя, а следует передать их женщине, имя мужа которой совпадает с именем умершего. Если муж (тезка покойного) будет умываться или мыть руки этим мылом, то он никогда не сможет ни обидеть свою жену, ни поднять на нее руку. Большой силой обладает одежда, которая была на человеке в момент смерти. Ее никогда не выбрасывают, не дарят, а оставляют дома в качестве оберега. Надевший ее становится непобедимым в драке, споре, к нему не «прилипает» порча. Только спустя год после смерти разрешается сложить одежду покойного в ведро и закопать рядом с местом его захоронения.

Как показало глубинное интервью с респондентом Н. И., особое внимание уделяется магической силе воды. Вода может принести как несчастье, так и удачу. Поэтому важно, когда идешь к реке за водой или купаться, прежде всего бросить монетку или конфетку, испросить разрешения и поблагодарить воду, и лишь потом ею пользоваться⁸. Запрещается купаться с распущенными волосами – вода может принять человека за своего и утянуть на дно: *Вудышко шала ўп дене нураш ок йӱро – Вуд Ия вудышко шупшылеш*. Не следует перегибаться через кромку колодца – Водяной может утащить: *Нӱрешыш чот кумык лийын ончаш ок йӱро – осал*

⁷ ПМА: Свердловская область, Ачитский городской округ, д. Верхний Потам.

⁸ ПМА: Свердловская область, Ачитский городской округ, д. Марийские Карши.

вий (Ия) шупшыле. Нельзя плевать в воду. Если, подъезжая к неизвестной, «чужой», реке, проявишь к ней неуважение словами «Ух ты, какая глубокая, трудная», можешь заболеть и умереть⁹.

Марийский политеизм организует социальную жизнь, задает духовную направленность деятельности людей, структурирует их жизненные устремления согласно устоявшимся ценностным доминантам. Народная религиозность связана с миром повседневной жизни, где понятия добра и зла часто меняются местами в зависимости от эмоционального, психологического состояния индивида.

Любопытна живучесть такого жанра народной культуры мари, как приметы. Так, обрызганное водой при умывании платье предсказывает девушке пьющего мужа.

Уральские марийки верят, что обидчика можно наказать, если пойти к реке и произвести над ней заклинание, расчесывая при этом волосы так, чтобы выпавшие падали в реку. Чтобы день прошел хорошо, умываясь, нужно три раза ополоснуть лицо ладонями, а затем, смыв всю негативную энергию, уже тыльной стороной ладоней побрызгать на лицо три раза с просьбой: “*Вүд Ава тазалыкым пу*” («Мать воды, дай здоровье!»).

В повседневной культуре мари Урала наблюдаются особенности трансформации под воздействием региональных условий. Наиболее отчетливыми они становятся при сравнительном анализе с культурой этого же этноса, проживающего в другом регионе. Например, обычай резки хлеба у уральских мари не позволяет дорезать хлеб на куски до конца. Буханка должна как бы раскрыться веером. Считается, что такая ежедневная практика сохраняет в семье силы, служит ее единению. Разделенные куски хлеба символизируют разделенную семью.

Сравнивая луговых мари и мари Урала, можно найти много общего. Народ мари повсеместно известен своим гармо-

ничным с природой существованием, согласованным с культурно-хозяйственным укладом жизни, который олицетворяет единство человека и природы.

Как у уральских, так и у луговых мари на современном этапе приоритетными являются семейные ценности, разительно отличающиеся от семейных ценностей окружающих их народов. В частности, для марийских женщин главное – воспитание детей и содействие в делах мужу, а не карьера. Смертным грехом считается нарушение согласия в чужой семье. Четко прослеживается гендерное разделение труда. Мужчины относятся к женщинам с уважением, женский труд в семье высоко ценится. Замужняя женщина никогда не появится в смешанных (мужчины и женщины) компаниях без мужа. Считается неприличным находиться одной женщине в мужском обществе независимо от ситуации. В ходе сельскохозяйственных работ женщины и мужчины работают отдельно, так же они группируются во время сельских сходов (но жена садится с мужем).

Праздничные события, торжественные мероприятия, религиозные сборы всегда сопровождаются гендерным разделением, причиной которого, на наш взгляд, является признание значимости семейных ценностей. Такое разделение в обществе традиционно «обеспечивает» сохранность семейных отношений, не создает причин для ревности и дурных мыслей. До сих пор у уральских мари развод не воспринимается как что-то обычное, он всегда осуждается, если не прямо, то косвенно.

Разведенным и одиноким женщинам по традиции вековой давности достается наиболее тяжелая и иногда даже неоплачиваемая работа. Согласно воспоминаниям, представленным в глубинном интервью с информантом Т. А. (94 года, была разведена еще в довоенные годы), ей давали самую тяжелую работу: отправляли на сплав бревен, заставляли валить деревья и т. д., причем такое отношение было ко всем женщинам (даже с детьми), оставшимся по разным причинам без мужей¹⁰.

⁹ ПМА: Свердловская область, Артинский городской округ, с. Курки.

¹⁰ ПМА: там же.

В настоящее время с увеличением числа вдов, разведенных, матерей-одиночек отношение к ним постепенно меняется. Оно переходит от явного общественного неприятия в скрытую форму осуждения на личностном уровне. Таких женщин не приглашают в семьи, где есть муж, с ними не ведут общих дел. Наблюдения свидетельствуют, что незамужние, разведенные женщины стараются держаться обособленно, помогая друг другу.

Объяснение такого положения вещей можно увидеть в том, что взаимоотношения в семье, как считают мари, зависят от женщины: от ее характера, навыков хозяйственной деятельности, умения правильно привлечь на помощь силы природы и духов, вести свои повседневные практики в согласии со значением каждого действия. Обыденные действия в связи с религиозной настроенностью в доме мари Урала приобретают глубокий смысл.

Многие повседневные практики употребления еды у мари Урала играют роль ритуалов, корнями уходящих в древние традиции, связанные, вероятно, с периодами голодных лет. Например, хлеб режут стоя, куски не раскладывают, буханку не прорезают до конца. Берущему очередной кусок приходится отламывать его от корочки. Хлеб как наиболее важная еда в доме символизирует силу семьи, не до конца отрезанные куски обозначают связь и дружбу членов семьи (отрежешь – семья будет недружная, связи с сестрами и братьями потеряются). Прятать хлеб в доме нельзя даже на ночь. Убирая все продукты со стола, хлеб нужно оставлять, накрыв его салфеткой или полотенцем.

Повседневные практики мари часто имеют сакральный смысл. Примером этого может служить уборка дома. После заката солнца воду из дома, даже грязную, не выплескивают, работы с землей не делают: природа уходит на покой, ее не следует тревожить, иначе у семьи будут тревожные дни. Если подметают пол, весь мусор, до соринки, бросают сразу же в печь, ина-

че в доме будет беспокойно. Мыться в баню пошел (многие мари на Урале до сих пор топят баню «по-черному», объясняя это наибольшей пользой для здоровья) – попроси Банника, чтоб баня хорошо протопилась, жар не потеряла. Начал мыться – три раза окати водой окна бани, «промывая бане глаза», три раза плесни на камни, произнося при этом заговор, и т. п.¹¹

Сравнивая луговых мари и мари Урала, можно найти много общего. Народ мари повсеместно известен своим гармоничным с природой существованием, согласованным с культурно-хозяйственным укладом жизни, который олицетворяет единство человека и природы.

Вышеперечисленные практики у луговых мари почти утеряны, уральские же до сих пор исполняют их в повседневной жизни. Общими у мари разных регионов России остались морально-нравственные поучения, например: «Не делай другим то, что не любишь сам». Это простое и древнее правило стало категорическим императивом, который «цивилизированная Европа» в лице И. Канта сформулировала только в XIX в. В повседневных ценностных установках мари есть и такие правила, которые свидетельствуют об отношении к материальному обогащению: *Юмо ок йӧратем тудым, кӧ ылышым йӧрата, Рая семьште* («Бог не любит тех, кто любит жить, как в раю»), *Ӱмырет мучко пашам ыштен* («Необходимо всю жизнь работать»), *Пояш тӧчен еным ит ондале* («При продаже никогда не думай об обогащении»).

Важнейшей смысложизненной ценностью мари является установка на гармоничное отношение с природой: *Поро эр йӧмо шукчӧ тазалкм ну, уло азаплеч уло осалеч саклен шого / Поро эр юмо – шукчӧ тазалыкым ну, уло азаплеч, уло осалеч саклен шого*¹² («Береги все живое на земле, береги лес, растения, воду, они

¹¹ ПМА: Свердловская область, Артинский городской округ, с. Курки; Ачитский городской округ, д. Марийские Карши.

¹² ПМА: там же.

живые»). Мари никогда не возьмут в лесу для своих нужд больше, чем требуется. В этом и заключается экологичность их сознания, их культуры. Некоторые из народных марийских поучений перекликаются с христианскими заповедями. Повлияло ли христианство на языческие высоконравственные установки мари или языческие верования в лучших своих проявлениях воспроизведены в христианской вере, но важнейшие нравственные предубаждения, безусловно, имеют связь с библейским сюжетом. Если учесть, что большая часть луговых мари приняла христианство, то здесь возможно взаимодействие с христианской православной культурой: *Судья тый огыл, кӱшычын мемнам судитлаш*¹³ («Ты не судья, нас судят сверху», ср.: «Не судите, да не судимы будете»).

Благодаря ремифологизации мифология мари тесно связывает жизнь индивида как с современностью, так и с прошлым и будущим, воспитывает ответственность за сохранение своей культуры и передачу ее следующему поколению не только перед потомками, но и перед предками.

В источниках по истории уральских мари их приход на Урал описывается как этап противоречивого поиска мирного сосуществования то с тюркскими народами [1], то со старообрядцами, причем всегда существовала опасность как башкирских набегов (продолжавшихся вплоть до начала XX в.), так и насильственной христианизации. Поэтому организация быта мари Урала отражает их привычку к временному проживанию. В их огородах никогда не выращивались многолетние растения. За ягодами ходили в лес. Только во второй половине XX – начале XXI в. в сельскую местность проникает культура выращи-

вания плодовых деревьев и ягодных кустарников.

Архитектура домов заимствована марийским этносом у русских. На первый взгляд различия в строительстве русской избы и марийского дома не видны. По свидетельству респондентов, луговыми мари многие обряды строительной деятельности утеряны. Информант Л. К. говорит о том, что сейчас в Марий Эл по большей части реконструируют обрядовую деятельность¹⁴. В то же время почти все обряды и ритуалы, хотя и в упрощенном виде, сохранились на Урале. Информант Б. С. из Артинского городского округа рассказывает: «При начале строительства дома в венец подкладывают обязательно серебряную монету. Когда складывают матицу, под нее тоже кладут серебряную монету и овечью шерсть с завитками. Любая вещь, присутствующая на матице, должна быть свернутой. Строители перед началом закладывания матицы поднимаются вверх как бы под будущую крышу и едят сырники, так как они из свернутого молока. Такая символическая практика при строительстве дома у уральских мари связана с символом ладони с согнутыми (“свернутыми”) к ней полукругом пальцами, что, как считается, позволяет удержать благо и семейное достояние. Также завитки символизируют бесконечность продолжения жизни. Как только матица сложена, вся семья собирается уже в доме, и самая пожилая женщина читает молитву о тех, кто в этом доме будет жить»¹⁵.

Та же обрядовая деятельность бытует среди мари Ачитского городского округа, что было засвидетельствовано информантом Н. И.¹⁶ Все необходимые строительные обряды соблюдают и мари Пермского края¹⁷ (свидетельство информанта Л. Н.). Это говорит о понимании мари Урала важности семьи и ее значения для продолжения рода. Дом строится не для одного поколения, а значит, важна прочность не только постройки, но и семейных отноше-

¹³ ПМА: Свердловская область, Артинский городской округ, с. Курки; Ачитский городской округ, д. Марийские Карши.

¹⁴ ПМА: Свердловская обл., Красноуфимский городской округ, д. Сарсы.

¹⁵ ПМА: Свердловская область, Артинский городской округ, с. Курки.

¹⁶ ПМА: Свердловская область, Ачитский городской округ, д. Марийские Карши.

¹⁷ ПМА: Пермский край, Суксунский городской округ, с. Тебеняки.

ний. Семейные ценности как смысложизненные пронизывают всю культуру повседневности уральских мари, особенно ценящих такое качество человека, как коллективизм – способность к безвозмездной коллективной работе и взрослых, и детей.

В русских деревнях тоже существовала «помочь» – коллективная и бесплатная добровольная помощь. Можно сделать вывод, что это древняя традиция была присуща всем народам, но в русских селениях она не сохранилась, утратила особенности неоплачиваемой безвозмездной помощи и стала наемным оплачиваемым трудом. У уральских мари, как и прежде, строительство домов идет при участии всей деревни.

Поиск поддержки и опоры в мире повседневности выражается в психологическом стремлении найти «сильное плечо». Мари, бежавшие на Урал от христианизации, поборов Российского государства, рекрутчины, могли просить помощи только у сил природы, не полагаясь ни на местное начальство, ни на государственную власть (стоит отметить, что в отличие от русских у мари нет сказок про «доброе царя-батюшку»).

По свидетельству респондентов, в русских и татарских деревнях веселья гораздо больше, чем в мари́йских. Мари Урала до сих пор даже в повседневной жизни несут печать давней трагедии гонимого этноса, вынужденного скрываться в лесах. При этом еще можно встретить деревни и села, где дома не запираются на ночь, а лишь защищаются оберегами. Гостеприимство мари также имеет сакральный смысл. Попав в мари́йское село, никто не уйдет голодным.

Проведенное исследование позволяет заключить, что, хотя повседневные практики не являются неизменными, их трансформация связана с изменением не столько смысложизненных ценностей, сколько условий бытия. Еще в XVIII в. мари не строили дома, а жили во временных землянках, до середины XX в. у них не было душа и ванн. В XXI в. уходят в прошлое тяжелые сельскохозяйственные работы. Вечерами сельское население собирается в клубах. Создаются деревенские ансамбли. Женщины занимаются традиционным рукоделием, мужчины – работой по дереву. Много времени в семьях уделяется просмотру телевизионных программ на русском, татарском и родном языке. Однако отношение к семье, природе, материальному обогащению не изменилось и реализовалось через трансформацию заговоров, запретов, поучений.

Преданность традиционным ценностям, народная религиозность позволили мари Урала сохранить такие качества, как доверчивость, открытость, скромность, бесконфликтность, переходящая в хитрость, принятие жизни такой, какая она есть, с благодарностью, умение быть удовлетворенным, уравновешенным. Все эти качества раскрываются в повседневных ситуациях, позволяя характеризовать культурную идентичность мари Урала. До сих пор во всех мари́йских селениях строго структурируются отношения между мужчинами и женщинами, строительство домов в сельской местности происходит при участии большинства жителей сельского поселения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головнев А. В. Этничность и идентичность на Урале // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 40–49.
2. Иванова Е. В. Культурология: мифологические смыслы современной культуры. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та фондового рынка, 2015. 130 с.
3. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа: Утварь, одежда, пища и питье, здоровье и болезни, нравы, обряды, прием гостей. М.: Экономика, 1993. 401 с.
4. Мазур Л. Н. Народы Среднего Урала в структуре сельского расселения (XX в.) // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 49. С. 180–196.
5. Мурзин А. А. Визуальные образы народной религиозности горнозаводского Урала: предметная сторона // Человек в мире культуры. 2012. №1. URL: <https://>

- cyberleninka.ru/article/n/vizualnye-obrazy-narodnoy-religioznosti-gornozavodskogo-urala-predmetnaya-storona (дата обращения: 19.05.2018).
6. Новиков С. С. Восточные маришцы. Философия, история, люди. Йошкар-Ола: Редакция газеты «Марий Эл», 2012. 322 с.
  7. Полякова И. П. Повседневность как объект научного познания // Философия и культура. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnost-kak-obekt-nauchnogo-poznaniya> (дата обращения: 07.01.2021).
  8. Трубина Е. Г., Саид Л. От исследований повседневности к исследованиям религиозной повседневности: понятие «живой религии» // Манускрипт. 2020. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-issledovaniy-povsednevnosti-k-issledovaniyam-religioznoy-povsednevnosti-ponyatie-zhivoy-religii> (дата обращения: 07.01.2021).
  9. Цуканова И. В. Определение специфики феномена «Народная религиозность» // Наука. Искусство. Культура. 2012. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-spetsifiki-fenomena-narodnaya-religioznost> (дата обращения: 07.07.2018).
  10. Шкалина Г. Е. Духовные основы культурного наследия народа мари // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, no. 1. С. 110–120. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.01.110-120.
  11. Шкалина Г. Е. Марийский праздник Пелдыш Пайрем: перекресток духовных традиций // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 457–467. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.04.457-467.
  12. Berger A. A. Applied discourse analysis: Popular culture, media, and everyday life. San Francisco: Palgrave McMillan, 2016. 201 p. DOI: 10.1007/978-3-319-47181-5.
  13. Berger A. A. Myth and Everyday Life // Perspectives on Everyday Life: A Cross Disciplinary Cultural Analysis. Palgrave Pivot, Cham., 2018. P. 51–58. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-99795-7_8.
  14. Culture theory: Essays on mind, self, a emotion / ed. by R. A. Shweder, R. A. Levine. Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 1988. 359 p.
  15. Holmes H. Material relationships: Object interviews as a means of studying everyday life // Mundane Methods: Innovative Ways to Research the Everyday. Manchester, 2020. DOI: <https://doi.org/10.7765/9781526152732.00011>.
  16. Laakso J. Contact and the Finno-Ugric Languages // The handbook of language contact. New York City: John Wiley & Sons, Ltd, 2020. P. 519–535. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119485094.ch26>.
  17. Lüdtkke A. The History of Everyday Life: Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life. Princeton: Princeton University Press, 1995. 318 p.
  18. Mesquita B., Boiger M., De Leersnyder J. Doing emotions: The role of culture in everyday emotions // European Review of Social Psychology. 2017. Vol. 28, no. 1. P. 95–133.
  19. Schick K. Emotions and the everyday: Ambivalence, power and resistance // Journal of International Political Theory. 2019. Vol. 15, no. 2. P. 261–268. DOI: <https://doi.org/10.1177/1755088219829858>.
  20. Southerton D. Time Pressure: Innovation, Acceleration and the Speeding-Up of Everyday Life // Time, Consumption and the Coordination of Everyday Life. London, 2020. P. 69–93.
  21. Svedäng H. et al. Nature's contributions to people and human well-being in a Nordic coastal context // Biodiversity and ecosystem services in Nordic coastal ecosystems an IPBES-like assessment. Copenhagen, 2018. Vol. 1. P. 45–73. DOI: 10.6027/ANP2018-536.
  22. Wang S. M. Conceptualizing the Multicultural 'North' in the Íslendingasögur: Peoples, Places, and Phenomena // Nordlit. 2020. No. 46. P. 245–262. DOI: <https://doi.org/10.7557/13.5480>.

Поступила 11.01.2021; одобрена 19.01.2021; принята 20.01.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. В. Березина – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета, berezinanna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-408X>

Everyday cultural practices of the Ural Mari

Anna V. Berezina

*Ural State Forest Engineering University,
Yekaterinburg, Russia*

Introduction. The study of everyday cultural practices of the Ural Mari living in rural areas can not only provide extra information, but also change our views on distinctive features of their culture, the prospects for its development, and resistance to ethnocultural transformations.

Materials and Methods. The work used interdisciplinary research methods, the principles of comparative, system and structural analysis, as well as sociological methods: observation, in-depth survey, comparative analysis, interviewing.

Results and Discussion. Distinctive features of the ethnic culture of the Ural Mari were influenced by the regional factor, and were recorded not only in the Mari dialect, national dresses, but also in everyday practices, namely household chores, the relationship between a man and a woman, and between generations. Their formation was influenced by folk religiosity, which is closely related to mythological thinking. Belief in the spirits that accompanies the everyday life of a person, has been transformed according to new everyday practices, and is still preserved in the everyday life of the ethnos. The author provides data from in-depth surveys and interviews of Mari living in the Sverdlovsk region and the Perm Territory, and also analyzes examples from literary sources.

Conclusion. The transformation of the culture of the Ural Mari in rural areas is a response to scientific and technological progress, global changes, and is exteroceptive in nature with a persisting axiological basis. Further research of the everyday cultural practices of the Ural Mari living in rural areas will make it possible to predict the development of their ethnic culture and point out the critical aspects of transformation.

Keywords: Mari, ethnoculture, folk religiosity, everyday practices, mythological thinking

For citation: Berezina AV. Everyday cultural practices of the Ural Mari. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;1:67–78. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.67-78.

REFERENCES

1. Golovnev AV. Ethnicity and Identity in the Urals. *Ural'skii istoricheskii vestnik* = Ural Historical Bulletin. 2011;2:40–49. (In Russ.)
2. Ivanova YeV. Culturology: mythological meanings of modern culture. Yekaterinburg; 2015. (In Russ.)
3. Kostomarov NI. Home life and customs of the Great Russian people: Utensils, clothing, food and drink, health and illness, customs, rituals, reception of guests. Moscow; 1993. (In Russ.)
4. Mazur LN. Peoples of the Middle Urals in the structure of rural settlement (XX century). *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of the Ural State University. 2007;49:180–196. (In Russ.)
5. Murzin AA. Visual images of folk religiosity in the mining and refining Urals: the subject side. *Chelovek v mire kul'tury* = A man in the world of culture. 2012;1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnye-obrazy-narodnoy-religioznosti-gornozavodskogo-urala-predmetnaya-storona> (accessed 19.05.2018). (In Russ.)
6. Novikov SS. Eastern Mari. Philosophy, history, people. Yoshkar-Ola; 2012. (In Russ.)
7. Polyakova IP. Everyday life as an object of scientific knowledge. *Filosofia i kul'tura* = Philosophy and culture. 2019;2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnost-kak-obekt-nauchnogo-poznaniya> (accessed 07.01.2021). (In Russ.)
8. Trubina YeG, Said L. From the study of everyday life to the study of religious everyday life: the concept of “living religion”. *Manuskript* = Manuscript. 2020;11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-issledovaniy-povsednevnosti-k-issledovaniyam-religioznoy-povsednevnosti-ponyatie-zhivoy-religii> (accessed 07.01.2021). (In Russ.)
9. Tsukanova IV. Determination of the specifics of the phenomenon of “People's religiosity”. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* = Science. Arts. Culture. 2012;1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-spetsifikifienomena-narodnaya-religioznost> (accessed 07.07.2018). (In Russ.)

10. Shkalina GE. Spiritual foundations of the cultural heritage of the Mari people. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018;10;1:110–120. (In Russ.) DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.01.110-120.
11. Shkalina GE. Mari holiday of Peledysh Payrem: crossroads of spiritual traditions. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020;12;4:457–467. (In Russ.) DOI: 10.15507/2076-2577.012/2020/04/457-467.
12. Berger AA. Applied discourse analysis: Popular culture, media, and everyday life. San Francisco; 2016. DOI: 10.1007/978-3-319-47181-5.
13. Berger AA. Myth and Everyday Life. *Perspectives on Everyday Life. A Cross Disciplinary Cultural Analysis*. 2018:51–58. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-99795-7_8.
14. Shweder RA, LeVine RA, eds. Culture theory. Essays on mind, self, a. emotion. Cambridge; 1988.
15. Holmes H. Material relationships: Object interviews as a means of studying everyday life. *Mundane Methods: Innovative Ways to Research the Everyday*. Manchester; 2020. DOI: https://doi.org/10.7765/978152615273_2.00011.
16. Laakso J. Contact and the Finno-Ugric Languages. *The handbook of language contact*. New York City; 2020:519–535. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119485094.ch26>.
17. Lüdtkke A. The history of everyday life: reconstructing historical experiences and ways of life. Princeton; 1995.
18. Mesquita B, Boiger M, De Leersnyder J. Doing emotions: The role of culture in everyday emotions. *European Review of Social Psychology*. 2017;28;1:95–133.
19. Schick K. Emotions and the everyday: Ambivalence, power and resistance. *Journal of International Political Theory*. 2019;15;2:261–268. DOI: <https://doi.org/10.1177/1755088219829858>.
20. Southerton D. Time Pressure: Innovation, Acceleration and the Speeding-Up of Everyday Life. *Time, Consumption and the Coordination of Everyday Life*. London; 2020: 69–93.
21. Svedäng H. et al. Nature’s contributions to people and human well-being in a Nordic coastal context. *Biodiversity and ecosystem services in Nordic coastal ecosystems an IPBES-like assessment*. Copenhagen; 2018;1:45–73. DOI: 10.6027/ANP2018-536.
22. Wang SM. Conceptualizing the Multicultural ‘North’ in the Íslendingasögur: Peoples, Places, and Phenomena. *Nordlit*. 2020;46:245–262. DOI: <https://doi.org/10.7557/13.5480>.

Submitted 11.01.2021; reviewing 19.01.2021; accepted 20.01.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. V. Berezina – Senior Lecturer, Department of Social Studies and Humanities, Ural State Forest Engineering University, berezinanna@mai.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-408X>

Отражение эмоционального опыта в культуре финно-угорских народов

Константин Михайлович Романов

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Введение. Представлена характеристика эмоциональной культуры группы финно-угорских народов, отражающей накопленный обществом эмоциональный опыт и являющейся неотъемлемой частью общей культуры. В ее содержание входят психологические знания, практические умения и навыки управления эмоциями и чувствами, отношение к людям. Цель исследования – выявить эмоциональное содержание культуры финно-угорских народов.

Материалы и методы. Для реализации поставленной цели применялась методика психологического анализа языка как важнейшего носителя эмоциональной культуры. В качестве объекта анализа были использованы словари четырех финно-угорских народов: коми, удмуртов, мари и эрзи. Предметом психологического анализа выступили слова, отражающие эмоциональные явления. Были задействованы два параметра анализа эмоциональных категорий: знак и форма эмоциональных явлений.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ показал, что эмоциональный опыт занимает важное место в языке и культуре исследуемых финно-угорских народов. В их языках насчитывается в среднем 315 эмоциональных категорий, отражающих разнообразные по содержанию и форме эмоциональные явления. Это свидетельствует о широте эмоционального опыта этнических групп. Данный показатель характеризуется незначительными отклонениями от среднего значения, что говорит о близости эмоционального опыта народов. В нем находят отражение все основные формы эмоциональных явлений: эмоциональные процессы, эмоциональные феномены, эмоциональные свойства и состояния, эмоциональные свойства действий. Обнаружены этнические особенности в количественном соотношении указанных параметров. Установлено, что доминирующее место в структуре эмоционального опыта занимают негативные эмоции при минимальном различии между данными этническими группами.

Заключение. Эмоциональная реальность входит в сферу жизненных интересов людей и осваивается ими. Она находит отражение в культуре любого, в том числе финно-угорского, народа. Однако этнические особенности их эмоционального опыта и эмоциональной культуры остаются неизученными. Перспективной является задача создания целостной концепции эмоциональной культуры каждого финно-угорского народа, включающей знания об эмоциях и чувствах, приемы управления ими и отношение к людям.

Ключевые слова: человек, культура, язык, финно-угорский народ, эмоциональная культура, структура эмоциональной культуры, эмоциональный опыт, этнические особенности эмоционального опыта

Для цитирования: Романов К. М. Отражение эмоционального опыта в культуре финно-угорских народов // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 1. С. 79–89. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.79-89.

Введение

Культура является неотъемлемым свойством человеческого общества. Она содержит выработанный в процессе общественно-исторического развития опыт постижения и освоения окружающего мира: природы, предметной среды и людей как субъектов и личностей; включает в себя то, что значимо для людей. Передаваясь от поколения к поколению, культура обеспечивает постоянное воспроизводство, существование и развитие человека. Под ее влиянием происходит преобразование генетически заданных

натуральных психических функций – их очеловечивание [5; 10].

Человек – это не природный, а культурный феномен. С момента рождения ребенок оказывается погруженным в культуру и не может ни стать, ни оставаться человеком в иных условиях, например в условиях социальной изоляции. Известно, что дети, выросшие вне культуры, лишены того, что делает их людьми. Следовательно, можно говорить о том, что в культуре (или какой-то ее части) заключена психологическая сущность человека: са-

мосознание, личностные свойства, отношения, интересы, убеждения, чувства, воля, всевозможные схемы поведения и т. п. Усваивая именно эту часть культуры, ребенок становится полноценным субъектом и личностью со всеми присущими человеку свойствами: сознанием, когнитивными процессами (восприятием, мышлением, воображением, памятью и др.), способностями, эмоциями, чувствами и т. д. [1; 5; 10].

Среди множества структурных компонентов человека важнейшее место занимает эмоциональная сфера, в состав которой входят эмоции и чувства, а также механизмы и способы управления ими. В психологии эмоции определяются как непровольные реакции человека на значимые жизненные ситуации. Субъективно они представлены в форме всевозможных переживаний: удивления, гордости, радости, вины и др. Главной особенностью подобных ситуаций является то, что они затрагивают те или иные жизненные интересы человека, при этом происходит нарушение привычного для него равновесного душевного состояния.

Эмоции играют ключевую роль в регуляции душевного состояния, поведения, общения, деятельности, межличностных отношений и физиологических процессов. Они составляют основу межличностных отношений и чувств: любви, ненависти, симпатии, уважения, презрения и др.; обладают огромным энергетическим потенциалом. Под их влиянием происходит значительное изменение психофизиологических возможностей человека: либо их усиление, либо ослабление. Именно эмоции определяют душевное самочувствие человека: хорошее – плохое, приятное – неприятное, нормальное – ненормальное. Они оказывают серьезное влияние на состояние здоровья. Без преувеличения можно сказать, что эмоции – это очень важный фактор человеческого бытия, ими насыщены все сферы жизни: семейные отношения, трудовая деятельность, взаимоотношения с людьми, религиозные верования, досуг и др. [4; 7; 18; 19].

Необходимым условием эффективного взаимодействия человека с другими людьми является понимание их эмоциональных состояний. Без этого нельзя выстроить разумные и конструктивные способы общения. Понимание человеком своих эмоций и умение управлять ими выступают также необходимым условием собственного бытия и одним из показателей личностной зрелости [10; 17].

Эмоциональная реальность как важнейший фактор человеческого бытия оказывает влияние на реализацию любых жизненных интересов и потребностей. Ее нельзя обойти или проигнорировать – ее надо понять и принять. В качестве социально значимой реальности она представлена в культуре и называется эмоциональной культурой. В ней содержится исторически выработанный эмоциональный опыт народа, включающий знания об эмоциях и чувствах, способы управления ими, отношение к людям. В результате усвоения данного опыта человек становится носителем эмоциональной культуры, обретает способность психологически грамотно обращаться с эмоциями и чувствами. Это возможно при условии, если он имеет необходимые психологические знания, хорошо ориентируется в эмоциональных явлениях, владеет способами воздействия на них, умеет устанавливать благоприятные межличностные отношения. Чем выше уровень развития у человека эмоциональной культуры, тем более успешной и благополучной будет его жизнь, в том числе отношения с людьми [10].

Эмоциональная культура в зависимости от того, кто является ее носителем и субъектом – конкретный человек или социальная общность, – существует в двух формах: как индивидуальный (личностный) и как общественный феномен. Как личностный феномен она характеризуется индивидуальными особенностями, выражающимися в степени открытости эмоциональной жизни, интенсивности эмоциональных реакций, устойчивости чувств и отношений, уровне владения эмоциями, эмоциональной предпочтительности и др. Как общественный

феномен она обладает этническими особенностями, которые проявляются в содержании и широте эмоционального опыта, открытости и интенсивности эмоционального мира, отношении к людям (представителям своего и чужого этноса), способах выражения чувств, способах управления эмоциями и др.

Каждый народ имеет свою эмоциональную культуру, сложившуюся на протяжении исторического развития. В ней аккумулирован совокупный опыт освоения аффективной реальности. Носителями эмоционального опыта этноса являются художественные тексты, сказки, народные песни, обряды, произведения живописи и скульптуры и др.

Эмоциональная культура содержит важнейшую информацию о народе. Можно сказать, что это уникальный эмоциональный портрет этноса, прототип эмоциональной сферы каждого его представителя. Он воспроизводится в каждом поколении людей. Именно поэтому существуют этнические особенности эмоциональной сферы: итальянцы экспрессивны, представители кавказских народов вспыльчивы и страстны, японцы эмоционально сдержанны и закрыты и т. д. [10].

Большой интерес представляет эмоциональная культура финно-угорских народов. Разработка соответствующей проблемы связана с поиском ответов на ряд вопросов, например: что общего в эмоциональной культуре финно-угорских народов? Чем отличается эмоциональная культура финно-угорских народов от эмоциональной культуры других народов: русского, татарского, немецкого и др.? Каковы особенности эмоциональной культуры разных финно-угорских народов? Ответы на эти вопросы важны для оптимизации межэтнических отношений, что весьма актуально как для отдельных регионов, так и для России в целом. Дело в том, что любые межчеловеческие отношения (уважение, любовь, симпатия, дружба и др.) базируются на эмоциональной основе. То же самое можно сказать и о конфликтах, в том числе межэтнических.

Этнические особенности эмоциональной культуры до сих пор остаются плохо изученными. Особенно это касается финно-угорских народов. Можно выделить только единичные работы, посвященные исследованию отдельных элементов их эмоциональной культуры. Так, в работе А. А. Гагаева и Н. В. Кудяевой раскрываются эмоциональные особенности и ценности мордовского народа. Авторами, в частности, отмечается, что для представителей этноса характерна сдержанность в выражении эмоций и чувств. По сравнению с русскими и некоторыми другими народами они являются эмоционально более сдержанными и закрытыми. Выделяется также отличительная ментальная черта мордовского народа – позитивное отношение к людям [6].

С. И. Баляев описал такие элементы эмоциональной культуры мордовского народа, как отношение к себе и отношению к своему этносу, составляющие этническую идентичность. Исследователь констатировал своеобразное размывание этнической идентичности эрзян и мокшан [2].

О. Н. Романовой и Д. К. Романовым осуществлен психологический анализ мордовских народных сказок как носителей психологической, в том числе эмоциональной, культуры. С помощью методики контент-анализа установлено, что в сказках отчетливо представлен эмоциональный опыт народа: отношения, чувства, способы воздействия на эмоции, критические для возникновения эмоций ситуации и формы выражения эмоций и т. д. [15].

В наших предыдущих работах описаны особенности эмоциональной культуры отдельных финно-угорских народов, выявленные с помощью психологического анализа языка, в частности зафиксированный в языке объем знаний об эмоциях и чувствах. Элементы эмоциональной культуры мордовского народа выделены в народных песнях и традиционных обрядах: свадебном обряде, обряде прощания, похоронном обряде и др. Все они привяза-

ны к важнейшим жизненным событиям: свадьбам, рождению детей, похоронам, праздникам – и несут большую эмоциональную нагрузку. В них зафиксирован этнический опыт управления эмоциями, эффективного переживания подобных событий. Данное направление исследований представляет особый интерес в связи с тем, что позволяет определить регулятивно-практические компоненты эмоциональной культуры, т. е. способы управления эмоциями и чувствами [11–14].

Богатый эмоциональный опыт того или иного народа отражен в изобразительном искусстве, творчестве лучших его представителей. Например, в произведениях получившего всемирную известность мордовского скульптора Степана Эрзи запечатлен широкий спектр всевозможных эмоций. Однако этот эмоциональный опыт до сих пор остается неизученным.

Исследования говорят о том, что эмоциональный опыт присутствует в самых разных носителях культуры финно-угорских народов. Можно утверждать, что на протяжении исторического развития эти народы создали свою эмоциональную культуру.

Этническое направление исследований эмоциональной культуры является весьма актуальным, перспективным и значимым в практическом плане. В эмоциональной культуре каждого финно-угорского народа содержатся уникальные и ценные для психотерапевтической практики элементы, которые со временем могут быть безвозвратно утеряны. Поэтому их необходимо выявить и сделать достоянием научной общественности. Знание и понимание эмоциональных особенностей финно-угорских народов важны также для укрепления позитивных межэтнических отношений в соответствующих регионах страны. В теоретическом плане кросс-культурный подход к исследованию эмоциональной культуры позволяет получить более полное и точное научное представление об эмоциональной сфере личности.

Материалы и методы

Цель данной работы – изучить и описать особенности эмоционального опыта четырех финно-угорских народов: коми, удмуртов, мари и эрзи. Для изучения эмоционального опыта был использован контент-анализ соответствующих словарей¹. Всего было проанализировано более 140 000 слов, что придает высокую достоверность полученным результатам. При выборе методики мы предполагали, что в языке сконцентрирован психологический опыт народа. Язык составляет основу культуры. Посредством языка и речи осуществляются фиксирование, аккумуляция и трансляция опыта постижения людьми окружающего мира (в том числе самих себя), происходят социализация людей и формирование высших психических функций: мышления, памяти, воображения, внимания, эмоций, сознания и др. Через призму усвоенных понятий человек воспринимает и понимает окружающий мир, других людей и самого себя [8; 16]. Язык во многом предопределяет этнические особенности людей.

Психологический анализ словарей был направлен на выделение слов, отражающих эмоциональные явления, например радость, страх, волнение, и являющихся носителями эмоционального опыта этноса [3; 9]. Усваивая их, ребенок овладевает соответствующими умственными действиями, с помощью которых понимает эмоциональные состояния людей, в том числе собственные.

Для сравнительного анализа эмоционального опыта разных народов могут применяться следующие параметры: объем, знак, форма, временные характеристики, содержание, функциональный статус и модальность эмоций. В рамках данного исследования использовались такие параметры, как знак и форма. На основе соответствующего анализа можно выявить важные особенности эмоционального опыта финно-угорских народов.

¹ См.: Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь: 31 000 слов. Сыктывкар, 1995; Васильев М. В., Учаев З. В. Марийско-русский словарь: 35 000 сл. Йошкар-Ола, 2003; Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов / сост.: Т. Р. Душенкова и др. Ижевск, 2008; Эрзянско-русский словарь: ок. 27 000 слов / под ред. Б. А. Серебренникова и др. М., 1993.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты анализа показывают, что в языках всех рассматриваемых народов представлено примерно одинаковое количество эмоциональных категорий: коми – 343 ед. (1,1 % от объема словаря), удмуртском – 308 (0,58), марийском – 320 (0,8), эрзянском – 291 ед. (1,1 %). Средний показатель составляет 315,5 ед. при минимальном разбросе значения (в пределах 27,5 ед.). С точки зрения психологии этот показатель можно считать достаточно высоким. Он говорит о том, что данные финно-угорские народы довольно хорошо ориентируются в эмоциональных явлениях. Максимальное значение показателя у народа коми – 343 ед., минимальное – у эрзянского народа – 291 ед., т. е. различие в широте эмоционального опыта между исследуемыми финно-угорскими народами не превышает 52 ед. Это позволяет говорить об эмоциональной идентичности народов. Мы не можем оценить их эмоциональный опыт в терминах «хороший» или «плохой», «соответствующий норме» или «не соответствующий норме», «высоко развитый» или «низко развитый» и т. д. В настоящее время подобные нормативы не приняты. Более корректно считать, что каждый народ имеет такой эмоциональный опыт, которого достаточно для его благополучного существования. Как часть национальной культуры он уникален и полезен прежде всего для своего народа.

Рассмотрим соотношение эмоциональных категорий по знаку представленных в них эмоций. В зависимости от знака в психологии принято выделять три вида эмоций: положительные, отрицательные и двойственные.

Положительные эмоции возникают в ситуациях, благоприятствующих удовлетворению жизненных интересов, потребностей и мотивов. Субъективно они переживаются как приятные состояния, например радость, удовольствие, наслаждение, счастье и т. п. Вольно или невольно человек стремится создать их у себя

и по возможности усилить и продлить. Аналогичную стратегию поведения он практикует и во взаимодействии с родными и близкими людьми. Это приводит к поддержанию и улучшению межличностных отношений. На основе положительных эмоций возникают позитивные отношения и чувства: симпатия, уважение, любовь и др. Положительные эмоции сигнализируют человеку о личном благополучии, успешности жизни и удовлетворенности ею. В этом и состоит их онтологический смысл.

Отрицательные эмоции порождаются ситуациями и обстоятельствами, препятствующими реализации жизненно важных интересов, потребностей и мотивов. Субъективно они переживаются как неприятные, а в некоторых случаях невыносимые состояния, такие как горе, страх, тоска, вина, стыд и т. д. Человек старается предотвратить возможность возникновения подобных эмоциональных состояний, а когда они возникают – избавиться от них. Точно так же он ведет себя и по отношению к близким людям – старается оградить их от неприятностей и страданий. На основе отрицательных эмоций возникают негативные отношения и чувства: ненависть, презрение, отвращение и т. п., а также всевозможные фобии, от которых очень трудно избавиться. Отрицательные эмоции сигнализируют о том, что человек находится в неблагоприятной зоне бытия, неправильно ведет себя, совершает ошибки, сталкивается с опасностью, в том числе смертельной. Игнорирование этих эмоциональных сигналов создает реальную угрозу жизни человека. В этом заключается онтологический смысл отрицательных эмоций, которые являются более важными для существования и выживания человека, чем положительные.

Двойственные эмоции интегрируют в определенном соотношении положительные и отрицательные эмоции. Они отражают факт противоречивости жизненных ситуаций и многозначности отношений человека с окружающим миром и людьми. Конкретная ситуация может благоприятствовать реализации одних

Таблица 1. Количественное соотношение эмоциональных категорий в языках по знаку эмоций

Table 1. The quantitative ratio of emotional categories in languages by the sign of emotions

Язык / Language	Положительные эмоции / Positive emotions		Отрицательные эмоции / Negative emotions		Двойственные эмоции / Dual emotions		Всего / Total
	Количество слов / Number of words	%	Количество слов / Number of words	%	Количество слов / Number of words	%	
Коми / Komi	83	24,3	225	65,6	35	10,1	343
Удмуртский / Udmurt	67	21,8	205	66,5	36	11,7	308
Марийский / Mari	70	21,9	215	67,2	35	10,9	320
Эрзянский / Erzya	71	24,4	190	65,5	30	10,1	291
Средние показатели / Average indicators	72,75	23,1	208,75	66,2	34	10,8	315,5

потребностей и желаний и в то же время создавать трудности для удовлетворения других.

Обратимся к результатам психологического анализа эмоциональных категорий. Среднее для всех этнических групп значение показателя отрицательных эмоций равно 208,75 ед. (66,2 %), что свидетельствует об их доминировании в жизненном опыте исследуемых народов. Одновременно можно утверждать, что представители этих этнических групп в отрицательных эмоциональных состояниях разбираются значительно лучше, чем в положительных. Этнические особенности данного количественного показателя выражены очень слабо. Максимальное значение наблюдается у народа коми – 225 ед., минимальное отмечается у эрзянского народа – 190 ед. Однако процентные показатели у всех четырех народов почти одинаковы.

Положительный эмоциональный опыт в языках исследуемых народов значительно беднее. Среднее значение соответствующего показателя равно 72,75 ед. (23,1 %), что почти в три раза ниже показателя отрицательных эмоций. В относительном выражении он изменяется в интервале от 21,8 до 24,4 %, т. е. почти одинаков у всех этнических групп. Это говорит об отсутствии этнических особенностей.

Двойственные эмоции в языках данных финно-угорских народов представлены слабо – 34 ед. (10,8 %). В этом отно-

шении этнических особенностей также не обнаружено.

Результаты анализа эмоционального опыта четырех финно-угорских народов в зависимости от знака эмоций приведены в табл. 1.

Таким образом, данным финно-угорским народам свойственна одинаковая структура эмоционального опыта. Ведущее место в нем занимает отрицательный эмоциональный опыт, затем идет положительный, на последнем месте находится двойственный. Подобная структура эмоционального опыта скорее всего характерна не только для финно-угорских, но и для других народов, т. е. она является универсальной. Это может говорить о наибольшей важности для выживания людей отрицательных эмоций. Они сигнализируют о неблагоприятных, опасных и даже губительных для человека жизненных ситуациях, другими словами, охраняют его. Игнорирование этих эмоциональных сигналов приводит к гибели человека. Для положительных эмоций, сигнализирующих о пространстве жизненного благополучия, такая функция нехарактерна. Обозначенная проблема требует дополнительного исследования.

Важную информацию об эмоциональном опыте можно получить с помощью анализа эмоциональных категорий в соответствии с формой выраженных в них эмоциональных явлений. Последние могут иметь форму процессов или устой-

Таблица 2. Количественное соотношение эмоциональных категорий в языках по форме эмоций

Table 2. The quantitative ratio of emotional categories in languages by the form of emotion

Язык / Language	Эмоциональные феномены / Emotional phenomena		Эмоциональные процессы / Emotional processes		Эмоциональные свойства (состояния) / Emotional properties (states)		Эмоциональные свойства действий / Emotional properties of actions		Всего / Total
	Количество слов / Number of words	%	Количество слов / Number of words	%	Количество слов / Number of words	%	Количество слов / Number of words	%	
Коми / Komi	89	25,9	104	30,6	84	24,4	66	19,1	343
Удмуртский / Udmurt	83	27,0	171	55,5	42	13,7	12	3,8	308
Марийский / Mari	70	21,9	156	48,7	62	19,4	32	10,0	320
Эрзянский / Erzya	84	28,8	100	34,4	70	24,1	37	12,7	291
Средние показатели / Average indicators	81,5	25,8	132,7	42,1	64,5	20,4	36,75	11,6	315,45

чивых свойств. В языке они представлены разными частями речи: глаголами, причастиями, деепричастиями, прилагательными, существительными и наречиями.

Эмоциональные процессы характеризуются жесткими временными границами и выраженной динамикой. В языке они представлены преимущественно глаголами (например, со значением ‘беспокоиться’, ‘гордиться’, ‘стыдиться’, ‘страдать’, ‘горевать’, ‘тосковать’). В них четко прослеживается эмоциональная активность субъекта – эмоциональные акты или действия переживания. Человек может успокаивать себя или других, бороться со своим страхом, страдать и т. п. [3].

Эмоциональные свойства (состояния) являются более протяженными во времени: от нескольких часов до многих дней и даже месяцев. Они отличаются также стабильностью. Эмоциональные свойства (состояния) выражены в языке прилагательными (например, со значением ‘веселый’, ‘подавленный’, ‘грустный’, ‘смущенный’).

Эмоциональные свойства действий в языке представлены наречиями (например, со значением ‘весело’, ‘стыдливо’, ‘смущенно’, ‘настороженно’) и всегда привязаны к каким-то действиям (весело рассказывать, стыдливо отворачиваться, гордо демонстрировать и т. д.).

Особое место среди эмоциональных явлений занимают эмоциональные феномены. В языке они выражены существительными (например, со значением ‘ревность’, ‘вина’, ‘страх’, ‘любовь’). В отличие от предшествующих эмоциональных категорий в них присутствует не факт привязанности эмоционального явления к какому-то конкретному субъекту, действию или ситуации, а эмоциональное явление как таковое. За такими категориями стоит абстрактное мышление.

Результаты анализа эмоционального опыта четырех финно-угорских народов в зависимости от формы эмоций приведены в табл. 2.

По данным количественного анализа было установлено, что в эмоциональном опыте исследуемых финно-угорских народов представлены все формы эмоциональных явлений. В среднем по словарям они распределились в такой последовательности: эмоциональные процессы – 132,7 ед. (42,1 %), эмоциональные феномены – 81,5 (25,8), эмоциональные свойства (состояния) – 64,5 (20,4), эмоциональные свойства действий – 36,75 ед. (11,6 %). Подобная структура эмоционального опыта свойственна всем этническим группам. Следовательно, они достаточно хорошо ориентируются в эмоциональных явлениях и способны выделять их временные характеристики.

На основе полученных результатов мы не можем утверждать, что это типично для эмоциональной культуры всех финно-угорских народов или для любого народа. На данном этапе исследования мы не можем дать теоретическую интерпретацию установленного факта. Для ответа на поставленные вопросы требуются соответствующие исследования.

Этнические особенности эмоционального опыта прослеживаются в уровне выраженности выделенных категорий. Эмоциональные процессы больше всего представлены в эмоциональном опыте удмуртского народа – 171 ед. (55,5 %). Вторую позицию занимает марийский народ – 156 ед. (48,7 %). Значительно отстают от них коми – 104 ед. (30,6 %) и эрзя – 100 ед. (34,4 %). Эмоциональные феномены выражены примерно одинаково во всех этнических группах при незначительном отставании соответствующих показателей у марийского народа – 70 ед. (21,9 %). Эмоциональные свойства (состояния), как и эмоциональные свойства действий, больше всего выражены в эмоциональном опыте народа коми – соответственно 84 ед. (24,4 %) и 66 ед. (19,1 %). Далее следуют показатели эрзи, мари и удмуртов.

Для дальнейшего изучения этнических особенностей эмоционального опыта данных финно-угорских народов требуется анализ эмоциональных категорий по содержанию, модальности и другим параметрам. Это позволит создать более полное представление об их эмоциональном опыте.

Заключение

Национальная культура финно-угорских народов содержит исторически накопленный эмоциональный опыт. Он включает в себя соответствующие психологические знания и практические умения обращения с эмоциями и чувствами. Этот опыт составляет содержание эмоциональной культуры. Носителями эмоционального опыта выступают язык, художественная литература, сказки, изобразительное искусство, обряды и традиции. Эмоциональная культура транс-

лируется от поколения к поколению, обеспечивая формирование эмоциональной сферы личности. Эмоциональная культура характеризуется этническими особенностями.

Важнейший носитель эмоциональной культуры – язык. Он содержит накопленные в процессе исторического развития народа знания об эмоциях и чувствах, которые ребенок усваивает вместе с усвоением языка и речи. Контент-анализ языка позволяет выявить этнические особенности эмоциональной культуры.

В словарях финно-угорских народов (коми, удмуртов, мари и эрзи) содержится от 0,58 до 1,1 % эмоциональных категорий, т. е. слов, отражающих эмоциональные явления. В абсолютном выражении показатели данных этнических групп примерно одинаковы: коми – 343, удмурты – 289, мари – 320, эрзя – 291. Это говорит о том, что эмоции и чувства достаточно широко отражены в их языке и культуре.

Эмоциональный опыт исследуемых народов представлен преимущественно отрицательными эмоциями. В среднем они составляют 208,75 ед. (66,2 %). Положительный эмоциональный опыт значительно уступает отрицательному по объему: 72,75 ед. (23,1 %). Оставшаяся часть эмоционального опыта приходится на двойственные эмоции. Данная структура эмоционального опыта типична для четырех народов. Различия между соответствующими количественными показателями минимальны и статистически незначимы, что может свидетельствовать об эмоциональной близости этносов.

Доминирование негативного эмоционального опыта не является показателем психологического неблагополучия или «несчастливости» данных этнических групп – оно характерно и для других народов. Это говорит о том, что отрицательные эмоции более важны для выживания народа, чем положительные.

В эмоциональном опыте исследуемых финно-угорских народов представлены все основные формы эмоциональных явлений: эмоциональные процессы –

132,7 ед. (42,1 %), эмоциональные феномены – 81,5 (25,8), эмоциональные свойства (состояния) – 64,5 (20,4), эмоциональные свойства действий – 36,75 ед. (11,6 %). Соотношение этих показателей характеризуется этническими особенностями.

В статье представлен преимущественно когнитивный компонент эмоциональ-

ной культуры – зафиксированные в языке знания об эмоциях и чувствах. Задача дальнейших исследований – изучение регулятивно-практического и духовно-нравственного компонентов эмоциональной культуры финно-угорских народов, т. е. системы приемов управления эмоциями и чувствами и зафиксированного в менталитете отношения к людям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы исследования финно-угорской культуры: моногр. / Н. Ф. Мокшин, Е. Н. Ломшина, М. В. Логинова и др. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. 164 с.
2. Баляев С. И. Этническая идентичность эрзян и мокшан: опыт этнопсихологического анализа: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 108 с.
3. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 182 с.
4. Василюк Ф. Е. Переживание и молитва: опыт общепсихол. исслед. М.: Смысл, 2005. 190 с.
5. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. 487 с.
6. Гагаев А. А., Кудашева Н. В. Угро-финский космо-психо-логос. Саранск: [б. и.], 2009. 614 с.
7. Изард К. Э. Психология эмоций: пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. 464 с.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 204 с.
9. Полевая А. И. Проблема отражения эмоций в языке // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 17. С. 84–86.
10. Романов К. М. Психологическая культура личности. М.: Когито-Центр, 2015. 314 с.
11. Романов К. М. Психологическое содержание традиционных свадебных обрядов мордвы // Актуальные проблемы семьи у финно-угорских народов: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. М., 2013. С. 99–107.
12. Романов К. М. Этнические особенности эмоционального опыта удмуртского народа и народа коми // Поволжский педагогический вестник. 2016. № 1 (10). С. 91–96.
13. Романов К. М. Этнические особенности эмоциональной культуры финно-угорских народов // Актуальные проблемы психологии развития личности: сб. науч. ст. Гродно, 2014. С. 86–91.
14. Романов К. М., Романов Д. К., Тирских Н. В. Психологическое содержание традиционного обряда прощания у народа эрзя // Вестник Мордовского университета. 2014. № 3. С. 98–101.
15. Романова О. Н., Романов Д. К. Сравнительный анализ исторически ранних форм психологической культуры русского и мордовского народов // Финно-угорский мир. 2012. № 2. С. 120–122.
16. Уорф Б. Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 170–181.
17. Ekman P. Emotions revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life. 2nd edition. New York: Times Books, 2007. 142 p.
18. Leary M. R., Kovalsky R. M. Impression management: a literature review and two-component model // Psychological bulletin. 2013. Vol. 107, no. 1. P. 34–47.
19. Li D. et al. Empathy in Chinese Eight-Year Medical Program Students: Differences by School Year, Educational Stage, and Future Career Preference // BMC Medical Education. 2018. Vol. 18. P. 241–250. DOI:10.1186/s12909-018-1348-2.

Поступила 07.02.2020; одобрена 11.01.2021; принята 20.01.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

К. М. Романов – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, familypost@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7662-3632>

Reflection of emotional experience in the culture of the Finno-Ugric peoples

Konstantin M. Romanov

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Introduction. The article presents the characteristic of emotional culture, reflecting the emotional experience accumulated by society. It is seen as an integral part of the overall culture. Its content includes psychological knowledge, practical skills in managing emotions and feelings, and attitudes toward people. The purpose of the study is to identify the emotional content of the culture of the Finno-Ugric peoples.

Materials and Methods. To achieve this goal, the author used the methodology of psychological analysis of the language as the most important carrier of emotional culture. As an object of analysis the dictionaries of four Finno-Ugric peoples: Komi, Udmurts, Mari and Erzia were also used. The subject of psychological analysis were the words reflecting emotional phenomena, for example, sad, angry, joyful, embarrassed, etc. The following analysis parameters were used: sign and form of emotional phenomena.

Results and Discussion. The analysis showed that emotional experience takes an important place in the language and culture of the relevant Finno-Ugric peoples. In their language, there are, on average, 315 emotional categories that reflect emotional phenomena that are diverse in content and form. This indicates the breadth of the emotional experience of these peoples. This indicator is characterized by slight deviations from the average value, which indicates the proximity of the emotional experience of these peoples. All the basic forms of emotional phenomena are reflected in their emotional experience: emotional processes, emotional phenomena, emotional properties and conditions, emotional properties of actions. Ethnic features were found in the quantitative ratio of these indicators. It was established that the dominant place in the structure of emotional experience is occupied by negative emotions with a minimal difference between these ethnic groups.

Conclusion. Emotional reality is included in the sphere of people's interests and, in one way or another, is mastered by them. That is why it is reflected in the culture of any people, including the Finno-Ugric ones. However, the ethnic characteristics of their emotional experience and emotional culture remain unexplored. A promising task is to create a holistic concept of the emotional culture of every Finno-Ugric people, including knowledge about emotions and feelings, methods of managing them and attitude to people.

Keywords: man, culture, language, Finno-Ugric people, emotional culture, structure of emotional culture, emotional experience, ethnic characteristics of emotional experience

For citation: Romanov KM. Reflection of emotional experience in the culture of the Finno-Ugric peoples. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;1:79–89. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.01.79-89.

REFERENCES

1. Mokshin NF, Lomshina EN, Loginova MV et al. Actual problems of the study of Finno-Ugric culture. Monograph. Saransk; 2014. (In Russ.)
2. Baljaev SI. Ethnic identity of Erzyans and Mokshans: experience of ethnopsychological analysis. Monograph. Saransk; 2013. (In Russ.)
3. Babenko LG. Lexical means of designating emotions in Russian. Ekaterinburg; 1989. (In Russ.)
4. Vasiljuk FE. Experience and prayer. Experience of general psychological research. Moscow; 2005. (In Russ.)
5. Vygotskij LS. Collected works in 6 books. Moscow; 1982:1. (In Russ.)
6. Gagaev AA, Kudaeva NV. Finno-Ugric cosmo-psycho-logos. Saransk; 2009. (In Russ.)
7. Izard KJe. Psychology of emotions. Saint Petersburg; 1999. (In Russ.)
8. Maslova VA. Linguoculturology. Moscow; 2001. (In Russ.)
9. Polevaja AI. The problem of reflecting emotions in the language. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera* = Collections of conferences of the SIC Sociosphere. 2013;17:84–86. (In Russ.)
10. Romanov KM. Psychological culture of personality. Moscow; 2015. (In Russ.)
11. Romanov KM. Psychological content of traditional Mordovian wedding ceremonies. *Aktual'nye problemy sem'i u finno-*

- ugorskikh narodov: materialy Mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf.* = Actual problems of the family among the Finno-Ugric peoples. Materials of the International Correspondence Scientific and Practical Conference. Moscow; 2013:99–107. (In Russ.)
12. Romanov KM. Ethnic features of the emotional experience of the Udmurt people and the Komi people. *Povolzhskii pedagogicheskii vestnik* = Volga Pedagogical Bulletin. 2016;1;1(10):91–96. (In Russ.)
  13. Romanov KM. Ethnic features of the emotional culture of Finno-Ugric peoples. *Aktual'nye problemy psikhologii razvitiia lichnosti: sb. nauch. st.* = Actual problems of psychology of personality development. Collection of scientific articles. Grodno; 2014:86–91. (In Russ.)
  14. Romanov KM, Romanov DK, Tirskih NV. The psychological content of the traditional rite of farewell among the Herzya people. *Vestnik Mordovskogo universiteta* = Mordovia university bulletin. 2014;3:98–101. (In Russ.)
  15. Romanova ON, Romanov DK. Comparative analysis of historically early forms of psychological culture of the Russian and Mordovian peoples. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2012;2:120–122. (In Russ.)
  16. Uorf BL. Science and Linguistics. *Novoe v lingvistike* = New in linguistics. Moscow; 1960;1:170–181. (In Russ.)
  17. Ekman P. Emotions revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life. New York; 2007.
  18. Leary MR, Kovalsky RM. Impression management: a literature review and two-component model. *Psychological bulletin*. 2013;107;1:34–47.
  19. Li D et al. Empathy in Chinese Eight-Year Medical Program Students: Differences by School Year, Educational Stage, and Future Career Preference. *BMC Medical Education*. 2018;18:241–250. DOI:10.1186/s12909-018-1348-2.

Submitted 07.02.2020; reviewing 11.01.2021; accepted 20.01.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

K. M. Romanov – Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, National Research Mordovia State University, famylypost@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7662-3632>

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
В. И. ДЕМИНА.
ОН СПЕШИЛ ЖИТЬ
И ДЕЛАТЬ ДОБРО

IN MEMORY
OF PROFESSOR
V. I. DYOMIN.
HE HURRIED UP
TO LIVE, AS WELL AS
HE DID TO DO GOOD

*Самый лучший подарок,
подаренный нам судьбой, –
это человек, которому мы можем сказать:
«Спасибо, что ты был в нашей жизни».*

1 февраля 2018 г. ушел из жизни В. И. Демин – блестящий ученый-финно-угровед. В Мордовии, России и за рубежом он был известен как исследователь, литературовед, переводчик, журналист, критик, писатель, поэт и просто как человек, искренне, глубоко любящий отчий край, хранящий и чтящий главное богатство эрзянского народа – родной язык.

Можно много рассуждать о жизни и творчестве В. И. Демина, но его наследие настолько обширно и многогранно, что сложно осветить все аспекты жизнедеятельности этой действительно выдающейся личности. Все, кто был с ним знаком, сегодня вспоминают его не только как известного ученого, но и как человека, готового всегда прийти на помощь, выслушать, дать совет. Его жизнерадостность, искренность, человеколюбие, аналитический ум поражали и вдохновляли студентов, коллег, друзей.

Василий Иванович родился 2 сентября 1955 г. в с. Шугурово Большеберезниковского района Мордов-

ской АССР в семье сельских тружеников. После окончания средней школы в 1972 г. поступил на филологический факультет Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва на специальность «Русский язык и литература; мордовский язык и литература».

Первые публицистические работы он создавал будучи студентом, а серьезный, профессиональный путь журналиста начал в 1977 г. С этого момента по 1992 г. В. И. Демин работал в национальных средствах массовой информации Мордовии, вначале – в должности корреспондента в редакции газеты «Эрзянь правда» («Эрзянская правда»), затем – заведующего отделом культуры, заместителя главного редактора в литературном журнале «Сятко» («Искра»). Талантливый публицист совмещал практическую деятельность с наукой, обучаясь в аспирантуре Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР (ныне – НИИ гуманитарных наук при

Правительстве Республики Мордовия). В 1990 г. стал членом Союза журналистов России, а в 2004 г. – членом Союза писателей России, также являлся членом редакционных коллегий республиканских литературных журналов «Сятко» и «Чилисема» («Восход»).

Пожалуй, главной его чертой как творческой личности была уникальная работоспособность, или «многофункциональность таланта». В любой сфере гуманитарного знания он всегда оставался непревзойденным аналитиком, мастером слова и стиля.

С октября 1992 г. Василий Иванович Демин трудился на филологическом факультете Мордовского государственного университета, где прошел путь от ассистента до профессора. В 1993 г. он блестяще защитил кандидатскую диссертацию по теме «Традиции и жанры мордовской сатирической литературы» (специальность «Литература народов России»), в 1998 г. – докторскую «Комическое в мордовской литературе».

Профессор Демин создал научную школу, исследу-

дующую проблемы истории и теории развития литератур народов Поволжья и Приуралья. Его ученики, среди которых 7 кандидатов и 4 доктора филологических наук, работают в образовательных центрах всего Приволжского федерального округа, успешно ведут научно-исследовательскую и педагогическую деятельность в вузах Мордовии. Он – автор более 300 научных трудов, в том числе 9 монографий, 13 учебных и учебно-методических пособий, 15 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ, посвященных актуальным проблемам функционирования национального словесного искусства; большая часть собранного им материала введена в учебный и научный оборот впервые в истории науки.

В. И. Демин – бессменный член трех диссертационных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, председатель Государственной аттестационной комиссии филологического факультета Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева (ныне – Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева).

Ученый являлся участником многих международных, всероссийских конференций по актуальным проблемам национальной литературы России. Под его руководством и при непосредственном участии реализовывались гранты РФФИ «История эрзянской журналистики: становление, развитие и современное состояние» (2010–2011 гг.) и «Творчество репрессированных писателей Мордовии: поиски, исследования» (2013–2014 гг.). Им переведены на эрзянский язык такие фундаментальные издания, как энциклопедия

«Мордовия», сборник очерков по истории, этнографии, культуре мордовского народа «Мордва».

Пользуясь авторитетом у коллег, профессор Демин использовал научно-методический потенциал, мастерство, талант при подготовке бакалавров, магистров, аспирантов филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва по направлениям «Филология» и «Журналистика».

Василий Демин – один из ведущих литературных критиков Мордовии. На протяжении всего творческого, исследовательского пути он постоянно обращался к обсуждению проблем современного состояния национальной литературы, языка, участвовал практически во всех мероприятиях, которые проводились Союзом журналистов и Союзом писателей республики, редакциями литературно-художественных журналов. «Главная задача, которая стоит перед нами, эрзянами, – не раз подчеркивал он, – сохранение и приумножение родного языка. Именно поэтому на нем нужно говорить, писать стихи, рассказы, повести, романы, передавать его последующим поколениям. Только тогда у нас всё будет хорошо!»

Жизнь В. И. Демина была неразрывно связана с мордовской литературой, в которой как в части народной духовной культуры взращивались собственные уникальные традиции. Своеобразие национальной литературы аналитически осмысливалось им в многочисленных трудах: «Многоцветие смеха» (1998), «Комическое в мордовской литературе» (2001), «Сююнясь тенк...» («Клянись вам») (2005), «Моран Россиясо эсень эрзянь кельсэ...» («Пою Россию на

своем эрзянском языке...») (2008), «Сёрмадан эйстэнк тиринь ломанть, вечкезь...» («Пишу о вас, родные люди, любя...») (2010), «Эрзянь журналистикань эрямопингезэ» («История эрзянской журналистики») (2013) и др. Каждая из работ автора пронизана искренней, светлой любовью к родному краю, эрзянской литературе и языку.

В. И. Демин обладал редчайшим научным потенциалом, о чем свидетельствует значительный вклад ученого в развитие не только мордовской, но и в целом финно-угорской литературоведческой науки. Его имя известно далеко за пределами Мордовии и России. Он был членом межрегиональной общественной организации «Содружество финно-угорских писателей», участником международных конгрессов финно-угроведов и конгрессов финно-угорских писателей, экспертом Общества М. А. Кастрена (Финляндия) и Программы родственных народов (Эстония) по присуждению научных и литературных премий.

Свидетельством его плодотворной деятельности являются многочисленные государственные награды и звания: Почетная грамота Президиума Верховного Совета МАССР, звания заслуженного работника культуры Республики Мордовия, лауреата республиканских конкурсов Союза журналистов Мордовии, стипендии Общества М. А. Кастрена, Литературной премии Программы родственных народов Эстонии и др.

Как человек, личность В. И. Демин прожил короткую, но чрезвычайно интересную, «многоцветную» жизнь. Многие он запомнился удивительно светлым человеком с обезоруживающей лучезарной улыбкой и зара-

зительным смехом. Василий Иванович всегда старался быть в тени, не забывая при этом отметить достоинства других. В книгах «Сюконян тенк...», «Сёрмадан эйтэнк, тиринь ломанть, вечкезь...» автор говорит «спасибо» всем, кто стоял у истоков зарождения эрзянской литературы, – писателям и поэтам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны, а также литераторам-современникам. Это книги-откровения, благодарности землякам, посвятившим жизнь родному языку, литературе. Очерки с большой теплотой и любовью написаны в форме творческих портретов с элементами личных воспоминаний, «биографий» и озаглавлены именно так неслучайно.

Дело всей жизни ученого – воспитание любви к родному краю, национальной культуре – не забыто и продолжает развитие в работах коллег, преемников. В приуроченной к юбилею профессора статье «Седейстэ молиця валсо...» («Слова, идущие из души...») Алена Маторкина – молодой автор, пишущий на эрзянском языке, – посвятила наставнику

такие строки: «Василий Иванович кирди мельсэ, ризны-мельявты, шны-тонавты эрванть, кие ансяк чалги шкинеманть кинть лангс. Сонсь профессорсь пек парсте содасы литературань теориянь, эрзянь-мокшань литературанть касомань-кемекстамонь янонзо, башка сермадейтень шкинемаст-таликаст историянь-художествань процессэнтень. Кода сон корты эрзякс! Мазый, валаня гайгиця кельсэ! Сон эрзя аволь ансяк келень коря – эрзянь оймезэяк, эрямонь лангс вановтозояк»¹ «Василий Иванович переживает, учит, воспитывает каждого, кто только шагнул на путь творчества. Сам профессор очень хорошо знает теорию литературы, пути развития эрзянской и мокшанской литературы, вклад отдельных писателей и поэтов во всеобщие исторические и художественные процессы. Как он говорит на эрзянском! Красивым, гладким, звонким языком! Он эрзя не только по языку – у него эрзянская душа, эрзянский взгляд на жизнь».

Тепло отозвалась об учителе и профессор С. В. Ше-

янова: «Василий Иванович ломанесь сельмес а эциця, сон а вечки шнамо валт, тензэ евтазь сюркпрятъкак прок кавтов яви – аволь весе эстензэ саи. Сеедьстэ корты, келя, сонсь ломанесь топавтызе теветь, лездамскак тензэ савсь пек аламо. Койсэнек, а муеви истямо ломань, кона кадовсь лезкстем сонензэ пшкадемадо мейле. Ды неть аволь чаво валт...»². «Василий Иванович не любит лезть в глаза, он не любит похвалу, и даже сказанное ему “спасибо” всегда делит пополам – не все берет себе. Часто говорит, что человек сделал все сам, ему даже помочь не пришлось. Но, на наш взгляд, не найдется такого человека, который остался без помощи, после того как к нему обратился. И это не пустые слова...»

В. И. Демин «спешил жить, старался успеть сделать многое...» и ушел из жизни, едва перешагнув шестидесятилетний рубеж. Но в жизни тех, кто был с ним знаком, работал, даже просто пересекался, он навсегда останется мерилом искренности, честности, трудолюбия, добра, таланта.

¹ «Седейстэ молиця валсо...» // Сятко. 2015. Сентябрь. С. 28.

² Там же.

Вера Ивановна Антонова –

*доктор филологических наук,
профессор кафедры журналистики
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия, belkich@rambler.ru*

Vera I. Antonova –

*Doctor of Philology, Professor,
Department of Journalism,
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia, belkich@rambler.ru*

«ОСТАВИТЬ СЛЕД». ПОСЛЕСЛОВИЕ

“LEAVING A MARK”. AFTERWORD

27 февраля 2021 г. не стало Андрея Степановича Алешкина. В культурном пространстве финно-угорского мира он был широко известен как личность яркая и неординарная. Его деятельность была многогранна и плодотворна. Известный график, живописец, театральный художник, педагог, организатор художественной деятельности, государственный служащий, он оставил заметный след в культуре Мордовии, посвятив себя развитию национальной культуры и искусства, их активному продвижению за пределы региона, расширению контактов культур финно-угорского мира.

Андрей Степанович родился 10 февраля 1959 г. в Челябинске. Получил профессиональное образование в Ленинграде, где окончил сначала Ленинградское художественное училище им. В. А. Серова (1979), затем – Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР (1988). В том же году за дипломную работу «Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского» был награжден бронзовой медалью Академии художеств СССР.

Девять графических листов, выполненных в технике автолитографии, объединены попыткой осмыслить значение великого писателя-философа для современной отечествен-

ной культуры. Лейтмотив дипломной серии связан с ключевыми моментами становления писателя, с трагическими событиями его жизни. Молодому художнику было важно показать путь мыслителя через преодоление, осознание мира через событийное проживание и переживание. Поэтому сюжетная концепция сложилась как своеобразный эмоционально-психологический контрапункт, характерный для русской художественной школы: портрет Достоевского («Мойка, 12») – размышление («Письма») – предчувствие трагедии («В ночь перед арестом...») – день казни («Семеновский плац») – испытание каторгой («Каторга») – обретение веры («Пророк») – жизнь в потоке Времени («Время») – погружение в творчество («Рукописи») – становление демиурга («Апостол»).

В образном решении каждого листа прочитывается своя, сочиненная и продуманная автором история, которую он предлагает расшифровать зрителям через найденный им символ. Достоевский на фоне отражения последнего дома Пушкина; Достоевский в квартире в доме Шила с видом на Исаакиевский собор; Достоевский, замкнутый громадой тюремного частоты; Достоевский в родном-чужом Петербурге; Достоевский наедине с собой. Столь глубокое решение темы стало возможным бла-

годаря профессиональным навыкам молодого художника. В графической серии он проявил себя как прекрасный мастер рисунка со сложным композиционным видением. Дипломная работа «Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского» стала большой творческой удачей А. С. Алешкина, продемонстрировав художественную зрелость и глубину его об-разного мышления.

С 1988 г. художник жил и работал в Саранске. Главной стороной его деятельности, безусловно, стало художественное творчество. Являясь с 1989 г. членом Союза художников СССР, он посвятил себя в первую очередь изобразительному искусству. Свидетельством постоянного роста его мастерства было участие в выставках различного ранга: республиканских, региональных, всероссийских, зарубежных (с 1979 г.). Заметным событием художественной жизни республики были две персональные выставки А. С. Алешкина, состоявшиеся в 1994 и 2019 гг. в Саранске. Персоналии с успехом прошли также в Лаппенранте (Финляндия, 1996) и Пензе (2007). О профессиональном качестве и популярности творчества художника говорит и тот факт, что немало его работ хранится в Мордовском республиканском музее изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи, а также частных коллекциях Рос-

сии, Финляндии, Германии, Швеции.

А. С. Алешкин принадлежит к тем художникам, для творчества которых характерен резкий перелом в художественном видении мира. Получив классическое художественное образование на графическом факультете Академии художеств СССР, он со временем ушел от традиций русской реалистической школы, обратившись к постмодернистскому взгляду на мир. Его творчество развивалось главным образом в русле этнофутуризма (хотя следует отметить, что художник не замыкался только в его рамках и сам себя к этнофутуристам не причислял).

Это художественное направление получило довольно широкое развитие в культуре финно-угорских народов. В наиболее общем виде суть данного явления заключается в органичном соединении достижений нового художественного языка и архаических образов, рожденных в глубокой древности. В результате герои древних мифов оказываются воплощенными в современной художественной форме, приобретают современные черты. К тому же авторы обычно усиливают символическое звучание образов, используя выразительные возможности авангардного искусства, которые лишают их привычных связей и ассоциаций, но создают новый художественный контекст.

Идея обращения к древней истории этноса, его культуре отвечала увлечению А. С. Алешкина феноменом исторической памяти, чрезвычайно актуальным для современников на рубеже XX–XXI вв. Неслучайно в его творчестве появляются серии работ «По незримому сле-

ду», «Финно-угорский мир» (1990-е гг.), «Торпинге» (2000-е гг.), «Куда ушли боги мордвы», «Ава», «Путь воина» (2002–2005) и др. Работа сериями, длящаяся на протяжении нескольких лет, – одна из главных творческих особенностей художника, позволявшая глубже проникнуть в избранную тему, открыть новые выразительные образы, актуализировать их для современного зрителя.

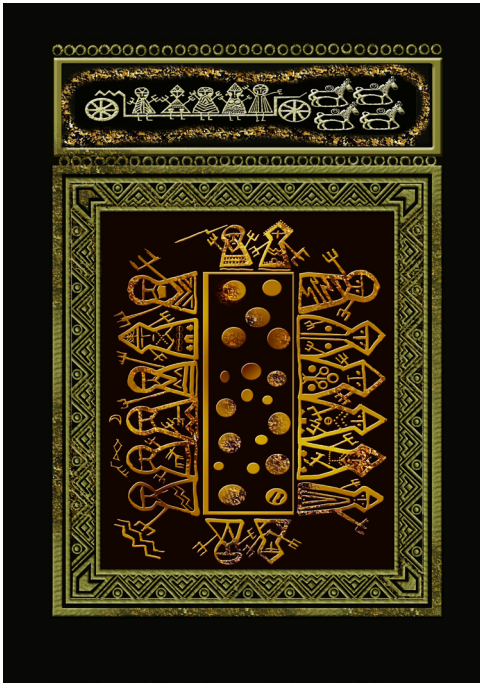
Особое внимание он уделял изучению мордовской мифологии, мифических представлений других финно-угорских народов, справедливо усматривая в них истоки этнической картины мира. В его творчестве нет стремления к воссозданию образа вселенной, но есть углубленный интерес к древним архетипам, наиболее широко распространенным в культуре мордвы и – шире – финно-угров. Можно выделить ряд мотивов, наиболее значимых для художника: медведь, птица, женщина, всадник, меч, шаман. За их изображением стоят пришедшие из древности представления о первопредках, истоках вселенной и человека, заключенных в них магических силах добра и зла, героической ратной истории мордвы и т. д. Художник придает им сакральное звучание, наполняет символическим смыслом. Символизации образов способствуют весьма условный колорит, максимальное обобщение формы, уплощение пространства, преобладающая статика композиции как выражение незыблемости, вечности устоев, соединяющих прошлое, настоящее и будущее.

Материалы и техники, применявшиеся автором, многообразны. Среди них и традиционные автолитография, рисунок карандашом, акварель, и малознакомая

зрителю древняя техника энкаустики, возрожденная в XX в. Особенно важно отметить, что, будучи приверженцем современных художественных трендов, А. С. Алешкин в числе первых художников Мордовии стал работать в области цифровой графики, осваивая новые технологии.

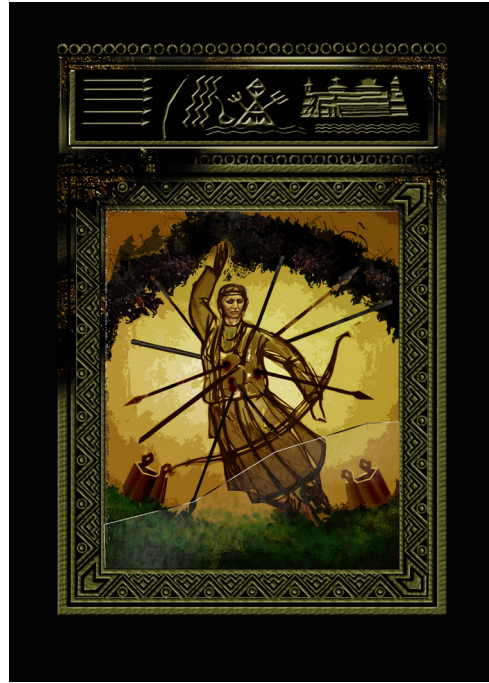
Одной из последних графических серий, по сути завершающей творческий путь мастера, стал цикл иллюстраций к древнему мордовскому эпосу «Масторава», изданному на трех языках: русском, эрзянском и мокшанском (2013). В этом цикле сконцентрировались сразу несколько важнейших творческих особенностей и методических подходов к работе с предлагаемым материалом, поступательно сформировавшихся в искусстве мастера. А. С. Алешкину были свойственны глубокое, предваряющее иллюстрирование теоретическое и практическое исследование темы, интуитивное выделение лейтмотива текста, поиск наиболее выразительных и созвучных современности образных и колористических решений, символизация сюжетного мотива, профессиональное художественное исполнение и культура подачи иллюстрированного текста, применение современных компьютерных технологий в исполнении задуманного.

Начиная работать над образным решением главной книги мордвы, Андрей Степанович глубоко изучил древние эпосы других финно-угров: карело-финский «Калевала», эстонский «Калевипоэг» – и их художественное оформление. Художник хотел выработать не просто авторский почерк, но неординарный изобразительный язык, способный передать национальное мироощущение, сохранив-

Пир богов. Из серии иллюстраций к мордовскому эпосу «Масторава». Б., смешанная техника. 2009. 28×20.

Feast of the gods. From a series of illustrations for the Mordovian epic "Mastorava". P., mixed technique. 2009. 28×20.

Подвиг Кастуши. Из серии иллюстраций к мордовскому эпосу «Масторава». Б., смешанная техника. 2009. 28×20.

The feat of Kastusha. From a series of illustrations for the Mordovian epic "Mastorava". P., mixed technique. 2009. 28×20.

шее сакральные ценности, и быть понятным современному зрителю.

Основной визуальный мотив, предложенный автором и связавший всю серию воедино, – образ старого помутневшего зеркала в богато украшенной геометрическим мордовским орнаментом, покрытой патиной времени бронзовой раме. За зеркальным стеклом – сюжетная композиция, выполненная в разных манерах: традиционно реалистической («Комолявка и Норовава», «Легенда о великанах», «Жертвоприношение Федай», «Завещание Кудоддея», «Сабан-богатырь» и др.), иконописной («Выборы Тюшти»), условно-символической («Пусть она тебе женою будет...», «Три рыбы», «Сотворение мира», «Молитва Андямо», «Сураля», «Три губан-бабы»

и др.), знаково-символической («Пир богов», «Выборы нового Тюшти», «Тюштя у гроба невесты» и др.).

Знаково-символическая композиция, заключенная в прямоугольную раму и набранная из древних родовых знаков мордвы, размещенная на верхнем срезе каждого листа, кодирует зазеркальный сюжетный мотив. А. С. Алешкин любил повторять, что зашифрованный им текст требует особого интеллектуального усилия при зрительском восприятии, стимулирует отклик исторической памяти. Каждый из шмуцтитлов, предваряющих главы эпоса, направлен художником именно на достижение этого впечатления. Графические знаки, умело отобранные автором и объединенные в минималистскую пиктографическую композицию, кон-

центрируют художественную энергетику визуального текста иллюстраций.

Продумано предложенное колористическое решение. Черный фон композиций и черная обложка книги символизируют само название эпоса – «Масторава» – «Мать-земля». Бронзовые оттенки рамы погружают в таинство древнего сюжета. Сдержанно введены в каждую конкретную композицию красный, белый, голубой, зеленый цвета.

Смешанная техника исполнения выводит иллюстрацию А. С. Алешкина на новый уровень профессионального мастерства. Он соединил ручную графику с компьютерной обработкой. Будучи прекрасным рисовальщиком, мастер начинал работать карандашом, затем расцвечивал изображенные акварелью и заканчивал

сочиненную композицию на компьютерном экране, создавая оригинальную электронную версию.

Визуальная история «Масторавы», сочиненная художником, стала связующей нитью, которую он протянул из далекого прошлого в сегодняшний день для того, чтобы его современники могли «увидеть себя», осознать, «кто мы и откуда пришли в этот мир».

Творческая деятельность А. С. Алешкина неоднократно была отмечена высокими наградами. Он трижды становился лауреатом Государственной премии Республики Мордовия (1995, 2005, 2015), был обладателем почетного звания «Заслуженный художник Республики Мордовия» (2007).

Значительное место в творчестве мастера занимал театр. Главной областью деятельности здесь была сценография, хотя известны и его литературные опыты. В начале 1990-х гг., занимая должность главного художника Государственного театра кукол РМ, он работал над спектаклями «Полторы горсти», «Приключения охотника Дамая». Последний был удостоен наград III Международного финно-угорского театрального фестиваля для детей и юношества «Ен дзирд» («Божественная искорка»), II фестиваля театров кукол Поволжья «Радуга» и др.

С 1990-х гг. и на протяжении последующих 30 лет А. С. Алешкин сотрудничал с Мордовским государственным национальным драматическим театром, где в разные годы работал и в качестве приглашенного художника, и на должности штатного художника-постановщика. Спектакли «Толмар», «Сказание предков», «Уроки радости», «Зряфонь парь», «Не забывай забываемое», «Крыша по-

ехала» – неполный список того, что было сделано автором.

Будучи человеком широко образованным, интересующимся различными областями культуры Мордовии, Андрей Степанович принимал участие в рождении двух музыкальных фолк-групп: «Торама», созданной Владимиром Ромашкиным и Геннадием Дулкиным в 1990 г., и «Морденс», основанной Ю. А. Буянкиным в 2005 г. При этом в первом случае он был не только идейным вдохновителем группы, но и запоминающимся исполнителем – играл на аутентичном финно-угорском инструменте варгане, а во втором – автором оригинального названия коллектива.

Существенное место занимала в деятельности А. С. Алешкина общественная работа. В 1989–1991 гг. он возглавлял Союз художников Мордовии, один из самых крупных творческих союзов республики. В 2000-е гг. принимал активное участие в деятельности Международного фонда развития финно-угорских народов, являясь его вице-президентом. С 2015 г. был членом Межрегиональной общественной организации «Национальный комитет Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест» (ИКОМОС, Россия).

Проблемы развития культур финно-угорских народов составляли главное содержание деятельности А. С. Алешкина как сотрудника Государственного комитета РМ по национальной политике, где он трудился в течение ряда лет. Эта работа, помимо всего прочего, способствовала обогащению представлений о культурах финно-угорских народов, осмыслению их специфики, проникновению в образный

строй традиционного искусства, что составило основу его творчества. Неслучайно в 1995 г. он стал автором Государственного флага Республики Мордовия. Сам художник считал его создание важной вехой своей культурной деятельности.

Творческая многогранность, увлеченность искусством, накопленный опыт повлияли и на другие виды деятельности Андрея Степановича, в частности преподавание в вузе. Более десяти лет – с 2006 по 2018 г. – он являлся профессором сначала кафедры искусства интерьера, а позже кафедры архитектуры и дизайна на архитектурно-строительном факультете Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, где вел как практические творческие (рисунок и живопись, энкаустика), так и теоретические (финно-угорское искусство и мифология, основы и языковая визуализация культуры, синтез искусств в архитектуре) дисциплины. Такой дисциплинарный набор выглядел совершенно оправданным.

Художник обратился к преподаванию, будучи уже известным в республике и за рубежом мастером графики и живописи, кукольником и сценографом, сценаристом, глубоким исследователем финно-угорской культуры, публицистом. Сочетание практических и теоретических дисциплин позволяло ему не только научить студентов правилам традиционного рисунка и живописного видения, но и развить в них желание и умение мыслить, изучать интеллектуальное наследие финно-угров и мировой художественной культуры в целом, совмещать визуальное восприятие арт-объекта с его смысловой наполненностью.

Студенты были влюблены в профессора. Им нравилась сама манера профессионального общения мэтра: он никогда не акцентировал разницу в возрасте, всегда знал, за что похвалить, стремился подбодрить, увлекался и увлекал студентов процессом рисования, живописного письма. Многие ученики Андрея Степановича, ставшие вузовскими преподавателями, успешными архитекторами и дизайнерами, членами Союза художников России, вспоминают, как преображался художник, садясь рядом с ними за мольберт, какими подвижными и профессионально ловкими были его руки, как тонко чувствовал он цветовую палитру.

На теоретических лекциях профессор любил подкреплять канонические доктрины примерами из собственного художественного, интеллектуального, просто жизненного опыта. Его лекции воспринимались в качестве увлекательного рассказа, заинтересованной взаимной беседы и запоминались слушателями надолго. Важно отметить, что особенно интересным ему самому казался авторский теоретический курс «Финно-угорское искусство и мифология», впервые читаемый им для будущих архитекторов и дизайнеров. В авторском курсе отразилось его стремление выделить локальные особенности искусства каждого из финно-угорских народов, сравнить их, найти и показать общие черты в мифологии, народном и профессиональном художественном творчестве.

Практически всегда обязательные курсы, читаемые А. С. Алешкиным в вузе, имели дальнейшее расширение. Профессор приглашал студентов на выставки, спектакли нацио-

нального драматического или кукольного театра, поставленные им как режиссером или решенные как сценарием, руководил выездными практиками, по собственной инициативе договариваясь с принимающей стороной. Так, в августе 2011 г. Андрей Степанович ездил с двумя студентками – Анной Тимофеевой и Натальей Боляевой – в Финляндию для участия в работе архитектурного воркшопа Vernadoc, посвященного вернакулярной (национальной) архитектуре. Важная деталь его педагогического метода, проявившаяся и в данном случае, – стремление представить Мордовию как исключительно значимое художественное пространство, функционирующее в общем потоке мировой культуры. В воркшопах принимали участие студенты-архитекторы из Финляндии, Румынии, Таиланда, Китая, Египта и Мордовии – в лице наших студенток.

В целом главной целью Алешкина-преподавателя было стремление не просто научить традиционным

художественным азам живописи и рисунка, а открыть студентам новые горизонты профессиональной деятельности, погрузив их в сложное и многообразное пространство творчества.

А. С. Алешкин был талантливым высокообразованным человеком и большим интересным художником. Ему всегда хотелось не только изобразить задуманное в графике или живописи, но и объяснить свой замысел вербально. Искусствоведческие, публицистические и художественные тексты, написанные им, наполнены глубокими размышлениями. Одно из них, о феномене следа, он изложил в книге «Моя Мастерова»: «Оставить след – это самая жизнестойкая позиция, сохранившаяся в мировоззрении человека с момента его появления. Мы говорим: “Жизнь прожита достойно, человек оставил свой след в истории”. То есть мы хотим прожить так, чтобы оставить заметное событие, то, что переживет нас. Оставить след». Андрею Степановичу Алешкину это удалось вполне.

Ольга Герольдовна Беломоева – доктор культурологии, профессор кафедры театрального искусства и народной художественной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, o_belomoeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3706-1101>

Надежда Юрьевна Лысова – кандидат философских наук, доцент кафедры архитектуры и дизайна Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, lysova-nu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2406-3925>

Olga G. Belomoeva – Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Theater Arts and Folk Art, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, o_belomoeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3706-1101>

Nadezhda Yu. Lysova – Candidate Sc. {Philosophy}, Associate Professor, Department of Architecture and Design, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, lysova-nu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2406-3925>

К 85-ЛЕТИЮ А. И. ТУРКИНА

TO THE 85TH ANNIVERSARY OF A. I. TURKIN

В 2021 г. исполнилось бы 85 лет известному исследователю коми языка, финно-угроведу, доктору филологических наук, крупному специалисту в области изучения лексики и топонимии, истории коми-зырянских диалектов, переводчику на коми язык, поэту, популяризатору филологических наук А. И. Туркину.

Адольф Иванович Туркин родился 1 января 1936 г. в д. Ероздино (Йёрёзьдін) Усть-Вымского района Коми АССР. После окончания в 1955 г. средней школы в с. Айкино служил в военноморском флоте на Дальнем Востоке, затем два года проработал корреспондентом районной газеты. Уже тогда молодой человек увлекся языкознанием, вопросами изучения коми языка, что привело его к поступлению в один из ведущих университетов (в Коми АССР тогда был лишь один вуз – Коми педагогический институт, где научная составляющая существовала в примитивном виде, так как вся подготовка студентов сводилась к освоению ими методики преподавания коми языка и литературы в средней школе).

1959–1964 гг. – учеба на филологическом факультете Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова по направлению «Финский язык и литература, русский язык и литература». После это-

го работа переводчиком в Финляндии на строительстве промышленного объекта, затем преподавателем русского языка в Тартуском государственном университете. В 1968 г. А. И. Туркин поступил в аспирантуру Коми филиала АН СССР с прикомандированием к Институту языкознания АН СССР (г. Москва). Научным руководителем аспиранта был доктор филологических наук профессор В. И. Лыткин (Илля Вась). В 1966–1968 и 1971–1973 гг. Адольф Иванович работал младшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. В 1972 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Топонимия Нижней Вычегды» в Институте языкознания АН СССР. В дальнейшем его жизнь была связана с Эстонией – родиной его жены. С 1973 по 1996 г. он работал лаборантом, младшим научным сотрудником, старшим научным сотрудником в секторе финно-угорских языков Института эстонского языка АН Эстонии (г. Таллин).

В 1989 г. в Москве в Институте языкознания АН СССР А. И. Туркин защитил докторскую диссертацию на тему «Топонимия Коми АССР (лингвистический анализ)». Однако доктором наук он был недолго: Адольф Иванович скоропостижно скончался 18 июня

1996 г. в Таллине. Его прах был захоронен на кладбище с. Айкино рядом с могилой матери. Таким образом, исследователь вернулся в любимый Коми край.

С А. И. Туркиным я познакомился в 1979 г. во время учебы в Сыктывкарском государственном университете имени 50-летия СССР на диалектологической практике в с. Ношуль Прилузского района Коми АССР, затем ученый читал спецкурсы по коми топонимии и финскому языку. Позднее мы встречались в Сыктывкаре и других городах во время проведения конгрессов и конференций финно-угроведов. Меня всегда поражали широта его научных интересов, глубина познаний в разных сферах. Видно было, что это филолог с большой буквы.

Основным направлением научного творчества А. И. Туркина были коми топонимия и, шире, ономастика. Сбору и систематизации разнообразного материала он посвятил более тридцати лет. Начиная с 1966 г. ученый собирал топонимический материал в экспедициях на территориях бассейнов Вычегды (1966–1969 гг.), Выми и Сысолы (1973 г.), Вашки и Мезени (1978 г.), Лузы и Летки (1979 г.), Ижмы (1980 г.), Печоры (1981 г.). В его трудах были разработаны основы научного исследования

коми топонимов, критически рассмотрены предыдущие работы по теме, установлены закономерности адаптации коми названий в русской топонимической системе, определены лексико-семантические типы коми топонимов, выявлена исчезнувшая и архаическая лексика коми языка, сохранившаяся только в топонимии, выделены этнолингвистические пласты.

Помимо топонимики ученый занимался и другими проблемами коми языкознания. Одно из направлений его изысканий – выявление и описание памятников письменности коми языка XVI и XIX вв. С большим интересом он работал в архивах и библиотеках, посвящая этому все свободное время. А. И. Туркин известен и как исследователь лингвистических контактов коми языка с ненецким и саамским языками. Кроме того, он активно рецензировал почти все крупные работы по коми языкознанию на страницах журнала «Советское финно-угроведение» (с 1989 г. – “Linguistica Uralica”). Им написано и опубликовано более 200 научных работ.

Одним из первых А. И. Туркин обратился к исследованию творчества коми ученого и русского писателя Серебряного века К. Ф. Жакова (1866–1926), гораздо раньше литературоведов подготовил и издал сборник его рассказов, очерков, сказок и преданий под названием «Под шум северного ветра» (Сыктывкар, 1990) с обширным предисловием и комментариями. Он открыл для научной и литературной общественности малоизвестного писателя и ученого И. Н. Мошегова, по национальности коми-пермяка (1880–1965), который с 1920 г. жил в Финляндии и писал истори-

ческие труды на финском языке под псевдонимом Игнатий Мёсшег.

А. И. Туркин широко известен как переводчик финской и эстонской литературы на коми язык. Он перевел часть карело-финского эпоса «Калевала», произведения финских писателей Мартти Ларни и Эльви Синерво, эстонских авторов Оскара Лутса, Антона Хансена Таммсааре и Аугуста Якобсона. Исследователь также перевел пьесу «Куллерво» Алексиса Киви, поставленную на сцене Коми республиканского драматического театра в конце 1980-х гг. В те времена он был единственным специалистом, способным сделать такие переводы на коми язык с оригинальных текстов.

Много лет живя на чужбине, Адольф Иванович всегда тосковал по родине, что хорошо видно из его опубликованного в 1992 г. стихотворения (перевод дословный):

И вöлі горт	И было родное гнездо
И Чужан му.	И Родная земля.
Юдорса сёрд –	Прибрежный низинный ельник –
Бать-мамлön гу.	Могилы родителей.
Но муні ылö,	Но уехал далеко,
Эновті горт,	Покинул родину,
Йöз пöвстас сылі –	Среди людей растворился –
Ни вок, ни ёрт.	Ни брата, ни друга.
Оз сулав ставыс	Не стоит всё
Морт олöм дон,	Цены жизни человека,
Но киссьöм ватö	Но пролитую воду
Он курав, он!	Не соберешь, нет!
И коркö, гашкö,	И, может быть, когда-то
Ас муö воа,	Возвращусь на свою землю,
Но кодöн сэжи	Но кем тогда
Ме сэні лоа?	Я там буду?

1990-е гг. были особенно продуктивными для А. И. Туркина: в Сыктывкарском государственном университете открылись новые возможности для привлечения ученого в качестве преподавателя и руководителя работами коми аспирантов, за что тот

взялся с воодушевлением. Его часто приглашали для чтения докладов в Финляндию, Германию, Венгрию, родную Россию. Свой вклад он внес и в работу по переводу Библии на коми язык, осуществляемую Институтом перевода Библии (Стокгольм – Хельсинки). Появилась также возможность основать собственную научную школу по коми топонимии. К сожалению, лишь два его аспиранта успели защитить кандидатские диссертации (А. Г. Мусанов по топонимике Прилузского района Республики Коми и О. П. Аксенова по коми-пермяцким географическим терминам).

Адольфу Ивановичу было отмерено всего 60 лет жизни. В принципе он всегда творил для своего народа, все его книги были изданы в Коми республике в Сыктывкаре. В Эстонии вышел лишь один небольшой препринт. Благодаря бывшему директору Музея истории просвещения Коми

края Сыктывкарского государственного университета М. И. Бурлыкиной два его крупных труда (словарь топонимов и текст докторской диссертации) были опубликованы уже после кончины ученого.

А. И. Туркин являлся действительным членом

Общества родного языка (Таллин, 1977), зарубежным членом Финно-угорского общества (Хельсинки, 1983), зарубежным членом общества «Калевала» (Хельсинки, 1985), членом-корреспондентом Финского литературного общества (Хельсинки, 1990), действительным членом Урало-алтайского общества (Гёттинген, 1990). В 1987 г. ученый был награжден юбилейной медалью общества «Калевала», в 1997 г. посмертно удостоен Государственной премии Республики Коми в области науки. Коми войтыр оз вунёд ассыис енбия писё!

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ А. И. ТУРКИНА

- Кöні тэ олан. Сыктывкар, 1977.
Краткий коми топонимический словарь. Сыктывкар, 1981.
Топонимия Республики Коми (лингвистический анализ). Сыктывкар, 2014.
Топонимический словарь Республики Коми. Сыктывкар, 2015.
Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики. Таллин, 1985.
Архаическая лексика коми языка в топонимике Вычегды // Советское финно-угроведение. 1972. № 4. С. 227–283.
Русско-зырянский словарь Н. П. Попова // Советское финно-угроведение. 1976. № 4. С. 294–299.
Материалы по коми языкам в архиве А. М. Шёгрена // Вопросы финно-угорской филологии. Л., 1977. Вып. 3. С. 86–93.
О втором варианте русско-зырянского словаря Н. П. Попова // Советское финно-угроведение. 1977. № 4. С. 293–296.
Коми-ненецкие языковые контакты // Советское финно-угроведение. 1985. № 3. С. 190–203.
Об одном малоизвестном памятнике древнепермской письменности // Festschrift für Raija Bartens zum 25.10.1993. Helsinki, 1993. С. 277–281.
О взаимоотношениях коми и саамского языков // Linguistica Uralica. 1994. № 1. С. 19–27.

Евгений Александрович Цыпанов –

*доктор филологических наук, заместитель директора
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН,
Сыктывкар, Россия, tsypanov@mail.illhkomisc.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6351-2896>*

Evgeny A. Tsypanov –

*Doctor of Philology, Deputy Director
of Institute of Language, Literature and History,
Komi Scientific Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia, tsypanov@mail.illhkomisc.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6351-2896>*

ОБРАЗ ГОРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ ХАНТЫЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

THE IMAGE OF THE CITY IN THE WORKS OF KHANTY WRITERS

Рецензия на книгу: Косинцева Е. В. Метатекст в хантыйской литературе: урбанистический код. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2020. – 168 с.

Book review: Kosintseva E. V. Metatext in Khanty literature: urban code. – Khanty-Mansiysk: Print World of Khanty-Mansiysk, 2020. – 168 p.

В начале XXI в. одной из наиболее актуальных становится проблема сохранения национальной самобытности. Особенно это касается малочисленных этносов, которым в век глобализации и электронной индустрии весьма непросто сохранить национальную идентичность. Среди них – многие народы Севера. Известный российский этнограф А. П. Окладников справедливо отметил: «Проблемы культуры народов Севера, как и иных многочисленных народов планеты, – это сложная проблема развития, охраны, поддержки и одновременно планомерного изучения этой культуры» («Феномен культуры малых народов Севера»).

С точки зрения этногенеза данные народы относятся к числу реликтовых. Таковыми можно считать и народы ханты и манси, нередко называемые обскими уграми. Их культурное наследие, стереотипы поведения, психологические установки все чаще привлекают внимание историков, этнографов, культурологов. Не мень-

ший интерес представляет их литературное творчество. Несмотря на младописьменный характер, литература обских угров имеет богатейшее художественное наследие. В современном литературоведении со всей очевидностью встал вопрос о путях и перспективах ее развития.

В последнее время благодаря талантливым ученым-филологам Обско-угорского института прикладных исследований и разработок изданы интересные труды по изучению национальной литературы¹. В этом ряду изданий выделяется монография доктора филологических наук Е. В. Косинцевой «Метатекст в хантыйской литературе: урбанистический код». Опираясь на работы структуралистов, впервые обратившихся к проблемам изучения текста как знаковой системы, автор обосновывает возможность рассмотрения городского текста в хантыйской литературе как метатекстовой структуры, таящей в себе символические коды о том или ином городском пространстве.

Е. В. Косинцеву привлекает еще малоизученная проблема – осмысление образа города в творчестве хантыйских писателей. Заметим, что именно литературоведы одними из первых поднимают данную проблему. Это объясняется не только младописьменным характером хантыйской литературы, но и тем, что город не был «традиционным местом проживания этносов» (с. 13). Важной исследовательской задачей становится пристальное изучение литературных произведений, в которых образ города, городского пространства является смысло- и сюжето-образующей основой.

Автора монографии прежде всего интересуют особенности рецепции образа города тем или иным писателем, его способность через художественное слово выразить национальную мифологию, менталитет хантыйского этноса, определить сущность ментального концепта, порожденного определенным географическим локусом. Издание демонстрирует многоплановую ин-

¹ См.: Косинцева Е. В. Женские образы в хантыйской литературе (Ханты-Мансийск, 2010); Косинцева Е. В., Куренкова Н. В. «Все в этом мире от Бога...»: роман Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» (Ханты-Мансийск, 2010); Ершов М. Ф. Литературный текст как историко-этнографический источник: по материалам произведений писателей Югры, Урала и Южной Сибири (Ханты-Мансийск, 2015); Сязи В. Л. Художественная концепция любви в прозе Е. Д. Айпина (Ханты-Мансийск, 2018); Семенов А. Н. Теоретические аспекты литературы как культурного пространства (Ханты-Мансийск, 2018); Косинцева Е. В. Метатекст в хантыйской литературе: урбанистический код (Ханты-Мансийск, 2020).

терпретацию городского текста в хантыйской прозе и поэзии. Объектом исследования становятся наиболее репрезентативные в выбранном аспекте произведения – проза Е. Айпина, поэзия М. Шульгина, Р. Ругина, М. Вагатовой (Волдиной), В. Мазина, М. Новьихова, В. Лонгтортовой, Е. Ермаковой и др.

Структура работы во многом продиктована проблемно-тематическим и жанровым разнообразием хантыйской литературы, являющейся неотъемлемой частью культурного наследия России. Именно поэтому монография открывается главой «Образ России в хантыйской литературе: урбанистический код». В данной части работы внимание акцентируется на национальных особенностях литературы ханты, рассматривается образ России и русского человека в хантыйской литературе, раскрываются особенности представления образов российских городов-мегаполисов и городов Западной Сибири в хантыйской поэзии, анализируется атрибуция безымянного города в рассказе Е. Айпина «Осень в твоём городе». Исследователь приходит к убедительному выводу, что «Россия – важная составляющая урбанистического кода хантыйской литературы. ...хантыйские поэты и прозаики используют устоявшиеся символы: история страны, семейные ценности, религиозность, русская литература, природа. Характеризуя страну, авторы часто подменяют номинацию “Россия” понятиями “родина”, “земля»» (с. 40).

Тесные связи с Россией, с русской культурой находят безусловное воплощение в художественных произведениях ханты. Национальные поэты часто вводят в свое поэтическое творчество образы столиц – Москвы и Санкт-Петербурга как доминантных маркеров России. Е. В. Косинцева обращает внимание на способы раскрытия про-

странственных, исторических и географических характеристик мегаполисов. Учитывая национальное мировидение хантыйских поэтов, исследователь констатирует, что «образ города строится на эмоциональном восприятии и впечатлении. Пространство города воссоздается через те атрибуты, которые непривычны взгляду северянина: высокие дома, широкие площади, купола храмов» (с. 50).

С учетом национальных и географических особенностей происходит и осмысление городов Западной Сибири – мест исконного проживания ханты. Исследователь выделяет шесть наиболее популярных городов Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов: Салехард, Лабитнанги, Нижневартовск, Мегион, Ханты-Мансийск, Сургут. Поэтам город интересен с позиций его «возрастных» признаков, участия в освоении таежного пространства, вклада в индустриальное развитие России. Поэты воссоздают основные символы северных городов, нефтяных центров России, – нефтяные вышки, открытые пространства, стройки и т. п. Однако исследователю важно подчеркнуть амбивалентность художественного восприятия образа города, его прочтение и с точки зрения этимологии топонима, истории поселения и географических признаков.

Если первая глава монографии дает представление о многомерном воплощении образа города прежде всего в хантыйской поэзии, то вторая («Городской текст в хантыйской литературе: образы европейских и американских городов») сосредоточена на выявлении особенностей городского текста в прозе известного писателя Е. Айпина. Именно с данным прозаиком исследователь связывает формирование городского текста в национальной художественной словесности ханты («Парижанка», «Моя княжна», «Ночь

Маэстро», «Дона, или Последняя ночь в “Шато Лурье”», «Река-в-Январе, или в Рио-де-Жанейро» и др.).

Е. В. Косинцева тщательно анализирует парижский текст в прозе Е. Айпина, акцентирует внимание на описании городов Северной Европы, изучает специфику авторского взгляда на Рио-де-Жанейро, городов Канады и США. По мнению ученого, проза в отличие от поэзии наиболее репрезентативно демонстрирует проявление метатекстовой структуры. Автор-путешественник становится своеобразным интерпретатором городского пространства, он не только воссоздает культурную и историческую атмосферу того или иного города, передает ментальные особенности его жителей, но и сравнивает эти особенности со своей национальной культурой. Художественная доминанта «родное – чужое» играет значимую идейно-смысловую роль в постижении образа автора, его отношения к нации, миру и человеку. Исследователь подчеркивает, что прозаик способен прочитывать информацию, которую город дает о себе, автору доступны его прошлое и настоящее, его колорит, символика цветописа и звуков, но при этом важными маркерами для него остаются топонимическая достоверность и яркий этнический колорит. Создавая городской текст, писатель способен перекодировать символические тексты города, воплощенные в его архитектурном, культурно-историческом, природном планах, в художественный текст.

Проведенное исследование позволяет Е. В. Косинцевой прийти к выводу, что городское пространство в произведениях Е. Айпина представлено разными моделями: «Одним из изблюбленных способов презентации города становится сравнение, актуализированное в вариациях “свое – чужое”. Большая часть топонимов в хантыйской литературе представлена через

взгляд путешественника, который может проводить параллели в силу своей культурной эрудиции и имеющегося опыта познания стран и городов, а также город предстает как новое, неизведанное пространство, иное для привычной культурной среды героя» (с. 154).

Как уже подчеркивалось, нам видится весьма удачной структура монографии. Многомерное изучение художественных произведений разной родовой принадлежности доказывает, что город – это не случайное явление в литературе хантыйского

народа. Ведя исследование от поэзии к прозе, Е. В. Косинцева демонстрирует отличие понятия «образ города», доминирующего в хантыйской поэзии, от понятия «городской текст», нашедшего воплощение в прозе одного из ярчайших хантыйских прозаиков Е. Айпина.

На наш взгляд, рецензируемая книга дает все основания говорить об «урбанистическом коде хантыйской литературы, в котором заметное место отводится городскому тексту и который, безусловно, является частью «югорского текста»

(с. 153). Необходимо добавить, что актуальность, репрезентативность приведенных в монографии материалов не вызывает сомнения. Думается, что новая книга исследователя позволит полнее передать особенности хантыйской литературы. Со всей очевидностью можно констатировать, что М издание окажет существенную помощь как специалистам в области изучения литературы малых народов Севера, так и всем интересующимся урбанистической темой в художественной словесности.

Светлана Петровна Гудкова –

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия, sveta_gud@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5894-6347>*

Svetlana P. Gudkova –

*Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
National Research Mordovia State University
Saransk, Russia, sveta_gud@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5894-6347>*

ОЧЕРЕДНАЯ КНИГА ПО МАРИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

ANOTHER BOOK ON MARI LEXICOGRAPHY

Рецензия на книгу: Сергеев О. А. Василий Крекнин, Иоанн Платунов «Краткий черемисский словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря). – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ: Мар. кн. изд-во, 2020. – 348 с.: ил. – (Из истории отечественной лексикографии. Сер. II).

Book review: Sergeev O. A. Vasily Kreknin, Ioann Platonov "A Brief Cheremis Dictionary with Russian Translation": a linguistic analysis (with a dictionary attached). – Yoshkar-Ola: MarSRILLH: Mar. book publishing house, 2020 – 348 p.: ill. – (From the history of Russian lexicography. Ser. II).

В 2020 г. в Йошкар-Оле в Издательском доме «Марийское книжное издательство» увидела свет монография Олега Арсентьевича Сергеева о языке неопубликованного марийского словаря XVIII в. Обращение автора к этой теме отнюдь не случайно: первые марийские письменные памятники (летописи, словари, разговорники, лексиконы и т. п.) являются богатейшим источником для изучения языка на всех уровнях. Подобные исследования проводились на материале родственных мордовских языков А. П. Феокистовым, О. Г. Назаровой, коми языка Р. М. Баталовой, З. И. Кузнецовой, А. И. Туркиным, удмуртского языка Т. И. Тепляшиной, В. К. Кельмаковым, Л. М. Ившиным.

Рассматриваемая книга посвящена всесторонней лингвистической характеристике рукописного словаря марийского языка, поэтому уже факт вовлечения в научный оборот новых хранящихся в единственном экземпляре материалов из архивных фондов заслуживает высокой оценки.

Данное издание является продолжением научной серии «Из истории отечественной лексикографии». Первая книга серии «Словарь черемисского языка с российским переводом» (в истории марийского словарного дела он известен как «словарь Дамаскина», 1785 г.) того же автора с подробным анализом издана в 2003 г. в Йошкар-Оле.

В истории марийской лексикографии «Краткий черемисский словарь с российским переводом» – первый большой словарь, подготовленный не по готовому русскому словнику. Он был составлен в 1785 г. и по структуре является марийско-русским словарем. Как отмечает О. А. Сергеев, «в том же году был подготовлен и «Словарь языков разных народов, в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис...»» (с. 5).

Композиционно книга состоит из шести глав, имеет списки сокращенных названий языков и диалектов, общеупотребительных сокращений, лите-ратуры и источников.

Первая глава «Палеографическое описание «Краткого черемисского словаря с российским переводом»» содержит общую характеристику рукописного словаря, конкретные архивные данные.

Вторая глава «Предпосылки составления «Краткого черемисского словаря с российским переводом»» посвящена причинам создания словаря. В. Крекнин и И. Платунов руководствовались идеей «как можно больше просветить коренной народ и приобщить своих прихожан к христианской вере» (с.11).

В третьей главе «О составителях «Краткого черемисского словаря с российским переводом»» приводятся биографии составителей – священнослужителей Василия Крекнина, протоирея Троицкого собора Кукарской слободы, и Иоанна Платунова, диакона Спасской церкви. И. Платунов также неоднократно участвовал в переводах произведений церковной литературы на удмуртский язык.

Четвертая глава «О диалектной принадлежности руко-

писного памятника» отражает диалектную лексику разных наречий марийского языка. Иллюстративные материалы показывают, что приведенные слова составляют лексический запас лугового, северо-западного и восточного наречий марийского языка, например: *тырма* 'борона', *люнгалтэмь* 'качаю', *вурдо* 'ручка, черен', *вита* 'конюшня, санный сарай', *виникъ* 'веник', *лакца* 'огород', *каце* 'жених', *цѣшка* 'кустарник, редкий лес', *цара* 'голый' и др.

Пятая глава «Построение словарной статьи» интересна как с точки зрения истории языка, так и с позиции современного исследователя-лексикографа и лексиколога. Основное внимание в ней уделено способам построения словарных статей и подачи словарного материала, переводам, пометам, грамматическим пояснениям. Лексикографический памятник XVIII в. интересен во многих ракурсах – от описательного языкознания до типологического и контактологических исследований.

Шестая глава «К характеристике марийской части "Краткого черемисского словаря с

русским переводом"» посвящена интерпретации лексического богатства, содержащегося в корпусе словаря. О. А. Сергеев разделяет всю лексику на группы по тематическому и структурному принципам, выделяя диалектную, этнографическую, религиозно-морфологическую лексику, показывает изменения в значениях слов, устаревшие слова и т. п. Прослеживаются фонетические изменения в области согласных и передачи специфических фонем марийского языка. В ходе лексического анализа основное внимание уделяется лексике материальной и духовной культуры марийского народа, редким и забытым словам, русским лексическим заимствованиям. Рассматриваются грамматические категории как знаменательных, так и служебных частей речи.

К книге прилагается словарь, содержащий 5 186 слов и словосочетаний марийского языка, набранный компьютерным способом, а также оригинал памятника.

По справедливому утверждению О. А. Сергеева, «Краткий черемисский словарь с россий-

ским переводом», как и «Словарь черемисского языка с российским переводом» (1785 г.) и анонимный «Словарь языка черемисского» (2-я половина XVIII в.), положил начало марийской лексикографии (с. 98). Среди трех крупнейших лексикографических памятников словарь В. Крекнина и И. Платунова выделяется тем, что является национально-русским, а потому весьма ценен в истории отечественной лексикографии. Он сыграл неоценимую роль в теории и практике словарного дела. Его составители впервые признали правила первой марийской грамматики (1775 г.) как норму и успешно применили их в практике перевода с марийского языка на русский. Благодаря составителям памятника «на новой графической основе начали формироваться марийская письменность нового времени и литературный язык» (с. 98).

Марийское языкознание и в целом финно-угроведениеполнились еще одним серьезным исследованием, работа О. А. Сергеева удачно заполняет брешь в изучении рукописных памятников XVIII–XIX вв. по финно-угорским языкам.

Валерий Николаевич Максимов –

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка и литературы,
заведующий НОЦ языковых технологий "Марий йылме"
Марийского государственного университета,
Йошкар-Ола, Россия, sernur@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>*

Valerij N. Maksimov –

*Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor,
Department of the Mari Language and Literature,
Head of the Research Center of Language Technologies
"The Mari Language",
Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia, sernur@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>*

Рецензируемый научный журнал «**Финно-угорский мир Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

«Филологические науки» – **10.02.00 Языкознание;**

«Исторические науки» – **07.00.00 История и археология;**

«Культурология» – **24.00.00 Культурология.**

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор:

Макаркин Николай Петрович, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Научные редакторы:

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Филологические науки»;

Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Исторические науки»;

Бояркин Николай Иванович, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Культурология».

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии и Эстонии.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

“Philology” – **10.02.00 Linguistics**;

“History” – **07.00.00 History and Archeology**;

“Cultural Studies” – **24.00.00 Cultural Studies**.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences”.

Editor in Chief:

Nikolay P. Makarkin, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies

Editorial Board:

Natalya M. Mosina, Doctor of Philology, Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Philology”;

Galina A. Kornishina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University, section “History”;

Nikolay I. Boyarkin, Doctor of Art History, Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Cultural Studies”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary and Estonia.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich’s Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Заместитель главного редактора *А. В. Родняков*

Научные редакторы:

Н. И. Бояркин, Н. М. Мосина, Г. А. Корнишина

Редактор *Е. С. Руськина*

Верстка и дизайн *Л. В. Калачина*

Корректор *Н. И. Ершова*

Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Рукописи не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

*На обложке: 1-я стр. – рисунок «Самоедка в летнем платье»
из книги «Этнографическое описание народов России», 1803, ч. 1;*

4-я стр. – творческая работа П. Миничкина «Хозяйка небесных вод», 2020, бумага, акварель

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Assistant Editor *A. V. Rodniakov*

Editorial Board:

N. I. Boyarkin, N. M. Mosina, G. A. Kornishina

Editor *E. S. Ruskina*

Layout design *L. V. Kalachina*

Correction by *N. I. Ershova*

Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The Editorial board reserves the right not to return manuscripts.

Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

On the cover: page 1 – drawing “*Samoyed woman in a summer dress*”
from the book “*Ethnographic Description of the Peoples of Russia*”, 1803, part 1;
page 4 – work of P. Minichkin “*Mistress of heavenly waters*”, 2020, paper, watercolor